

**Державний
історико-архітектурний заповідник
у м. Святогірську**

**Святогірський
альманах**

2007

Збірник наукових праць

**Державний
історико-архітектурний заповідник
у м. Святогірську**

Святогірський альманах

2 0 0 7

Збірка наукових праць

I. Археологічні дослідження.

**II. Історичні та пам'яткоохоронні дослідження.
Музеєзнавство.**

Донецьк
2007

ББК 86.372.24

С.25

Святогірський альманах 2007
Збірник наукових праць.
КЗ «Державний історико-архітектурний заповідник у
м.Святогірську».
Донецьк. Журнал «Донбас». ООО «РА «Ваш імідж», 2007»,
2007 – 210 с.

Редакційна колегія

Добров П. В. – докт. істор. наук, проф. (гол. редактор)

Колесник О.В. – канд. істор. наук, доцент (заст.. гол. редактора)

Єрхов Р.П. - докт. істор. наук, проф..

Моргун В.А. - докт. істор. наук, проф.

Нікольський В.М. - докт. істор. наук, проф.

Пірко В.О. - докт. істор. наук, проф.

Дутка І.І. – канд.. техн.. наук.

Редактор упорядник - Дєдов В.М.

В збірнику „Святогірський альманах” 2007 публікуються результати наукових досліджень останнього часу, які присвячені історико-культурній спадщині Святогірського історичного ареалу в Донецькій області.

До збірки залучені статті, повідомлення науковців Державного історико-архітектурного заповідника, інших музейних і наукових закладів в Донецькій області, а також м. Києва, Львова.

ISBN 966-108-17-3

© КЗ «Державний історико-архітектурний заповідник
у м. Святогірську», 2007

Вступ

Проведення в травні 2005 року Всеукраїнської науково-практичної конференції по проблемах збереження культурної спадщини на базі Державного історико-архітектурного заповідника в м. Святогірську дало поштовх до подальшого вивчення історико-культурної спадщини Донецького регіону.

В 2006 році був проведений комплекс науково-дослідних робіт, наслідком яких стала збірка наукових праць „Святогірський альманах – 2006”. В 2007 році тематика досліджень була розширена, результати яких представили 16 авторів, роботи яких залучені редакційною колегією до нової збірки „Святогірський альманах – 2007”.

Назва збірки відображає мету редакційної колегії – якомога ширше охопити спектр наукових інтересів стосовно такого унікального явища в історико-культурному і природному аспекті як Святогірський історичний ареал.

Більшість авторів публікацій є випускниками або викладачами історичного факультету Донецького національного університету, тому зовсім не випадково редакційна колегія представлена професорсько-викладацьким складом означеного факультету на чолі з його деканом, доктором історичних наук, професором Добровим П.В.

Наукові матеріали друкуються на мові рукописів статей, наданих авторами.

В збірці виділені два основних розділи за тематикою досліджень:

I. Археологічні дослідження.

II. Історичні та пам'яткоохоронні дослідження. Музеєзнавство.

Від імені редакційної колегії висловлюю вдячність всім авторам, які надали свої наукові здобутки в цю збірку, яка стає щорічним виданням.

Редактор упорядник збірки,
директор Державного історико-архітектурного
заповідника у м. Святогірську

В.М. Дедов

I. Археологічні дослідження.

Средневековый «реликварий» из раскопок поселения Выдылыха на Северском Донце

О том, что поселение Выдылыха, обнаруженное в 20^е годы прошлого столетия, памятник многослойный – было известно уже по данным его предварительного обследования [24]. Подъемный материал указывал на то, что культурный слой поселения содержит в себе и материалы раннесредневекового времени. Дальнейшие раскопки памятника это убедительно подтвердили [9; 10; 6, с. 11]*.

Среди многочисленного и разнообразного материала раннесредневекового времени привлекает внимание находка костяного изделия, поверхность которого украшена многосюжетным рисунком (рис. 1). Костяной предмет был найден в хозяйственной яме №3 раскопа I-III в 2004 г. Устье ямы определялось с глубины 0,3 м. благодаря ярко выраженной концентрации находок мелких (3-8 см.) камней. На глубине 0,5 м. в гумусном заполнении были встречены камни более крупных размеров (до 15 см.) Колоколовидный профиль ямы четко фиксировался с глубины 0,96 м. В плане яма имеет овальные очертания с диаметром устья чуть более 1 м. (рис. 3, -1-2). Она была врезана в материк до глубины 1,95 м. и заполнена рыхлым темноокрашенным гумусированным материалом с большой примесью пепла, древесных угольков и содержала значительное количество культурных остатков. В заполнении ямы с глубины 0,6 м. зафиксировано большое количество фрагментов керамики. Преимущественно это были фрагменты венчиков, стенок и доньшек гончарных горшков (рис. 4-8). Горшки стандартных для салтово-маяцкой культуры пропорций: с короткой шейкой, отогнутым наружу венчиком, широким округленным туловом с небольшим расширением в верхней части сосуда и резким переходом от шейки к плечикам. В тесте горшков хорошо заметна примесь мелкого речного песка. Стенки сосудов преимущественно тонкие, в изломе темно-серого цвета, как правило, украшены орнаментом из тонких горизонтальных или волнообразных линий. Иногда орнамент из горизонтальных линий украшает практически всю поверхность горшка (рис. 4). Незначительным количеством находок представлена лепная керамика. При этом нужно отметить, что некоторые лепные стенки сосудов по своей фактуре близки к керамике пеньковской культуры, однако они, являются механической примесью заполнения

* Систематические раскопки памятника проводятся с 2004 г. под общим руководством Колесника А.В.[9;10].

хозяйственной ямы, которая прорезала существующий пеньковский слой.

Кроме горшков в хозяйственной яме №3 были найдены фрагменты красноглиняной круглодонной амфоры (рис. 9) и небольшой сероглиняной, со следами лощения, кубышки. В ее средней части прочерчена горизонтальная линия, выше которой расположен орнамент из треугольников, нанесенных зубчатым штампом (рис. 8, -4).

В целом керамический комплекс хозяйственной ямы датируется концом IX-X вв. и являются типичным для поздних памятников салтово-маяцкой культуры среднего течения Северского Донца [13, с. 193-244; 15, с. 115; 11, с. 274, 276, с. 278-283].

В яме №3 была собрана весьма представительная коллекция останков животных, состоящая из 1822 костей млекопитающих и одной трубчатой кости птицы. Основное количество костей относится к взрослым особям мелкого рогатого скота (МРС). Интересные наблюдения были сделаны авторами раскопок при осмотре остеологического материала. Присутствие целых или почти целых ребер и позвонков говорит о том, что термической обработке (провариванию) подвергались преимущественно крупные сегменты туш МРС, разрезанные в основном по суставным сочленениям. Отсутствие подиумных костей конечностей отражает способ разделки туши животных для пищевых целей. Многие ребра и трубчатые кости крупного рогатого скота (КРС) сохранили следы ударов рубящего орудия. Длина фрагментов ребер достигает 10-15 см., т.е. грудная клетка КРС рассекалась, по-видимому, на неширокие части, как и при современной разделке. На некоторых разбитых трубчатых костях МРС и КРС (в их торцевых частях) сохранились характерные оскольчатые повреждения, возникающие при выбивании костного мозга из проваренной кости. Анализируя остеологический материал, следует отметить, что в заполнении ямы найдены, в основном, части туш взрослых особей МРС и КРС, наиболее ценные в пищевом отношении. Степень их фрагментарности можно оценить как среднюю. Такая модель использования стада в домашнем рационе свидетельствует о достаточности пищевых запасов у древнего населения поселка.

Самой эффектной находкой в заполнении хозяйственной ямы №3 является хорошо сохранившееся костяное изделие из оленьего рога (рис. 1) *. Для его изготовления мастер использовал часть рога в месте разветвления его отростков. После поперечного спила двух ветвей и основания рога его губчатая сердцевина была выбрана резцом, а наружный слой рога, т.н. компакта, обточена и отшлифована. По краям

* Фонды Святогорского государственного историко-архитектурного заповедника, вст. 1624, инв. №Арх. 735.

всех трех отростков просверлены небольшие отверстия – семь, три и два. К сожалению, во втором случае край изделия обломан и установить точное количество отверстий не представляется возможным. В итоге получилась своеобразная емкость с тремя округлыми поперечными отверстиями и тонкими гладкими стенками. Размеры изделия составляют 75x25x25 мм.

На внешней поверхности изделия тонким резцом выгравирован рисунок, состоящий из зигзагообразных орнаментальных мотивов, геометрических и антропоморфных фигур. Изображенная на изделии композиция включает в себя, на наш взгляд, два сюжета. Первый из них (рис. 1, д) условно можно назвать сценой битвы. В центральной части этого рисунка изображен человек (воин), который щитом овальной формы отражает удар копья. По всей видимости, изображена финальная часть битвы – ноги у воина согнуты в коленях, рука опущена вниз, как бы в поисках опоры. С помощью нескольких линий художник сумел передать нам не только динамику действия, но и весь трагизм события (рис. 2, а).

Судьбу гибнущего героя разделила, по-видимому, и лошадь воина, которая изображена в верхней части композиции (рис. 2, б). Шея животного сильно опущена вниз, что не очень характерно для изображений лошади в эпоху Хазарского каганата [21, с. 60-67].

В нижней части композиции изображена зигзагообразная линия, правый конец которой заканчивается двузубцем с отогнутыми вниз концами (рис. 2, в). На первый взгляд перед нами изображение одной из множества тамг феодальных семей Хазарского каганата [20, с. 128; 28, с. 53, с. 59-62], или же апотропеический знак, призванный защищать содержимое костяного изделия от злых сил [28, с. 60].

Однако основной составляющей знака является довольно длинная зигзагообразная линия, с древности выступающая символом змеи, нижнего мира [2, с. 157-161]. Кроме того, художник расположил этот знак ниже уровня земли, которая четко обозначена горизонтальной линией под ногами воина. Наверное, не случайно, что и удар копьем в воина направлен снизу. В пользу такой трактовки знака говорит и общее композиционное построение данного изображения, которое четко разделено по вертикали на три части: верхний мир (изображение лошади), средний мир (изображение погибающего воина), нижний мир (изображение змеи).

Очень важно для такого объяснения сюжета еще одно изображение в этой сцене. А именно: слева и чуть выше воина прочерчен прямоугольник, разделенный на две части вертикальной и на несколько частей горизонтальными линиями, который, на наш взгляд, является изображением вертикальной оси соединяющей средний и верхний миры (рис. 2, д).

Изображение вертикальной оси мира в виде дерева, коновязи, лестницы или веревки хорошо известно в изобразительном искусстве тюркских, фино-угорских, индоиранских народов [22, с. 30; 25, с.79-83; 14, с. 15-28]. Типология изображений мировой вертикали, встреченных на культовых или бытовых предметах салтово-маяцкой культуры, приведена в работе Флеровой-Нахапетян В.Е. [28, с. 138-140].

Еще одна сюжетная композиция изображена на второй стороне изделия (рис. 1, в). В центральной части рисунка изображен человек с расставленными в стороны руками. В левой руке у него находится копьё с бунчуком, в правой – штандарт с тотемом в виде птицы (рис. 2, г). Аналогий подобным изображениям в раннем средневековье достаточно и они хорошо известны специалистам [26, с.81; 18; 1, с. 65, с.77]. Одно из них, прочерченное на каменном блоке крепостной стены Преслава, мы посчитали необходимым воспроизвести в данной статье, так как оно достаточно наглядно подкрепляет нашу гипотезу о штандарте-тотеме (рис. 2, е). Справа и слева антропоморфной фигурки вновь изображены геометрические фигуры в виде квадрата, прямоугольника с горизонтальными линиями в виде лесенки (рис. 1, в).

Одна из узких сторон изделия украшена орнаментом в виде зигзага (рис. 1, а), который очень напоминает двойной шов при соединении грубой ниткой двух краев кожного изделия. Это позволяет предположить, что рассматриваемый нами образец прикладного искусства, выполненный из оленьего рога, может иметь аналогии среди изделий из кожи, которые в силу худшей сохранности органики, или не сохранились, или еще ждут своего исследователя.

Рассмотренные выше две сюжетные композиции несомненно связаны между собой и имеют некую общую трактовку. К сожалению, прямых смысловых звеньев, указывающих на такую связь, мы не увидели. Ясно одно – оба сюжета на костяном изделии из Выдыльхи посвящены культу воина и повествуют нам о его судьбе. Уникальность находки публикуемого костяного изделия заключается еще и в том, что оно найдено в заполнении хозяйственной ямы. До этого подобного рода предметы находили в погребениях или в культурном слое городищ и поселений. Не исключено, что в данном случае мы имеем дело не просто с ямой хозяйственного назначения, а со следами поминального культа в память о погибшем воине. Этим объясняется такое обилие костей животных, о чем упоминалось в начале статьи, и которое осталось, по-видимому, после поминальной трапезы, а также тот факт, что яма в своей верхней части была забутована диким камнем. Отметим, что в 5 м. от хозяйственной ямы было найдено безынвентарное погребение, совершенное в щелевидной яме (рис. 3, -2). Скелет взрослого мужчины лежал на левом боку с подогнутыми коленями и был ориентирован головой на восток. Кости правой руки вытянуты

вдоль корпуса с неестественно развернутой кистью. Левая рука вытянута вдоль корпуса и слегка согнута в локте. Создается такое впечатление, что умерший был небрежно брошен в могильную яму и являлся одним из элементов (жертвоприношение?) поминального обряда. Помещенное в яму изделие из оленьего рога предназначалось, по-видимому, погибшему в бою воину, последние минуты жизни которого мы и видим на костяном предмете. Каково функциональное назначение этого изделия?

Впервые аналогичный по форме предмет, изготовленный из оленьего рога, был найден в 1908 г. в Венгрии [27, с.28, рис. 19]. С тех пор источниковедческая база данной категории вещей насчитывает более десяти изделий (рис. 10). При этом они имеют широкую географию распространения, включая практически всю территорию степей Восточной Европы [7, с. 458; 8, рис. 122; 19, с. 145; 20, с. 155, рис. 42; 29, с. 181, рис. 11; 12, с. 285, с. 286; 23, с. 89, с. 85, рис. 7; 3, с. 145, рис. 10; 4, с. 223, рис. 2; 5, с. 88-89].

К сожалению, более 40 лет назад произошла досадная ошибка и изделия из тройного отростка оленьего рога были интерпретированы некоторыми исследователями как костяные горлышки бурдюков [20, с. 156; 12, с. 286; 23, с. 89; 3, с. 149]. Существовала и иная точка зрения на предмет их использования. Гадло А.В., Романчук А.И., Б. Боршош трактовали «тройники» рога оленя как корбочки для хранения различных веществ (трав, мазей, соли) ритуального назначения [16, с. 95].

В работах недавнего времени Флерова-Нахапетян В.Е., которая занимается изучением косторезного ремесла и мифологии народов Хазарского каганата, предложила еще несколько названий изучаемой категории вещей – «костяной флакон» и «реликварий» [27, с. 86; 17].

Последний термин стал широко использоваться в научных работах многих современных исследователей [30, с. 103; 5, с. 89]. Однако, на сегодняшний день нам не известно о находке изделий из оленьего рога в виде «тройника» с сохранившимися деревянными или какими иными пробками в боковых отверстиях, внутри которого находились бы т.н. реликвии. Если же в этих емкостях хранили мази, соль, травы ритуального или бытового назначения – то больше подходит термин «костяной флакон». К сожалению, аргументы (прежде всего, анализ археологических источников) в пользу применения как одного (реликварий) так и другого (костяной флакон) термина, к рассматриваемой в данной статье категории вещей, нам неизвестны.

Как бы то ни было, изделия раннесредневековых мастеров из оленьего рога в виде тройников привлекали и продолжают привлекать внимание современных исследователей своими неповторимыми, в прямом и переносном смысле, сюжетами.

Литература

1. **Angelov D., Ovcarov D.** Slawen, Protobulgaren und das Volk der Bulgaren. // Welt der Slawen. Geschichte Gesellschaft Kultur. Leipzig-Jena-Berlin. 1986.
2. **Антонова Е.В.** Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. Опыт реконструкции мировосприятия. - М., 1984.
3. **Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э.** Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). - Самара, 1998.
4. **Гадло О.В.** Графічні зображення на кістяному виробі салтово-маяцької культури. // Археологія, т. XXI, 1968, с. 222-225.
5. **Глебов В.П.** Раннесредневековое погребение из могильника Таловый II. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. Вып. 21. - Азов, 2006, с. 86-89.
6. **Давыденко В.В., Хозин С.Р., Пирожак В.В.** Фортификация Теплинского городища на Северском Донце. // Святогірський альманах 2006. Збірник наукових праць. - Донецьк, 2006, с. 5-18.
7. **Довженко В.И.** Археология эпохи Киевской Руси. Оружие. // Археология Украинской ССР. Т.3. Раннеславянский и древнерусский периоды. - К., 1986, с. 455-461.
8. **Ковачевич I.** Аварски каганат. - Белград, 1977.
9. **Колесник А.В., Кузин В.И., Хозин С.Р.** Отчет о работах в ур. Выдылыха Славянского района Донецкой области в 2004 г. // Научный архив Института археологии НАН Украины.
10. **Колесник А.В., Хозин С.Р., Кондратьев А.В., Заворотна А.В.** Отчет об археологических исследованиях в Донецкой области совместной экспедицией Донецкого национального университета, Донецкого областного краеведческого музея и Святогорского историко-архитектурного заповедника в 2006 году. // Научный архив Института археологии НАН Украины.
11. **Кравченко Э.Е., Давыденко В.В.** Сидоровское городище. // Степи Европы в эпоху средневековья. т.2. Хазарское время. - Донецк, 2001, с. 233-302.
12. **Красильников К.И., Руженко А.А.** Погребение хирурга на древнеболгарском могильнике у с. Желтое. // СА, 1981, №2, с. 282-289.
13. **Krasil'nikov K.I.** Die keramik der saltovo-majaki kultur am nordlichen mittellauf des Donec. // Die keramik der saltovo-majaki kultur und ihrer varianten. Budapest, 1990, с. 193-244.
14. **Мартынов А.** Из истории представлений о древе жизни у древних народов Северной Азии. // Проблемы археологии степей Евразии. Советско-венгерский сборник. - Кемерово, 1984, с. 15-28.

15. **Михеев В.К.** Подонье в составе Хазарского каганата. - Харьков, 1985.
16. **Нахапетян В.Е.** Об изображениях на костяных изделиях салтово-маяцкой культуры. // Проблемы охраны и исследований памятников археологии в Донбассе. Тезисы докладов областного научно-практического семинара. - Донецк, 1987, с. 94-96.
17. **Нахапетян В.Е.** Образ мира в изобразительном искусстве Хазарии. // РА, 1994, №4.
18. **Овчаров Д.** Български средновековни рисунки-графити. - София, 1982.
19. **Плетнева С.А.** На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. - М., 1988.
20. **Плетнева С.А.** От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. // МИА, 1967, №142.
21. **Плетнева С.А.** Рисунки на стенах Маяцкого городища. // Маяцкое городище. Труды советско-болгаро-венгерской экспедиции. - М., 1984.
22. **Раевский Д.С.** Модель мира скифской культуры. Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тысячелетия до н.э. - М., 1985.
23. **Савченко Е.И.** Крымский могильник. // Археологические открытия на новостройках. Вып. 1. - М., 1986, с. 70-101.
24. **Сибилев Н.В.** Древности Изюмщины. Вып. II. - Изюм, 1926.
25. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. - Новосибирск, 1988.
26. **Федоров-Давыдов Г.А.** Искусство кочевников и Золотой Орды. - М., 1976.
27. **Fettich Nandor.** Az avarkori muipar magyarorszagon. // I. Kozlemeny fogazasi ornamentika es otvoseszkozletek (22 szovegkozoktti Keppel es 7 tablaval). – Kiralyi Magyar egyetemi nyomda. Budapest. 1926.
28. **Флерова В.Е.** Образы и сюжеты мифологии Хазарии. - М., 2001.
29. **Флеров В.С.** Маяцкий могильник (раскопки 1979 года). // Маяцкий археологический комплекс. Материалы советско-болгаро-венгерской экспедиции. - М., 1990.
30. **Фонякова Н.А.** Черты иконографии и стиля изображений животных и человека в художественном металле Хазарии второй половины VIII – нач X веков. // Хазары. Второй Международный коллоквиум. - М., 2002.

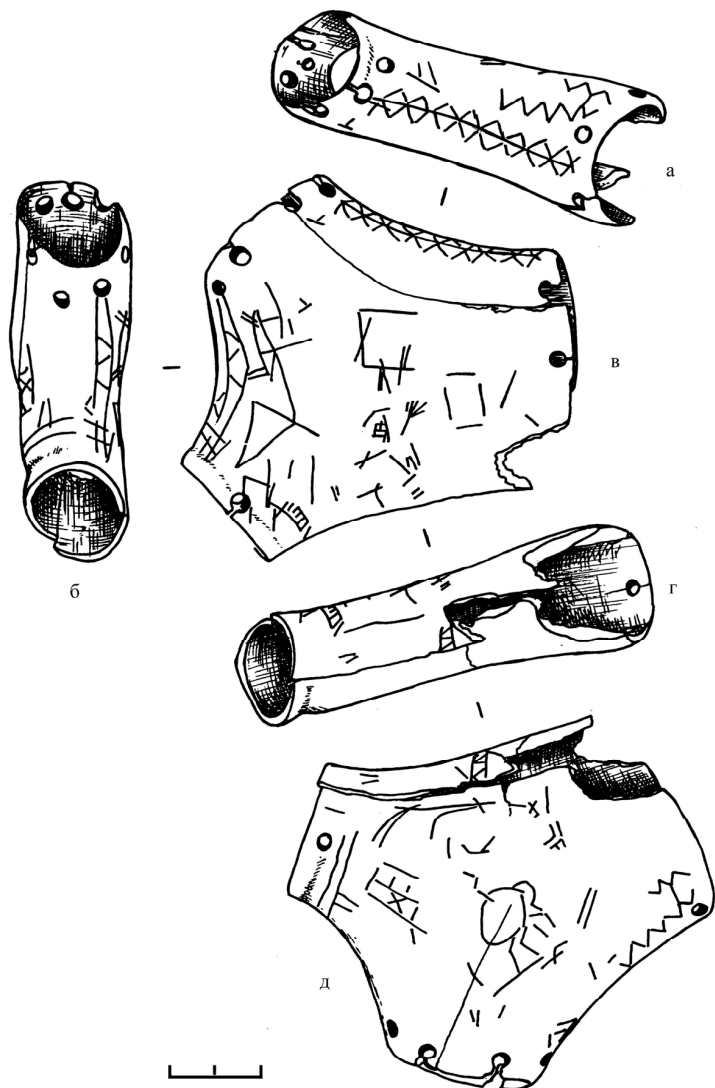

Рис. 1. Костяное изделие.
 Урочище Выдылыха, Славянский район, Донецкая
 область.

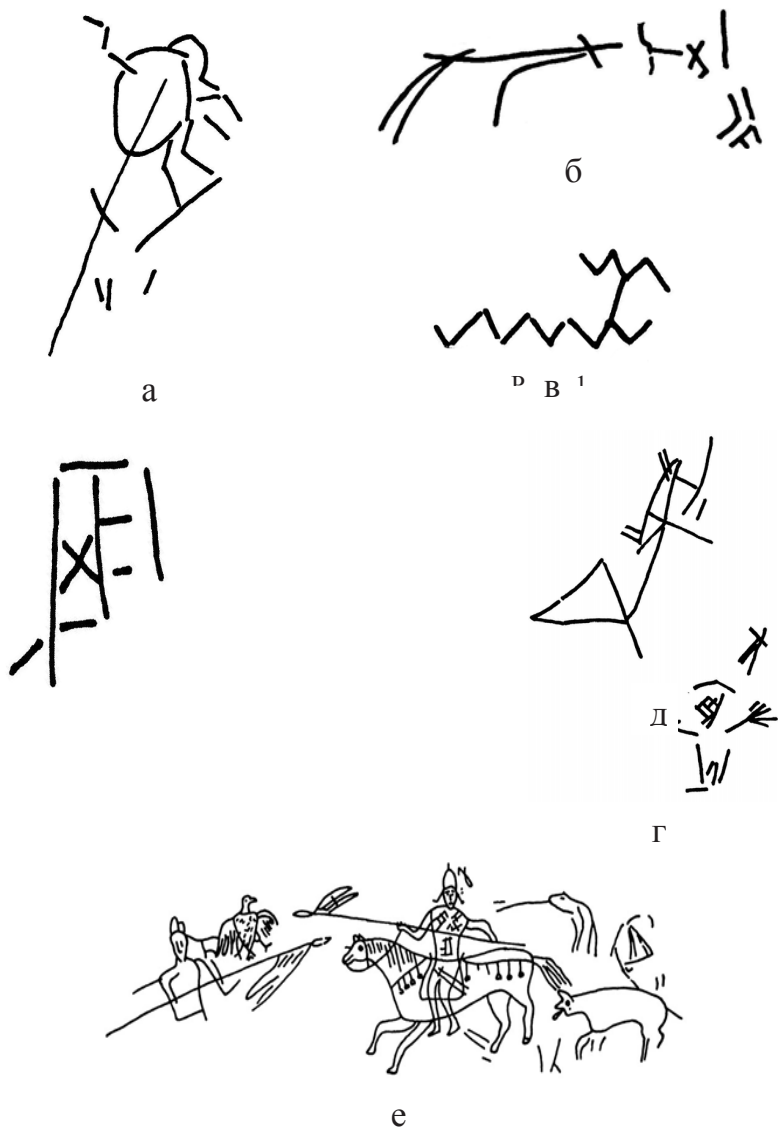

Рис. 2. Прорисовка отдельных изображений на костяном изделии из Выдылыхы (а-д); е-граффити, Преслав [1, с. 77].

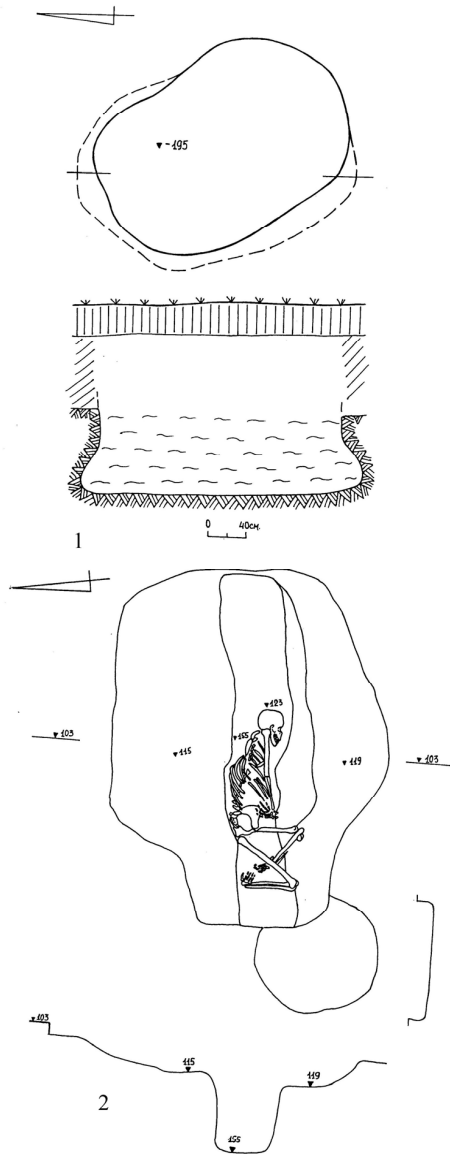

Рис.3 Выдыльха. Раскоп I-III.
 1-хозяйственная яма №3.
 2-погребение 1.

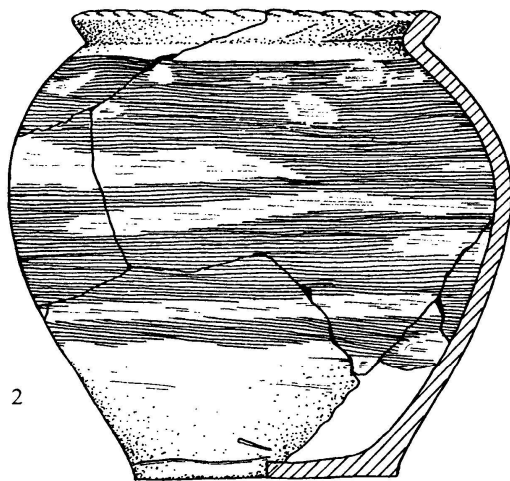
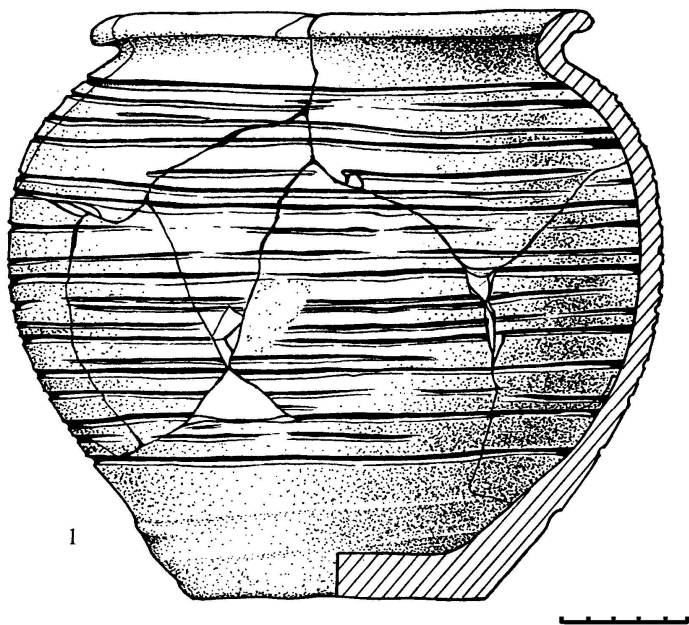

Рис.4. Выдылыха. Раскоп I-III. Яма №3.
Керамика.

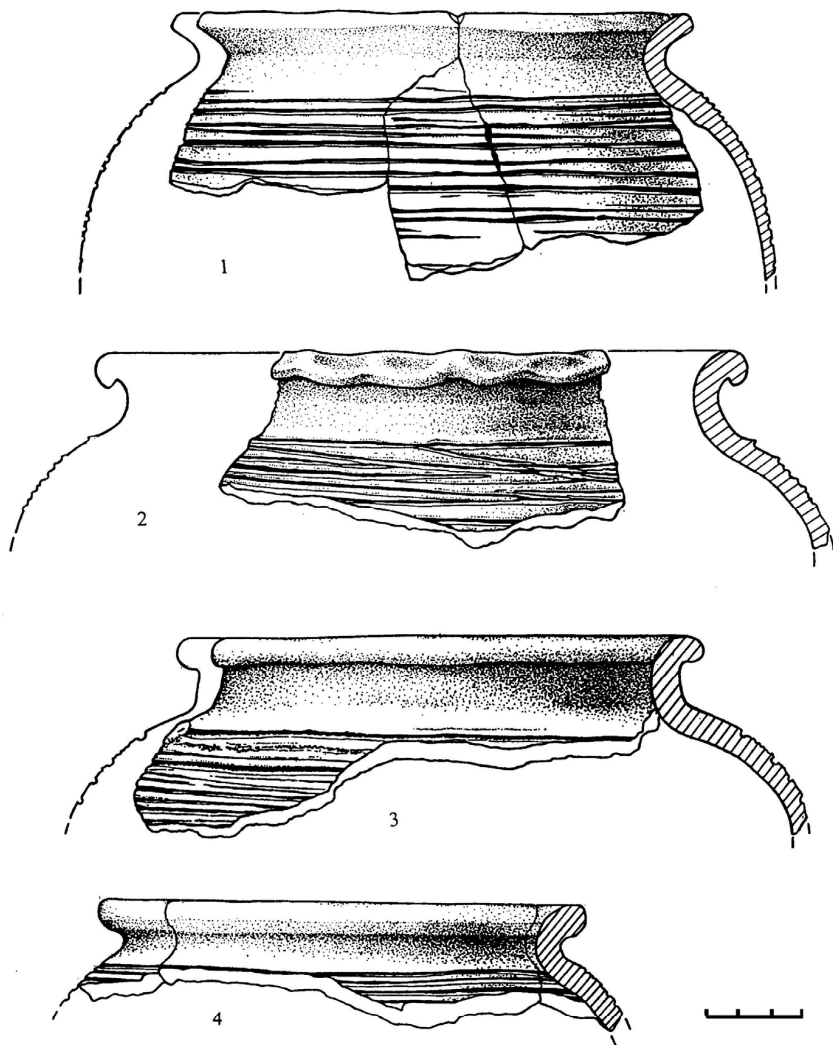

Рис. 5. Выдылыха. Раскоп I-III. Яма №3.
Керамика.

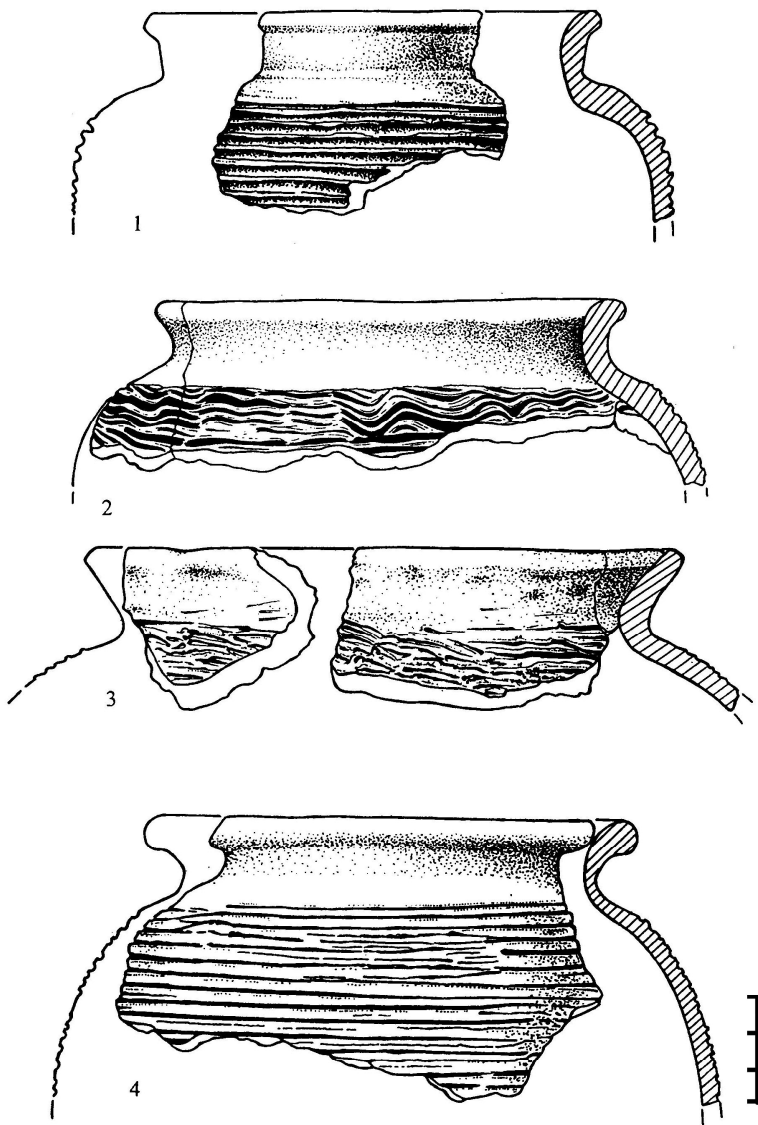

Рис. 6. Выдылыха. Раскоп I-III. Яма №3.
Керамика.

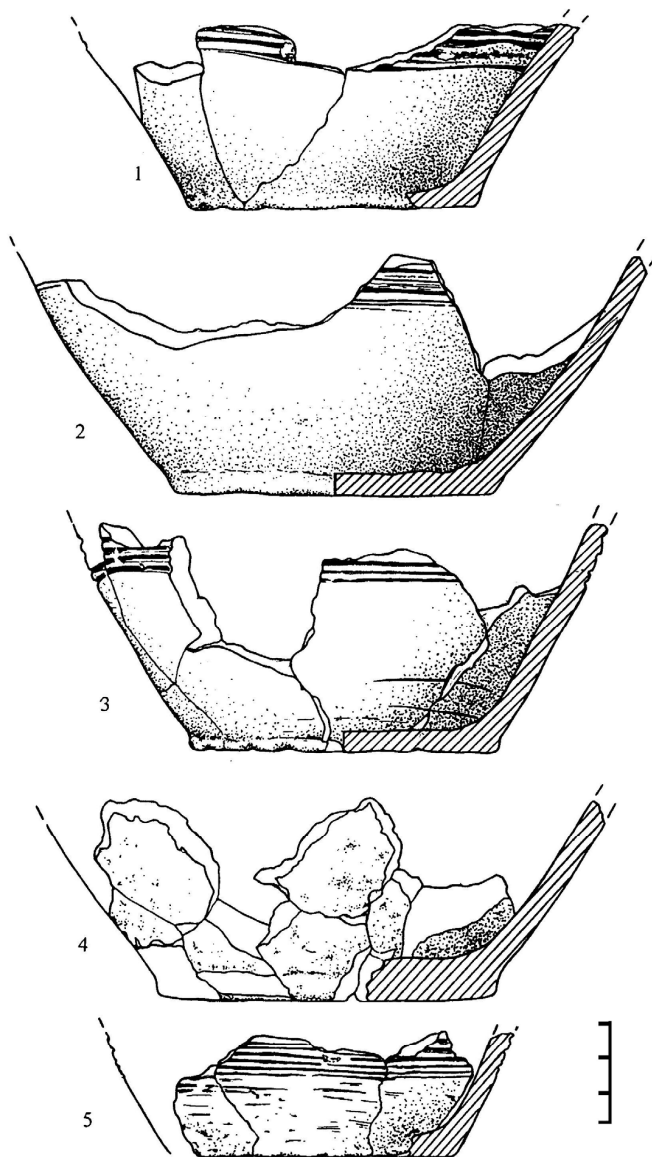

Рис. 7. Выдылыха. Раскоп I-III. Яма №3.
Керамика.

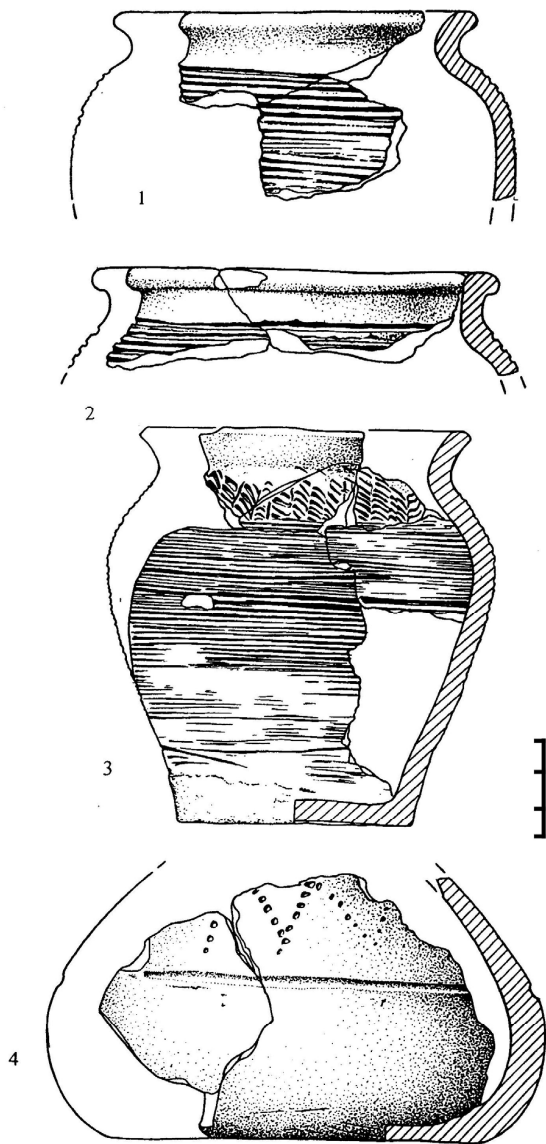

Рис. 8. Выдылыха. Раскоп I-III. Яма №3.
Керамика.

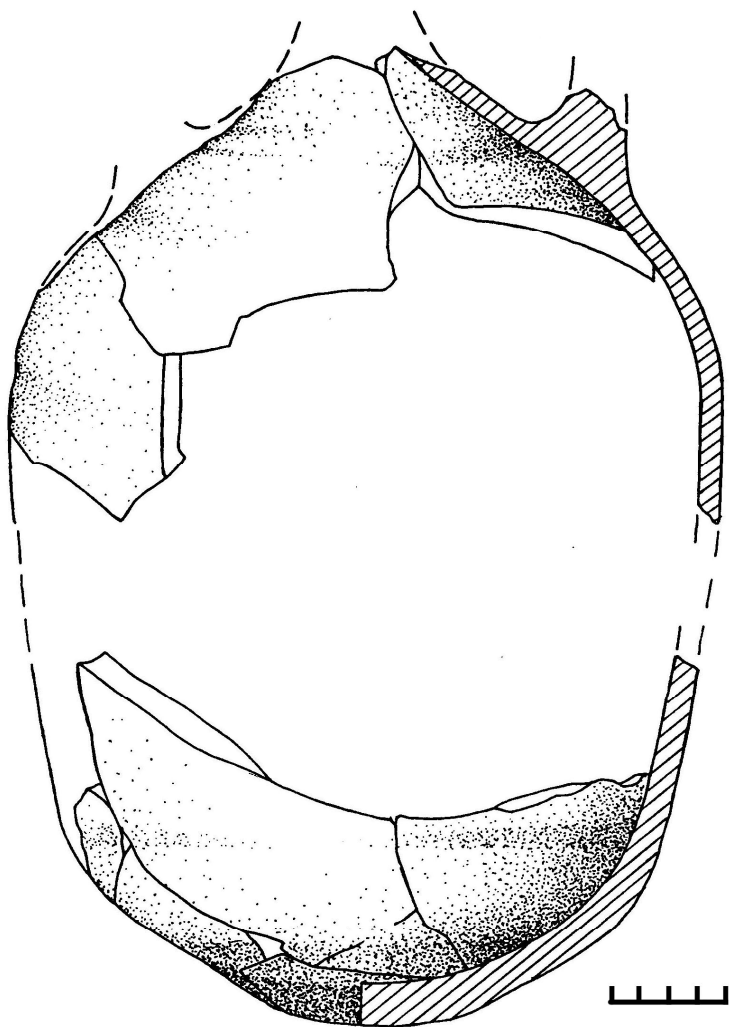

Рис. 9. Выдылыха. Раскоп I-III. Яма №3.
Амфора.

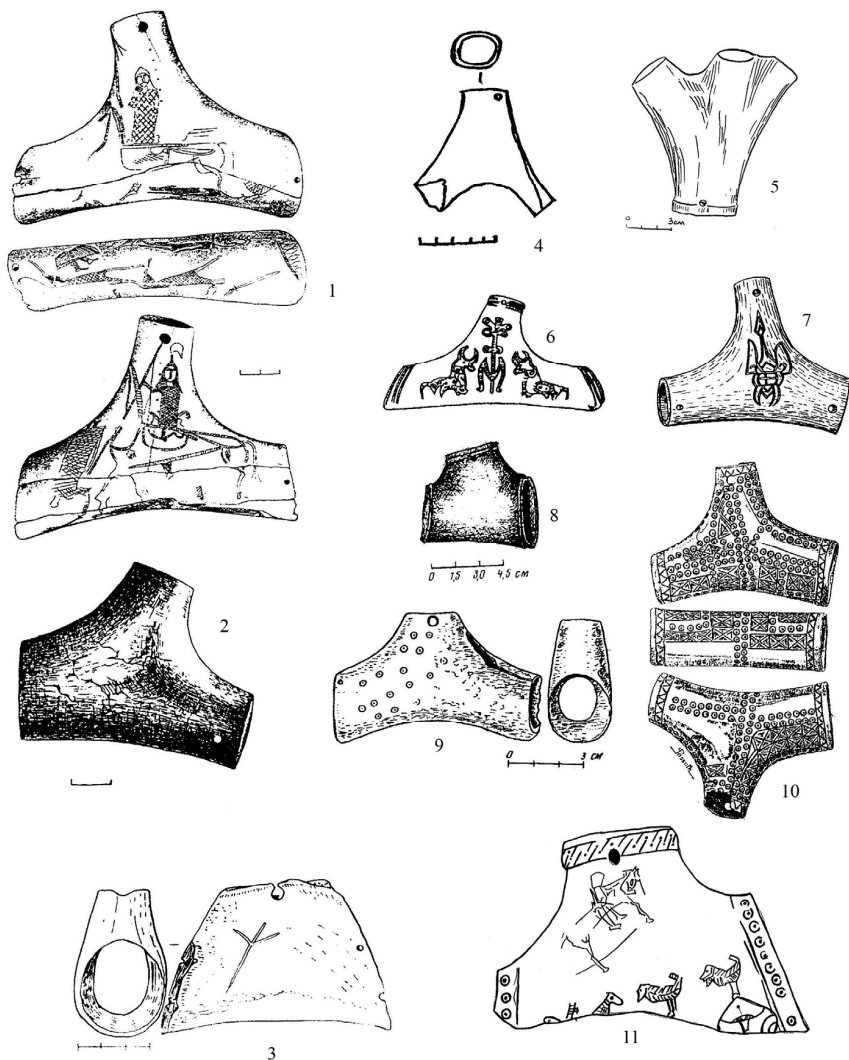

Рис. 10. Костяные изделия в форме тройника.

1 - мог. Таловый II, к. 3, Ростовская область [5, с. 86-89]; 2 - Осиновский III мог. [3, рис. 40]; 3 - Дмитриевский мог. [19, рис. 81]; 4 - Крымский мог. [23, с. 85, рис. 7]; 5 - Саркел [20, с. 155, рис. 42]; 6 - Подунавье [8, рис. 122]; 7 - урочище Палянившина [7, с. 354, рис 85]; 8 - мог. село Желтое, Луганская обл. [12, с. 285, рис. 4]; 9 - Маяцкий мог. [29, рис 20]; 10 - Венгрия [27, с. 28, рис. 19]; 11 - Керчь [4, с. 223, рис. 2-3].

Колесник А.В.
Коваль Ю.Г.
Давыденко В.В.

Позднепалеолитическая кремнеобрабатывающая мастерская «Шарукань» на Северском Донце

Долина Северского Донца в своем среднем течении впервые попала в поле зрения специалистов каменного века в 20-30-е годы XX века благодаря хрестоматийным поисковым работам Н.В. Сибилева, С.А. Локтюшева и, в некоторой степени, П.П. Ефименко [15-19]. Беспрецедентной масштабностью отличались, прежде всего, разведочные работы Н.В. Сибилева. Именно он обнаружил множество древних стоянок и городищ в долине Северского Донца, в том числе несколько позднепалеолитических местонахождений.

Одним из этих памятников является «стоянка» Шарукань, расположенная на средневековом Теплинском городище недалеко от с. Богородичное Славянского района Донецкой области на правом берегу реки. Стоянка получила такое название в связи с концепцией Сибилева, отождествлявшего Теплинское городище с половецким городком Шарукань русских летописей [20]. Именно сюда, по мнению Сибилева, ходили полки Владимира Мономаха в начале XII в. Н.В. Сибилев подробно описал топографию Теплинского городища и прилегающие к нему памятники археологии [17].

Научный потенциал многоплановых находок Н.В. Сибилева оказался настолько значительным, что к открытым им памятникам археологи обращаются фактически непрерывно вплоть до наших дней (Д.Я. Телегин, В.К. Михеев, И.А. Снежко, А.В. Панасенко и другие), несмотря на возникающие иногда вопросы с географической привязкой, вызванные потерей со временем топонимической информации. Явный недостаток картографического материала часто вынуждал Сибилева «привязывать» найденные памятники к географическим урочищам с местными названиями.

В 2004-2007 гг. совместная экспедиция Донецкого национального университета, Донецкого областного краеведческого музея и Святогорского историко-архитектурного заповедника проводила стационарные раскопки комплексного археологического памятника Выдыльха, который в средневековое время, видимо, являлся посадом Теплинского городища. В 2006-2007 гг. на городище был заложен шурф размерами 2 x 4 м (раскапывали Давыденко В.В., Коваль Ю.Г., Пирожак В.В.). Он был приурочен к курганообразной возвышенности на СВ

окраине городища, которая, скорее всего, являлась частью сложной фортификационной системы. Судя по ряду наблюдений, эта система формировалась весьма длительное время [2]. Как известно, курганообразные насыпи занимали важное место в фортификационной системе городищ хазарского лесостепного пограничья [1].

Курганообразная насыпь расположена на самой высокой точке возвышенности с абсолютной отметкой около 165 м. по Балтийской системе. Эта точка превышает среднюю высоту низкой поймы Северского Донца на данном участке течения реки приблизительно на 105 м.

Шурф показал, что курганообразная насыпь формировалась искусственно из прилегающего почвенного материала. В насыпи встречено большое количество обломочного кремневого материала и патинированные расщепленные кремни. Сооружение курганообразной насыпи на Теплинском городище, судя по немногочисленным керамическим фрагментам в современной почве, следует датировать не ранее первых веков нашей эры. Насыпь была возведена единовременно.

Такая достаточно редкая тафономическая ситуация, связанная с вовлечением в искусственный холм при его создании более ранних переотложенных кремней памятников каменного века, помимо описываемого объекта на Теплинском городище, отмечена при раскопках кургана на Марьевой горе в бассейне р. Миус, (раскопки Н.И. Ромашенко). Предпосылкой для возникновения насыпи с большим количеством более древних кремней является формирование особого поверхностного поля на приподнятом участке ландшафта на месте мастерской (или разновременных мастерских) каменного века. Как известно, в верхний слой почвы систематически попадают плотные включения из подстилающих горизонтов. Попадание палеолитических кремней из инициального лессового горизонта в современную почву связано с постдепозиционным криогенным разрушением слоя, в результате чего отмечается более или менее значительная, в зависимости от ряда обстоятельств, миграция предметов вверх по вертикали, вплоть до современного почвенного слоя [3; с.9-10]. Таким образом, насыпь, возводимая из насыщенного кремнями голоценового грунта на месте древней стоянки или мастерской, неизбежно оказывается своеобразным хранилищем перемещенных кремневых материалов. В Марьевой Горе кремневые остатки накапливались на поверхности возвышенности в основном в среднем палеолите и неолите, поэтому курган, построенный на поверхности голоценовой почвы, сформированной с участием разнородного кремневого фильтрата, вобрал в себя вместе с почвой смешанные остатки этих эпох в необыкновенно большом количестве. Мы предлагаем считать такие курганные или курганообразные насыпи особым типом

археологического памятника, поскольку вследствие особого тафономического состояния окружающих поверхностных пород, из которых сооружался холм, материал самой насыпи является памятником. Кстати, единичные механически переотложенные кремни каменного века довольно часто встречаются в курганных досыпках бронзового века и их иногда ошибочно считают частью погребальной церемонии. Логично назвать такой тип археологического памятника *«курганый холм из переотложенного культурного слоя»*.

Как установлено шурфовкой, разрушенный культурный слой более древнего местонахождения залегает в верхней части лессовидного суглинка и частично в нижней части современного маломощного почвенного комплекса в виде насыщенной взвеси. Основной горизонт концентрации расщепленных кремней, так называемый инициальный горизонт или В-горизонт разрушенного культурного слоя [10], залегает в суглинке на глубине около 1 м от поверхности насыпи. Перекрытая насыпью почва имеет мощность около 25 см. Ниже нее залегает маломощный суглинок, который на глубине около 50-55 см переходит в кору выветривания меловых пород. Кора выветривания содержит большое количество обломочного кремневого материала. Видимо, этот кремь в поверхностном залегании и служил сырьевым источником древней мастерской. В пределах Донецкого кряжа поверхность высоких урочищ часто становилась зоной активного выветривания. В разрушенный культурный слой и выше него попадало значительное количество этого обломочного кремневого материала.

Кремь меловой, серый, средних пластических свойств. Встречаются кремневые отдельности размерами до 15 см. В пределах зоны вертикальной концентрации расщепленных кремней в переотложенном слое памятника отмечены случаи ремонтажа предметов с разницей в глубинах залегания в пределах 8-10 см. Этот уровень, маркирующий первоначальное стратиграфическое положение культурного слоя, находится в верхней части суглинка. В Подонцовье отмечены случаи более значительной постгенетической деформации культурного слоя позднепалеолитических мастерских. В частности, в Вислой Балке вертикальное расстояние между деталями аппликаций могло доходить до 70 и более см, при этом основное количество связей отмечено в верхнем горизонте суглинка [12].

Планиграфическое расположение кремней из основного горизонта находок равномерно-дисперсное, без выраженных участков концентрации.

Расщепленные кремни не окатаны, покрыты налетом неравномерной пятнистой бело-голубой патины.

Всего из шурфа происходят 165 кремней. Состав коллекции следующий:

- конкреции со следами оббивки – 4
- фрагменты конкреций со следами оббивки - 4
- отбойники - 2
- заготовки нуклеусов на разной стадии обработки - 9
- отщепы разных типов – 133
- реберчатые сколы – 12
- обожженный кремнь - 1

При беглом осмотре удалось собрать, по крайней мере, две складанки. Одна состоит из двух вторичных отщепов (рис. 1, 2), сколотых при формировании продольного ребра, вторая включает округлую конкрецию и скол с нее (рис. 1, 1).

Полное отсутствие в культуросодержащем горизонте чешуек и мелких осколков еще раз показывает высокое значение процессов абразии при разрушении культурного слоя эпигенетическими процессами.

Функциональный тип памятника не вызывает сомнений. Преобладание кремневых сколов с меловой коркой, отсутствие т.н. целевых пластин, выраженный процент заготовок нуклеусов и технологически значимых сколов позволяют определить этот памятник как кремнеобрабатывающую мастерскую начального цикла для производства нуклеусов.

Технологический облик кремневой индустрии может быть восстановлен благодаря нескольким пренуклеусам на различной стадии редукции. В коллекции их всего 9. Это заготовки дисковидных очертаний (2) и преформы призматических нуклеусов (7). Полностью оформленных заготовок нуклеусов всего три (рис. 2, 2; 3, 1-2) и изготовлены они по одной схеме, возможно, одним мастером. Сразу отметим, что нуклеусы одноплощадочные призматические объемные и предназначались для получения средних и мелких пластин. В процессе их подготовки сначала образовывалась т.н. «нулевая поверхность» (широкая продольная плоскость), которая служила площадкой для формирования двух продольных ребер, сходящихся от поперечной площадки к заостренному основанию нуклеуса. Такой технологический прием получил широкое развитие в каменном веке Донбасса (и не только) от позднего палеолита до энеолита. В качестве преформы, как правило, использовался массивный отщеп, брюшковая сторона которого и выполняла роль нулевой поверхности. Сколами от брюшка формировался основной объем тела нуклеуса, а первые краевые, фактически резцовые сколы обязательно «заваливались» на брюшковую сторону заготовки. Ровная и уплощенная поверхность брюшка позволяла создать первую и очень важную систему правильных параллельных граней [14, с.96, 114-115]. Геометрия этих сколов предопределяла последующую параллельную огранку поверхности

всего нуклеуса. Этот прием, представленный большим количеством образцов в не полностью еще опубликованных материалах Белогорских мастерских в Донбассе, мог использоваться при подготовке не только нуклеусов, но и изделий других функциональных классов, например, т.н. «резцов-стругов». Ранее нуклеусы с такой инициальной стадией обработки были названы нами нуклеусами донецкого типа, а сама технология признана многофункциональной, способной порождать «технологические дериваты» [11]. В последующем выяснилось, что функциональная нагрузка этого простого приема зависела от параметрических характеристик заготовки [7]. Так или иначе, в классических случаях применения этой техники нулевой плоскостью является вентральная сторона отщипа-заготовки, а сама технология является унифасиальной. Однако на нуклеусах из мастерской Шарукань эта плоскость образована сколом, т.е. является негативом. Это означает, что в качестве преформы использовался не отщеп, а массивная отдельность кремня, от которой на начальной стадии обработки скальвался крупный продольный тщеп. Кроме того, третье ребро, противоположное нулевой поверхности, дополнительно обработано бифасиально для придания телу нуклеуса геометрически правильных очертаний и треугольного поперечного сечения. В результате получался трифас с одним бифасиальным продольным ребром и двумя унифасиальными. Подобная трифасиальная техника обработки нуклеусов встречена нами на позднепалеолитической мастерской Висла Балка в Подонцовье [13]. Трифасиальные техники, по замечанию Э. Боеды и др., достаточно распространены в палеолите.

Объемный подконусовидный трифасиальный корпус нуклеусов принципиально не исключает отжимную технику скола за пределами мастерской, но изменение техники скола нуждается в веских аргументах. Такая динамика технологических процессов доказуема пока только для региональных индустрий, начиная с раннего неолита. Отжимная техника скола считается ярким признаком мезолитических нуклеусных технологий, хотя следы этой техники в донецком регионе уходят вглубь позднего палеолита (например, Висла Балка – [13, рис. 56, 1]).

Найденные реберчатые сколы (рис. 2, 1) не противоречат морфологии нуклеусов. Реберчатых сколов всего 11.

Таким образом, в материалах мастерской представлена оригинальная версия изготовления нуклеусов донецкого типа, что еще раз показывает вариантность любой технологии.

К сожалению, описанная технология и морфология нуклеусов не являются строгим основанием для датировки, так как они бытовали достаточно длительное время. Основанием для позднепалеолитической датировки комплекса служит, прежде всего, залегание кремней в

верхней пачке лессовидного суглинка. Общий облик индустрии соответствует такой датировке и находит аналогии в ряде памятников Подонцовья с предполагаемой по сумме признаков поздне- или финальнопалеолитической датой.

Важно отметить высокое топографическое положение этой мастерской. В сходных условиях на правом берегу среднего течения Северского Донца располагались позднелейстоценовые мастерские у с. Татьяновка [5], г. Святогорска [6], с. Синичино [21] и др. По крайней мере, часть этих местонахождений относится к типу *эфемерных мастерских*, ориентированных на пополнение текущих дневных запасов личной сумки или т.н. ранца. Такая система расселения отражает использование ландшафтов небольшими высокоподвижными отрядами охотников-собираателей, обслуживавшими свои семейно-родовые группы в пределах близкой досягаемости, т.е. экономической зоны поселений. У охотников-собираателей экономическая зона была весьма обширной; ее конфигурация колебалась в зависимости от сезона, однако всегда складывался пространственный каркас из базовых точек, посещаемых относительно регулярно.

В данном случае парадокс заключается в том, что сами «базовые» стоянки все еще не найдены. Возможно, они находились в долине Донца и в результате орографического движения земной поверхности со знаком «-» погребены на недоступной глубине или разрушены процессами постлейстоценовой абразии.

Вместе с тем, сейчас становится понятным, что указанные памятники не являются строго одновременными в пределах позднего и финального палеолита и не являются тождественными в культурном смысле.

Явно складывается проблемная ситуация, решить которую помогут только дальнейшие исследования в регионе.

Литература

1. **Афанасьев Г.Е.** Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII-X вв. // Археологические открытия на новостойках. Вып. 2. - М., 1987.
2. **Давыденко В.В., Хозин С.Р., Пирожак В.В.** Фортификация Теплинского городища на Северском Донце // Святогірський альманах 2006. - Донецьк, 2006. С. 5-18.
3. **Демек Я.** Справочник по литологии. - М., 1977. 181 с.

4. **Гиря Е.Ю.** Технологический анализ каменных индустрий. Методика макро-микроанализа древних орудий труда. Часть 2. - СПб, 1997. 198 с.
5. **Коваль Ю.Г.** Финальнопалеолитическая кремнеобрабатывающая мастерская Татьянавка 1 на Северском Донце // Археологический альманах, № 4. - Донецк. 1995. С.84-87.
6. **Коваль Ю.Г., Вотякова О.Л.** Кремнеобрабатывающая мастерская финального палеолита Святые Горы // Проблеми збереження і використання культурної спадщини в Україні (всеукраїнська науково-практична конференція м. Святогірськ Донецької області 25-27 травня 2005 року). - Слов'янськ, 2005, С.182-183.
7. **Коваль Ю.Г., Горелик А.Ф.** Резцы струг или нуклеусы? К вопросу о назначении одного специфического типа изделий каменного века Донбасса. В печати.
8. **Колесник А.В.** О зонах производственной активности в каменном веке Донбасса // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н. э. - V в. н. э. - Тирасполь. 1994. С.9-12.
9. **Колесник А.В.** Средний палеолит Донбасса // Археологический альманах, вып.12. - Донецк, 2003-а. 294 с.
10. **Колесник А.В.** Тафономическая вариабельность среднего палеолита Донбасса // Вариабельность среднего палеолита Донбасса. - К., 2003-б. С.106-116.
11. **Колесник А.В., Коваль Ю.Г., Дегерменджи С.М.** Краматорская неолитическая мастерская // Археологический альманах, №2. - Донецк. 1993. С.13-23.
12. **Колесник А.В., Леонова Н.Б.** Структурные элементы памятника и планиграфический анализ // Висла Балка – позднепалеолитический памятник на Северском Донце. Археологический альманах, вып. 11. - Донецк, 2002. С.29-97.
13. **Колесник А.В., Коваль Ю.Г., Гиря Е.Ю.** Морфология продуктов первичного расщепления и краткий технологический анализ // Висла Балка – позднепалеолитический памятник на Северском Донце. Археологический альманах, вып. 11. - Донецк, 2002. С.98-135.
14. **Колесник А.В., Весельский А.П.** Черкасское – комплексный памятник археологии в бассейне Северского Донца // Археологический альманах, вып. 17. - Донецк, 2005. 168 с.
15. **Локтюшев С.Н.** Доисторический очерк Средней Донетчины. - Луганск, 1930.
16. **Сибилев Н.В.** Древности Изюмщины, вып. I. - Изюм, 1926-а. 10 с., 40 табл.

17. **Сибилев Н.В.** Древности Изюмщины, вып. II. - Изюм, 1926-б. 20 с., 8 табл., 6 карт.
18. **Сібільов М.В.** Старовинності Ізюмщини, вип. III. - Изюм, 1928. 19 с., 62 табл.
19. **Сібільов М.В.** Старовинності Ізюмщини, вип. IV. - Изюм, 1930. 28 с., 84 табл.
20. **Сібільов М.В.** Археологічні пам'ятки на Дінці в зв'язку з походами Володимира Мономаха та Ігоря Сіверського // Археологія, т.IV. - К., 1950.
21. **Снежко И.А.** Раскопки стоянки позднего палеолита у с. Синичино на юге Харьковской области // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. Тезисы докладов. - Луганск, 1990. С.37-38.

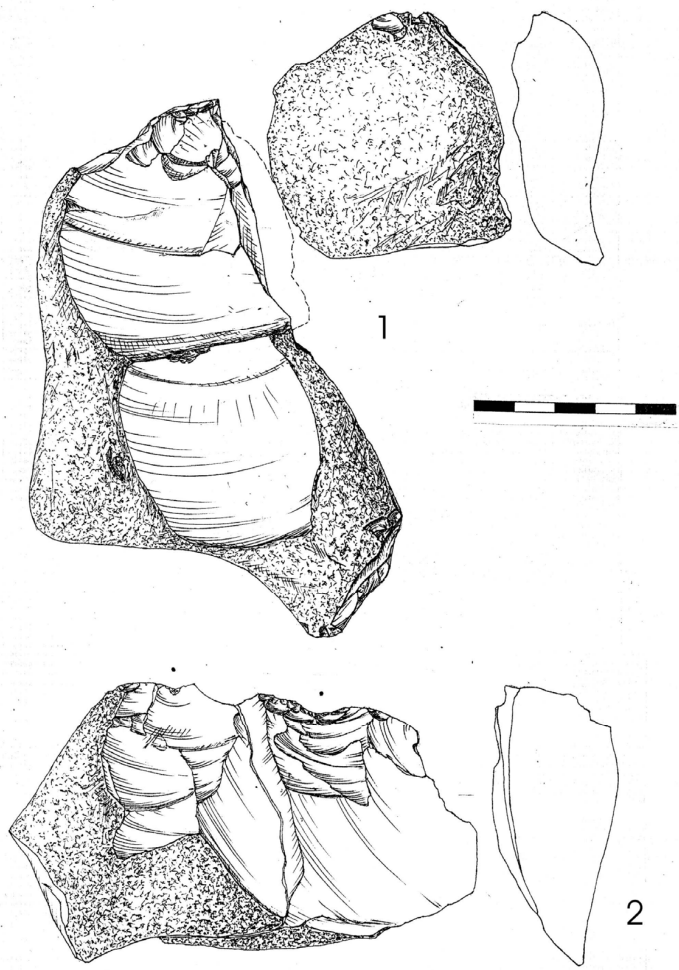

Рис. 1. Позднепалеолитическая кремнеобрабатывающая мастерская Шарукань. Детали аппликаций.

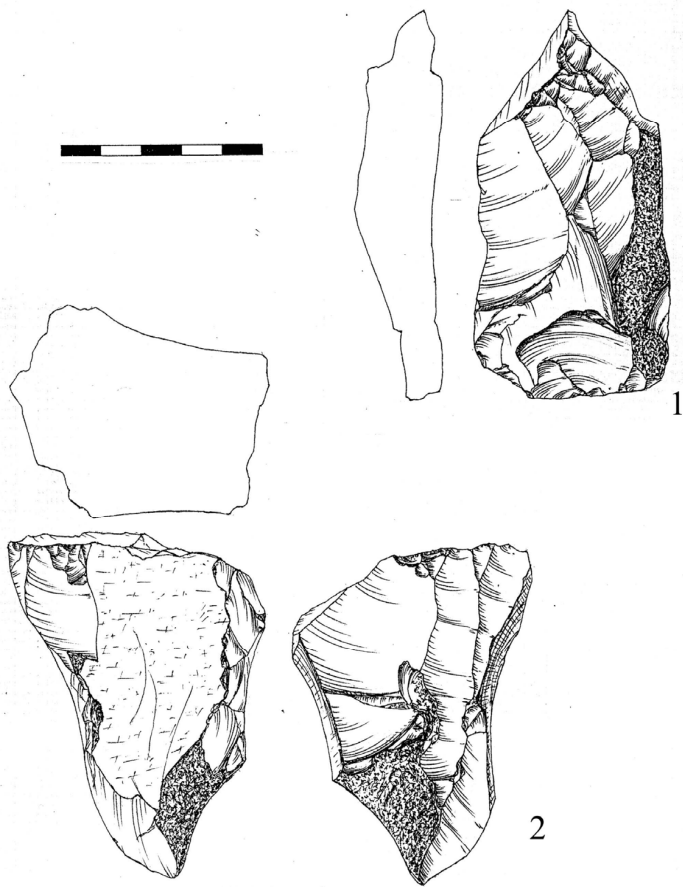

Рис. 2. Позднепалеолитическая кремнеобрабатывающая мастерская Шарукань.
Реберчатый скол (1), заготовка нуклеуса (2).

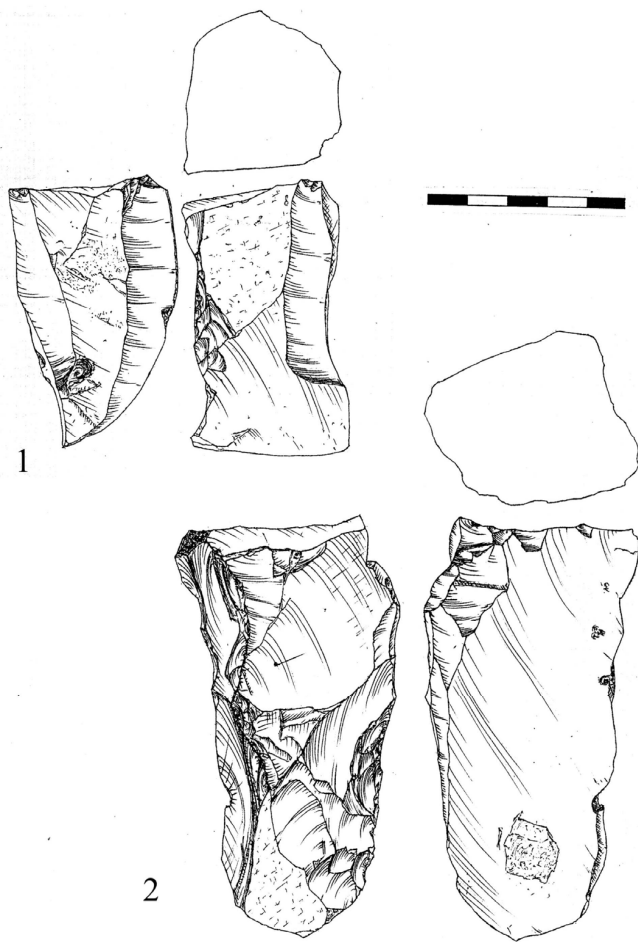

Рис. 3. Позднепалеолитическая кремнеобрабатывающая мастерская Шарукань. Заготовки нуклеусов.

Культурный слой XVII века в урочище Выдылыха на Северском Донце

Письменные источники XVII века дают пространственную картину заселения территории «Дикого поля», тем не менее, возможно говорить о том, что вектор колонизации был направлен в те регионы, которые могли обеспечить первых поселенцев всем необходимым для жизни. Не последнюю роль в такой ситуации играли водные ресурсы и лесные массивы. На протяжении XVI-XVIII веков регионами, отвечающими перечисленным требованиям, были долины рек Днепра, Северского Донца, Орели, Самары, а также некоторые их притоки. Именно здесь были сосредоточены лесные массивы. Такое сочетание природных ресурсов определяло и род занятий новопоселенцев – рыбная ловля и охота. Разнообразие фауны давало возможность добывать еду, изготавливать одежду, а также получать разнообразные продукты для обмена и продажи [13].

Довольно притягательным в этом отношении выглядел Северский Донец, в особенности земли, расположенные в среднем его течении. Неоднократно в источниках XVII века встречаются упоминания о рыбных язах на реке и озерах в его широкой пойме, а также сведения о западнях на зверей и даже о царских охотничьих угодьях в этом регионе [1; 12].

Одним из таких освоенных участков на Подонцовье в XVI – XVIII веках являлся, видимо, Теплинский лес. С некоторых пор за ним закрепилась слава беспокойного места. Именно в нем устраивали свои становища «лихие людишки». Неспроста в среде купцов и чумаков того времени бродила довольно красноречивая поговорка: «Савур – Могила й Теплинський ліс де чумаків бере біс» [11].

Центром Теплинского леса является крупное городище с земляными валами. Это городище функционировало весьма длительное время, вплоть до XVI – XVIII вв. [2]. Исследуя данное городище, Михеев В.К. обратил внимание на наличие в подъемном материале, собранном как на территории городища так и в его окрестностях, фрагментов серо-лощенной керамики с штампованным орнаментом в виде крестообразных фигур, относя ее к XVII веку [8].

Рядом с городищем в долине Донца находится крупное многослойное поселение. У местного населения этот участок называется Выдылыха. Проводя археологические разведки в урочище Выдылыха в 80-е гг XX века, Кравченко Э.Е. высказал предположение о существовании здесь нескольких поселений «казацкого периода» [7].

В 2004 г. к стационарным исследованиям памятника приступила комплексная археологическая экспедиция Донецкого национального университета, Донецкого областного краеведческого музея и Святогорского историко-архитектурного заповедника под руководством А.В. Колесника [4-6]. Эти исследования дают возможность предметно говорить о том, что в XVII веке на территории урочища Выдылыха находилось казацкое поселение. Довольно интересными в этом отношении являются материалы, полученные в ходе работ в 2006-2007 гг. на раскопе V.

Раскопки на этом участке мысовидной площадки были вызваны в какой-то степени случайными обстоятельствами – в 2004 году для бытовых нужд экспедиции в крутой склон урочища был врезан небольшой узкий погреб. В придонной части этого вреза в лессовидном суглинке был найден выразительный кремневый нуклеус хорошей сохранности, близкой к сохранности кремней из позднепалеолитического слоя раскопа II. Систематическое исследование этого участка было осуществлено только в 2006 г. Небольшой шурф-раскоп площадью около 20 м кв. был врезан в склон перпендикулярно поверхности берегового ската. Склон покрыт многолетним пойменным лесом, что определило конечную конфигурацию раскопа.

Редкие изделия XVII в. рассеянно встречаются на значительной площади местонахождения, преимущественно на восточной окраине. При раскопках на этом участке найдены единичные, как правило, мелкие фрагменты тонкостенной кружальной керамики с характерным расписным орнаментом в виде пояса прямых и волнистых линий (т.е. оттиска). Вероятно, к XVII в. относятся железная подкова современного вида (рис. 1, 4) и железная деталь ружейного замка (рис. 1, 6), найденные в поверхностном слое почвы. По словам Э.Е. Кравченко, раньше здесь встречались отдельные фрагменты штампованных керамических изразцов (как правило, от печной грубы), которые преимущественно встречаются на стационарных поселках.

Концентрация остатков XVII в. отмечена на краевом участке и склоне урочища в пределах раскопа. В частности, явное скопление бытовых остатков XVII в. (небольшое скопление или неглубокая хозяйственная яма) было сильно деформировано корнями большого дерева. На данном участке основное количество находок XVII в. происходит из современной почвы со склоновых участков. Мощность почвы равномерно нарастает книзу и в нижней части раскопа достигает 1 м. В северной стенке раскопа видны несколько ступенеобразных врезов, достигающих уровня подпочвы. В подпочве фиксируются редкие непереотложенные кремни неолитического облика. Врезы заполнены рыхлой черноземной почвой с материалом XVII в.

(фрагменты керамики, металлические и костяные изделия, кости животных). Удачный опыт реставрации больших кусков сосудов из мелких фрагментов показывает, что это был хорошо сохранившийся выкид на склон бытовых остатков, почти не перемещенный вниз склоновыми процессами. Вопрос о назначении ступенеобразных врезов пока остается открытым. Бытовая свалка XVII в. была явно вторичной по отношению к врезам. Это скопление планиграфически четко обособлено, поскольку в нескольких контрольных квадратах, раскопанных в нескольких метрах выше по склону, на краю террасовой площадки, материал XVII в. практически отсутствует.

Коллекция XVII в. со склоновых участков суммарно насчитывает более 300 фрагментов керамики, 6 железных предметов, 3 костяных или роговых изделия, 2 изделия из мела, фрагмент точила с бороздой для заточки шила (рис. 2, 4) и обломок сланцевой плитки с пропилом (рис. 2, 3), обрубленный фрагмент свинцового бруска (рис. 2, 2), 70 расщепленных кремней и 449 костей животных.

Из железных предметов наибольшей эффективностью отличается сложный крюк для подвешивания котла. Он состоит из большой скобы (частично утрачена) для крепления к поперечному брусу или балке, установленной над костром, двух звеньев цепи и собственно крюка для дужки котла. Это приспособление было необходимым для варки пищи на открытом огне в домашних или полевых условиях. Железные предметы представлены также тремя шпильками (рис. 1, 5, 7-8), узкой железной обоймой (рис. 2, 7) и обломком скобеля для обработки дерева (рис. 2, 1). Каплевидная костяная пластина с гравированным рисунком (рис. 1, 1), видимо, являлась декоративной вставкой какого-то сложного изделия. Гравировка выполнена глубокими линиями. Из-за фрагментарности смысл геометризированной композиции, к сожалению, неясен. Рисунок по некоторым деталям (крестообразные элементы, пояса с внутренней штриховкой) отдаленно напоминает гравюры на т.н. горловинах салтовских бурдюков. Аналогичная каплевидная костяная вставка с сюжетно законченным прорезанным рисунком происходит из культурного слоя Торской крепости XVIII в. (перс. сообщение А.В. Шамрая). Найдены также обомок полированного рогового предмета (рис. 1, 2) (рукоять ножа -?) и заготовка костяной пластины с поперечными пропилами (рис. 1, 3). Из мела выполнены два округлых в плане предмета с широкими односторонними коническими сверлинами. Одно из них может трактоваться как грузик (рис. 2, 6), другое, более сложной формы, напоминает небольшую воронку (рис. 2, 5).

Количественно наиболее значительна собранная керамическая коллекция. Она включает фрагменты преимущественно тонкостенных кружалных горшков, мисок, корчажек с прочерченным, штампованным

и красочным орнаментом и несколько разрозненных обломков кувшинов с частичной зеленой поливой. Несмотря на относительно большое количество сосудов (представлены обломки минимум сосудов), керамических типов всего несколько. Наибольшим количеством образцов представлен тип округлобокого профилированного горшка с двумя небольшими ручками под невысоким вертикальным венчиком и поясом из косоугольного крестообразного штампа с вертикальными разделительными линиями (I X I X I X I ...) на тулове и плечиках. Особого описания заслуживают два горшкообразных сосуда. Это горшок темно-серого цвета с тонкими небрежными вертикальными проглаженными полосами, напоминающий лощенные горшки салтовского типа с графитовой поверхностью, и большой округлобокий белоглиняный горшок с поясом скобообразных вдавлений на плечиках. Последний относится к достаточно редким для Слободской Украины типам и несомненно является русским импортом, по мнению Э.Е. Кравченко. В XVI-XVIII вв. белоглиняная керамика в большом количестве производилась в традиционных белгородских, тульских и других русских гончарных центрах и отсюда широко распространялась во все стороны. Аналогичная керамика встречена в заполнении землянок второй половины XVII в. на территории Святогорского монастыря (раскопки А.В. Колесника) и на других поселениях Подонцовья (раскопки Э.Е. Кравченко) [7]. Белоглиняная керамика отражает экономические контакты с центральными регионами России, которые в ряде случаев выступали регионами-донорами людских и материальных ресурсов при осуществлении политики заселения южного пограничья страны.

Днище одного разбившегося тонкостенного сосуда светлорозового цвета было специально оббито по периметру и ему был придан вид небольшой площадки, которая, возможно, использовалась в качестве простого светильника.

Коллекция кремневых изделий насчитывает 70 экз. Кремни залегают вперемешку с керамикой и другими бытовыми остатками XVII в., поэтому их следует считать синхронными этому комплексу, хотя не исключена незначительная более ранняя примесь.

В пределах раскопанного участка собрана чрезвычайно интересная фаунистическая коллекция. Она включает кости птиц (132), рыб (23) и млекопитающих (328), а также мелкие фрагменты пережженных костей (16) – всего 499 шт. Среди костей рыб представлены мелкие и средние по размеру позвонки (19) и несколько (4) небольших чешуек осетровых. Птицы представлены почти исключительно трубчатых костями с сохранившимися эпифизами. Одна из костей обожжена. Среди костей млекопитающих выделяются два клыка мелкого хищника, клык среднего по размеру хищника, зубы

поросенка, фрагмент челюсти взрослой свиньи, астрагал взрослой особи МРС и множество костей преимущественно молодых особей мелкого рогатого скота. Почти все кости мелко раздроблены, включая ребра. Представлены все разделы скелета мелкого рогатого скота. На 7 обломках видны нарезки или насечки – следы разделки туш. Складывается впечатление о весьма глубокой степени переработки мясной пищи, что принято считать проявлением пищевого стресса. Видовой состав фауны, к сожалению, пока не определен. Скорее всего, данный комплекс отражает охотничью деятельность, так как у оседлого сельскохозяйственного населения, как правило, для пищевых целей забивались взрослые животные. Большое количество птицы и молодых животных соответствует весенне-летнему охотничьему сезону. Два сохранившихся маленьких копытца явно принадлежат очень молодым животным.

Историческая интерпретация этого позднейшего археологического комплекса ур. Выдылыха может быть определена пока что только в самых общих чертах. Начиная с конца XVI в., в районе современного с. Богородичное оформилась переправа через Донец, являвшаяся частью стратегической «посольской» дороги из Москвы в татарскую степь («крымская» сторона Донца) и далее в Крым. В окрестностях села найдено несколько изделий, определенно относящихся к этому времени (информация В.В. Давыденко). В XVII в. переправу обслуживали монахи Святогорской пустыни, иногда небольшие казачьи отряды близлежащих поселков, бравшие за труды умеренную плату. Между общинами существовала конкуренция за право обслуживать посольскую дорогу, хотя это считалось традиционным источником дохода Святогорского монастыря. Переправа и монастырь являлись центром притяжения в одинаковой степени как для оседлого населения, так и для т.н. «служилых людей» и социально неустойчивых элементов, граница между которыми в то время была очень подвижной и относительной. Этно-политическая ситуация на данном участке Подонцовья в XVII в. детально проанализирована в ряде работ В.А. Пирко [9-10] и Э.Е. Кравченко [7]. Следствием стихийной и целенаправленной колонизации этого сектора Восточной Европы явилось возникновение ряда поселков. Предполагаемый хутор Выдылыха, несомненно, тяготеет к переправе через Донец по посольской дороге в современном с. Богородичное. Расстояние от хутора (поселка, зимовника, убежища - ?) до переправы вниз по течению Донца – около 1.5 км. Отсутствие упоминаний в письменных документах XVII-XVIII вв. позволяет думать, что он возник стихийно и к моменту составления податных списков уже не существовал.

Литература:

1. **Багалей Д.И.** Общий очерк древностей Харьковской губернии // Харьковский сборник. - Харьков, 1890. С.76-93.
2. **Давыденко В.В., Хозин С.Р., Пирожак В.В.** Фортификация Теплинского городища на Северском Донце // Святогірський альманах, 2006. - Донецьк, 2006. С. 5-8.
3. **Копил О., Кравець Д.** Козаки на Дінці // Літопис Донбасу , 2005. - Донецьк, С. 48-78.
4. **Колесник А.В., Кузин В.И., Хозин С.Р.** Отчет о работах в ур. Выдылыха Славянского района Донецкой области в 2004 г. // Научный архив Института археологии НАН Украины.
5. **Колесник А.В., Кузин В.И., Хозин С.Р.** Отчет об археологических исследованиях в Донецкой области в 2005 году совместной археологической экспедицией Донецкого национального университета и Донецкого областного краеведческого музея // Научный архив Института археологии НАН Украины.
6. **Колесник А.В., Хозин С.Р., Кондратьев А.В.** Отчет об археологических исследованиях в Донецкой области в 2006 году совместной археологической экспедицией Донецкого национального университета и Донецкого областного краеведческого музея // Научный архив Института археологии НАН Украины.
7. **Кравченко Э.Е.** Поселение Явир в среднем течении Северского Донца// Донецкий археологический сборник, № 10. - Донецк. С. 87- 107.
8. **Михеев В.К.** Подонье в составе Хазарского каганата. - Харьков, 1985.
9. **Пирко В.А.** Северное Приазовье в XVI – XVIII вв. - К., 1988.
10. **Пирко В.О.** Заселения Донеччины у XVI - XVIII ст. - Донецьк, 2003.
11. **Савур- Могила.** Легенди та перекази Нижньої Наддніпрянщини// Упор. В.А. Чабаненко. - К., 1990.
12. **Филарет (Гумилевский).** Историко – статистическое описание Харьковской епархии. Отд. IV. – Харьков, 1857.
13. **Яворницький Д.І.** Історія Запорозьких козаків. Т.-2. – К., 1990.

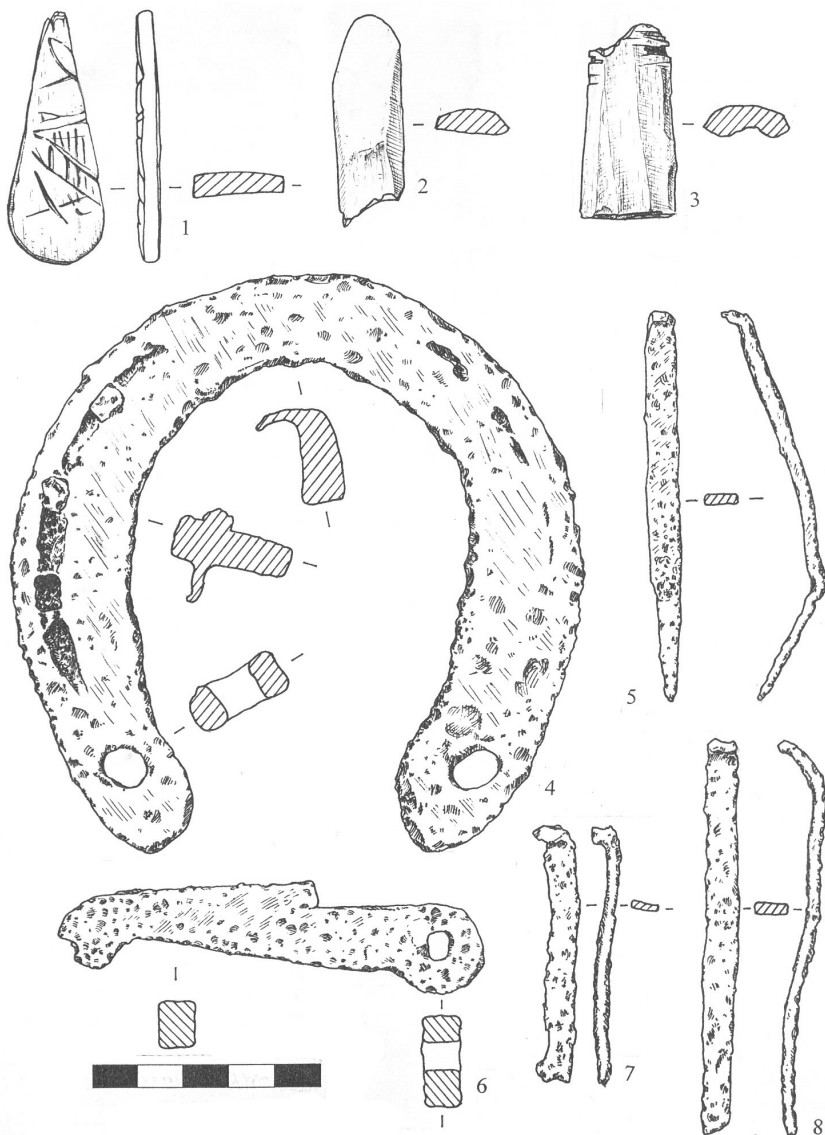

Рис. 1. Ур. Выдылыха.
Материал XVII в.

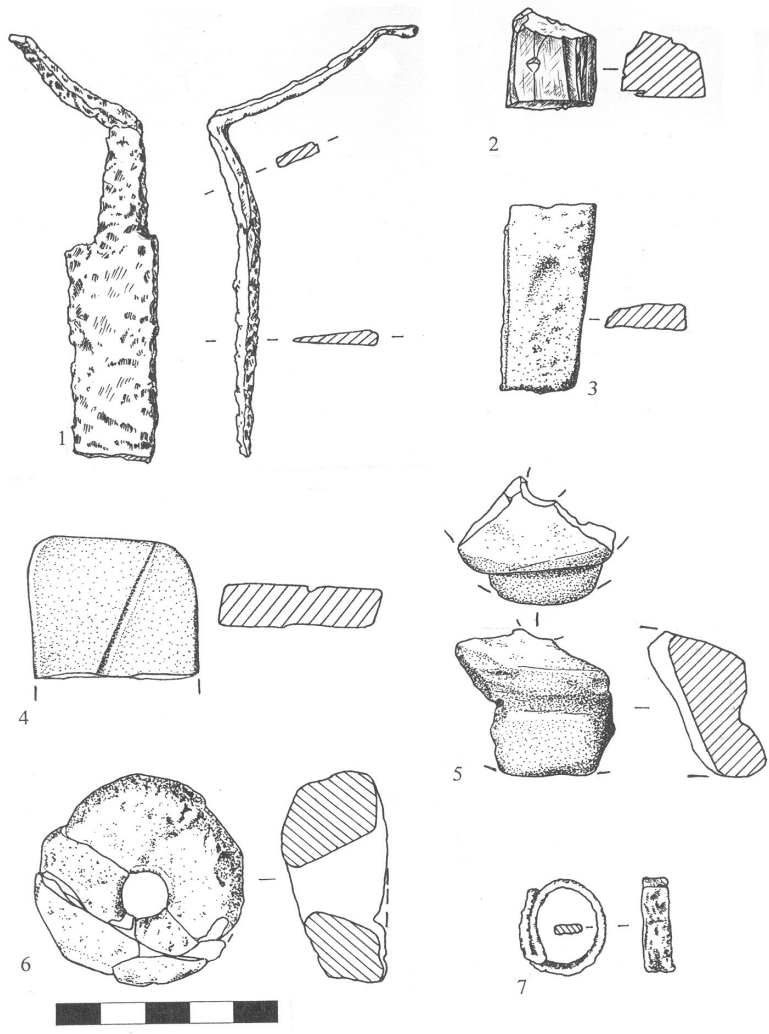

Рис. 2. Ур. Выдылыха.
Материал XVII в.

**Материальная культура населения среднего течения
Северского Донца на рубеже XVII-XVIII вв.
(по материалам раскопок поселения Казачья Пристань)**

Археологические памятники у пгт. Райгородок (Славянский р-н Донецкой обл.) многочисленны и разнообразны. Песчаные террасы, на которых расположен поселок, и окаймляющие пойму возвышенные участки коренного берега, усеяны поселениями различных эпох. В трех километрах к востоку от Райгородка, у места впадения реки Казенный Торец в Северский Донец, находится широкий луг, ограниченный с севера и юга высокими холмами коренного берега, а с запада – дюнами, на которых расположен современный поселок. Ширина его местами достигает 3-4 км. Этот участок ежегодно затопливается и для сооружения стационарных населенных пунктов мало пригоден. Местность здесь сильно обводнена: многочисленные озера – остатки старых русел, переходят к северо-востоку от поселка в заболоченную низменность, - подобие плавней. К югу от места слияния Донца и Торца местность сильно повреждена во время сооружения Славянской ГРЭС и прилегающих к ней двух крупных водохранилищ. У места слияния двух рек проходит линия канала Северский Донец-Донбасс. Ранее здесь также находилось старое русло реки Казенный Торец, ныне известное у местного населения, как озеро «Старэ». Собственно у места впадения Казенного Торца в Северский Донец есть лишь одно, пригодное для жизни место. Это, располагающаяся в 500м к западу от слияния рек, небольшая прямоугольная террасовидная возвышенность, которая затопливается только во время сильных паводков. Выгодное расположение данного участка (близ древнего брода) и отсутствие на близлежащих территориях мест, пригодных для жилья, обусловило наличие на возвышении культурных напластований различных эпох, начиная с ново-каменного века. Верхний слой представлен материалами городка Казачья Пристань, который существовал здесь на рубеже XVII - XVIII вв.

С периодом функционирования Казачьей Пристани связаны отдельные топонимы на данной территории. Так, прилегающая к памятнику (фактически находящаяся на нем) небольшая бухточка носит у местного населения название Репнина Пристань. Эта пристань, находящаяся у места слияния Торца с Донцом (на землях т.н. Репнинского юрта) упоминается с XVI в. Собственно от названия этого места и получил имя возникший здесь в 1684г. городок. Ниже по течению от Репниной Пристани (приблизительно в 150-200м от южной

оконечности современного населенного пункта) имеется обширное поле, носящее у местных жителей название «Мэртвэ». Имеются свидетельства старожилов, что в 80-х гг. XX в. река периодически вымывала здесь из берега доски от гробов и человеческие кости. Вполне возможно, местность получила свое название от находящегося здесь кладбища Казачьей Пристани. С западной стороны к поселению примыкает обширный луг, носящий у местных жителей название Казачье Поле. Вполне вероятно, что именно здесь, осенью 1670г. произошла одна из битв между правительственными войсками и отступающими от Маяцкого острога людьми разинского атамана Леска Черкашенина [2, с.75-76, 84-86; док.61, 68, 70]. По всей видимости, с этими событиями и связана находка в 1970г. возле Репниной Пристани крупного клада европейской монеты XVII в., часть которого ныне хранится в фондах Донецкого областного краеведческого музея [9, с.68-73].

Основание городка было связано со следующими обстоятельствами. С целью обезопасить от татарских набегов Торские соляные озера, расположенные на территории нынешнего города Славянска, русским правительством в 1663г. был построен Маяцкий острог. Эта попытка практически не увенчалась успехом. Вне сомнений, жители Маяцкого городка могли наблюдать за передвижениями татарских отрядов, однако преградить им дорогу к Торским соляным озерам они были не в состоянии, хотя бы уже потому, что острог находился на солидном (5-6км) расстоянии от основного брода, которым пользовались татары [4, с.71].

В 1684г. на имя белгородского воеводы И. Шеина поступила, подписанная царями Иваном и Петром грамота, предписывающая соорудить ряд укреплений (в дальнейшем - Торская укрепленная линия). Между прочим, предписывалось перенести с прежнего места Маяцкий городок и построить его в устье реки Казенного Торца [12, с.19]. Постройка данных укреплений была возложена на казаков Харьковского и Ахтырского слободских полков. Городок, построенный у старой Казачьей Пристани, имел шесть башен, из которых две были проездными. Протяженность его стен составляла 174 сажени. Ров, выкопанный вокруг, достигал шириной и глубиной 3-х сажень [13, с.40; 12, с.18]. В связи с тем, что маячане отказались переселиться во вновь построенный населенный пункт, туда был прислан осадчий С. Бронка, успевший к осени 1684 года поселить здесь пять черкасских семей и попа [12, с.40, с.180 - 184]. В целом, это место было неудобным для жизни. Городок очень часто подтапливался вешними водами; сильные разрушения в нем произвело наводнение 1709г. [12, с.18]. Несмотря на это, люди здесь жили в течение длительного времени, что объясняется очень важным в стратегическом плане местонахождением

укрепленного населенного пункта. До тех пор, пока он был нужен, население, несмотря на все неудобства, проживало на этом участке. Мало того, археологические исследования свидетельствуют, что наибольший расцвет городка приходится на 20-30 гг. XVIII в. Установить это удалось благодаря прекрасной датировке его сооружений монетами, абсолютное большинство которых относится к 20-30 гг. XVIII в. Монеты более раннего, и более позднего времени встречаются намного реже. Так, монеты периода правления Анны Иоанновны (1730-1740 гг.) были обнаружены только в двух сооружениях. Судя по всему, к 30-м г. XVIII в. роль Казачьей пристани, как укрепленного пункта постепенно сходит на нет. Населенный пункт был оставлен в период до 1740г. О причинах его запустения свидетельствуют как дата самой поздней из найденных монет (1737г.), так и сообщение источников о страшной моровой язве 1738-39г., в результате которой ряд поселений был покинут жителями. Возвратившись назад, население решило оставить почти ежегодно подтопляемое во время паводков место, и переселилось к западу от него, на высокие сухие песчаные дюны, что дало начало нынешнему поселку Райгородок. Впрочем, первые поселенцы на территории нынешнего Райгородка могли появиться еще в конце XVII в. В пользу такого предположения свидетельствуют находки на территории современного поселка ранних типов изразцов [8]. Говорить о размерах этого населенного пункта, не имея дополнительных данных, трудно. Скорее всего, до полного запустения Казачьей Пристани Райгородок представлял очень небольшое поселение. Вполне может быть, что оба этих пункта фигурируют в документах начала XVIII в. под одним именем, а соответственно и данные об их населении могли даваться современниками суммарно. Интерес представляют, приводимые В.А.Пирко, ревизские данные 1720г., дающие представление об этническом составе жителей Райгородка. Согласно им за период с 1700 по 1720 гг. население городка увеличилось на 42 семьи. Из них 16 переселилось из Чугуева; 4 из Курска; из Ливен-4; Харькова -3; Донецкого- 2; Нового Оскола-2; Хотмыжска-2; Айдара, Белгорода, Валук, Маяцкого, Новоселья, Полатова, Рыльского, Севска, Чернявска по 1 семье. Таким образом, основная часть населения нового городка являлась выходцами из различных областей Слободской Украины. Тем не менее, среди его жителей присутствовали этнические русские и донские казаки [13, с.46].

Отсутствие на территории Казачьей Пристани более поздней застройки сделало этот населенный пункт идеальным местом для проведения археологических исследований. Раскопками, которые велись здесь экспедицией Донецкого областного краеведческого музея, в 1998-1999, 2002 гг. на Казачьей Пристани была вскрыта площадь

около 1500 кв. м. Расположение раскопов на разных участках поселения позволило проследить в общих чертах размещение сооружений на памятнике, а также определить их характер. В целом, обнаруженные сооружения свидетельствуют, что городок имел обычную для поселений такого типа планировку. В центре пространства, огражденного стенами, находилась большая площадь. Постройки же располагались по периметру. Место нахождения церкви, о которой упоминают уже первые повествующие о Казачьей Пристани документы, пока не локализовано. Кирпичных строений не обнаружено, что собственно характерно для населенных пунктов XVII-начала XVIII вв., расположенных в среднем течении реки Северский Донец. Весь кирпич, найденный на Казачьей Пристани, датируется XIV в., и был принесен казаками с близлежащего Райгородского городища, на котором еще в конце XIX в. фиксировались остатки кирпичных построек и мечети золотоордынского времени. Использовался этот кирпич в качестве ломового камня, наряду с камнем и меловыми блоками для обкладки стенок хозяйственных ям. В 2002 г. были раскопаны остатки выложенного из меловых блоков прямоугольного наземного помещения, скорее всего, сарая, с хозяйственной ямой внутри. Собственно, выложенные из меловых блоков сарай и погреба можно и ныне увидеть на территории пос. Райгородок и в близлежащих селах. Отсутствуют остатки кирпичных построек и на современных Казачьей Пристани других поселений рассматриваемого нами региона. Подобная деталь, по всей видимости, была связана не с бедностью жителей Казачьей Пристани, а с существующей на этих землях строительной традицией. Так, остатки каких-либо кирпичных конструкций не были зафиксированы даже в первых наземных постройках Святогорского монастыря, материалы которого резко контрастировали с находками, происходящими из окружающих его поселений, отличались от них богатством [6]. Только в конце XVII в. в Святогорском монастыре строятся (частично кирпичные) Успенский собор и Николаевская церковь. По всей видимости, кирпичное строительство практиковалось в XVII – первой половине XVIII вв. на рассматриваемой нами территории, в основном при сооружении церквей, да и то крайне редко. Основная масса построек представляла традиционные деревянные сооружения, чему способствовало наличие в избытке местного дешевого строительного материала – древесины, которую давали крупные, еще не сведенные в это время, леса [3, с.32]. Широкое распространение кирпичного строительства на южной оконечности Слободской Украины приходится на II половину (если не на конец) XVIII в. Похоже, в это время следует искать здесь и следы местного кирпичного производства.

Таким образом, все постройки Казачьей Пристани были сооружены из дерева. Часть их представляла наземные или слегка углубленные в грунт деревянные, обмазанные глиной жилища, характерные для этой территории вплоть до нач. XX в. Отсутствие у построек Казачьей Пристани глубоких подполов, равно, как и небольшая глубина абсолютного большинства хозяйственных ям объясняются близостью подпочвенных вод. Дно котлованов некоторых помещений неровное и имеет углубление в центральной части. В засыпке из встречены полностью развалившиеся остатки отопительных сооружений, которые, скорее всего, обрушились сверху. Создается впечатление, что часть построек либо стояла на сваях, либо имела высокий деревянный фундамент, фактически первый этаж, который не был жилым, а предназначался для хозяйственных нужд. Это вполне объяснимо частыми наводнениями, от которых сильно страдали жители населенного пункта.

Особый интерес представляет вещественный материал, обнаруженный при раскопках памятника. Основная часть находок представлена фрагментами керамики. Среди них обращает внимание наличие довольно большого количества печных изразцов (рис.1, 1-8). Судя по всему, кафельная печь на этом поселении не считалась роскошью и пользовалась у жителей населенного пункта большой популярностью [8; 10]. Абсолютное большинство изразцов Казачьей Пристани находят параллели на территории Украины. Близкие аналоги им можно встретить на Сумщине, Харьковщине, Полтавщине. Тем не менее, отдельные экземпляры, повторяют русские образцы. Среди них особенно характерен изразец с изображением Георгия Победоносца, поражающего Змия (рис.1,1). На нем святой показан без нимба в трехзубом венце, что свидетельствует, что перед нами известное в русском искусстве изображение "Ездоца". Конь со всадником развернут влево. По всей видимости мастер просто перепутал направление, при вырезании негатива на литейной форме.

Керамическая посуда (рис. 2-4) очень разнообразна и отличается высоким качеством. Абсолютное большинство фрагментов принадлежит тонкостенным сосудам, изготовленным на гончарном круге с большими оборотами, украшенными орнаментом, нанесенным красной или коричневой краской (т.н. опиской) (рис. 2; 3; 1-3; 4, 2, 3, 6, 9-13). Реже встречается прочерченный или пролощенный орнамент (рис. 3, 4, 7-8). Еще реже – штамп (рис. 3, 9). В очень небольшом количестве (1 фрагмент на 1000) встречается белоглиняная посуда русского производств. Более дорогостоящей поливной керамики найдено мало. Это отличает керамический комплекс Казачьей Пристани от комплекса, обнаруженного в заполнении первых наземных построек

Святогорского монастыря, где поливная керамика составляла довольно высокий процент.

Наряду с керамикой, довольно много обнаружено стекла. Стекланные предметы представлены большим количеством обломков от различной формы бутылок, чарок, стаканов, а также оконным стеклом (рис. 4, 1; 6, 1; 11). Хорошее качество и небольшая толщина стенок сосудов свидетельствуют о высоком мастерстве стеклоделов. В целом, стеклянные изделия близки находкам на других поселениях этой территории, в частности, находкам, происходящим со Святогорского монастыря. Не исключено, что часть стеклянных предметов могла производиться в монастырских мастерских.

Довольно частой категорией находок на памятнике являются керамические люльки (рис. 5) и детские игрушки (рис. 6, 2-8). Среди последних известны как игрушки - свистунцы, изготовленные гончарами (рис. 6, 5, 7, 8), так и грубо вылепленные и обожженные в простой печи фигурки людей, которые, скорее всего, сделал кто-то из местных жителей (рис. 6, 2-4, 6). Особый интерес представляют две из них. Одна из них (рис. 6, 4) в районе левого уха имеет отверстие, в котором ранее находилась серьга. Известно, что мода носить серьгу в левом ухе была воспринята на Украине довольно поздно, в середине XVIII в. [14, с.157-158]. До этого этот обычай широко бытовал среди донских казаков. Таким образом, фигурка должна была изображать казака-дончика. Вторая фигурка имеет на груди прочерченное изображение креста (рис. 6, 6). Обычай ношения нагрудного креста после XIV в., широко распространяется среди населения Украины лишь в сер. XVIII в., что связано это с влиянием России, и, в частности Дона [14, с.157-158]. При раскопках Казачьей Пристанки крестов обнаружено около двух десятков (рис. 7, 3-10). Практически все они повторяют русские образцы. Последнее свидетельствует, что на этой территории, непосредственно граничащей с областями, заселенными донским казачеством, подобные влияния распространялись намного раньше. Мало этого, кроме крестов на памятнике были обнаружены две бронзовых иконки, с изображением (рис. 7, 1, 2). Иконография этого святого, защитника городов, сформировалась на территории России в период борьбы с Золотой Ордой [1, с.193-194]. Именно на территории России он был наиболее почитаем. Находки иконок с изображением Николая Можайского на территории далекого степного городка не удивляют. Постоянное соседство со степью, могло вызвать здесь почитание именно этого святого, борца с неверными, защитника православия.

Среди крестов особый интерес представляют обломки, предметов, представляющих отливки по оттиску с типов, характерных для более раннего времени (рис. 7, 5). Подобные находки могут

свидетельствовать о наличии среди населения Казачьей Пристани старообрядцев, или о каком-то влиянии последних на население далекой степной окраины Российской империи.

О суровом быте населения укрепленного поселения свидетельствуют находки предметов вооружения. Среди них пулелейки, крючок для подвешивания сабли, обломок сабли, курки, нижние части рукояток пистолетов (рис. 8). Встречаются и наконечники стрел, попавшие на территорию поселения, скорее всего, во время татарских набегов.

Еще одна категория археологического материала представлена женскими украшениями. Среди них бусы, заколки, кольца, и серьги (рис. 9, 4, 5, 7, 13, 14, 15). Большое количество предметов принадлежит деталям одежды. Это пуговицы и всевозможные пряжки (рис. 9, 16-18; 10). Абсолютное большинство их находит параллели среди материалов обнаруженных на украинских землях.

Относительно часто встречаются и перстни-печатки (рис. 9, 1-3; 6, 9, 11, 12). На них представлены всевозможные изображения от геральдических щитов, Георгия Победоносца, вплоть до надписей. Так, один из перстней несет на себе имя – "Степан". Особо интересен небольшой перстень, на котором в центральной части щитка изображен равноконечный казацкий крест. Выше же его имеется изображение царской короны. Таким образом, показано реальное положение этой территории, заселенной в значительной степени выходцами из различных слоев казачества, но находящейся в составе Российской империи.

Многочисленные орудия труда свидетельствуют о занятиях населения в мирное время. Среди них довольно большое количество рыболовных крючков и грузов от сетей. Вне сомнения, роль рыбного промысла в жизни населения городка, расположенного у места слияния двух крупных рек была огромной. Довольно многочисленны предметы для обработки дерева, всевозможные ножи, долота. Довольно часто встречаются ножницы. Среди прочих находок найден своеобразный осветительный прибор – светец – металлический трезубец, в который вставлялись лучины.

Таким образом, на материальную культуру Казачьей Пристани оказали влияние как время, в течение которого существовало это поселение, так и его географическое положение. На рубеже XVII и XVIII вв. этот населенный пункт находился практически на границе земель Войска Запорожского, Войска Донского и Русского государства. Абсолютное большинство населения городка являлось выходцами с территории Слободской Украины. Последнее обусловило то, что материальная культура населения Казачьей Пристани в целом мало отличается от культуры других населенных пунктов Левобережья. Тем

не менее, близость населенного пункта к землям, заселенным донскими казаками, и наличие среди его населения воинского контингента придало материальной культуре этого поселения свои характерные черты.

В целом, материальная культура населения Казачьей Пристани имеет украинский облик. Она отражает сложный процесс формирования населения, прямые потомки которого и ныне проживают в среднем течении реки Северский Донец. По всей видимости, в XVII-XVIII вв. процесс этнической интеграции шел на этих землях очень активно, благодаря чему отдельные этнические составляющие этой культуры выделить практически невозможно. Археологические материалы Казачьей Пристани отражают культуру этнической доминанты. Менее многочисленные этнические компоненты вносили в нее отдельные черты, не нарушая картину в целом.

Литература:

1. **Вагнер Г.К.** От символа к реальности. Развитие пластического образа в русском искусстве. - М., 1980.
2. Восстание под предводительством Степана Разина. Т.2. Часть II. - М., 1959.
3. **Кириков С.** Человек и природа степной зоны. - М., 1993.
4. Книга Большому Чертежу. - М.-Л., 1950.
5. **Кравченко Э.Е.** Клад серебряных монет XVII в. из Казачьей Пристани (северо-западный Донбасс) //Літопис Донбасу №9. - Донецк, 2001.
6. **Кравченко Э.Е.** Бытовой комплекс Святогорского монастыря XVII - начала XVIII вв. //Материалы исследований, реставрации и использования памятников истории и культуры. - Славяногорск, 1995.
7. **Кравченко Э.Е., Духин А.И.** Керамические люльки и мелкая пластика поселения Казачья Пристань //Межэтнические культурные связи в Донбассе: история, этнография и культура. - Донецк, 2000.
8. **Кравченко Э.Е., Мирошниченко В.В.** Изразцы поселения Казачья Пристань //Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. - Донецк, 2000.
9. **Кравченко Э.Е.** Предметы христианского культа с южной окраины Слобожанщины //ДАС №9. - Донецк, 2001.
10. **Кравченко Э.Е., Мирошниченко В.В.** Изразцы XVII в. с поселений среднего течения Северского Донца // Проблемы археологии и архитектуры Т.1. - Донецк-Макеевка, 2001.

11. **Кравченко Э.Е.,** Бровченко И.Ю. Историко-археологический аспект формирования этноконтактной зоны в Среднем Подонцовье //История науки: проблемы розвитку. - Луганск, 2002.
12. **Пирко В.А.** Северное Приазовье в XVII-XVIII вв. К., 1988.
13. **Пірко В.О.,** Заселення степової України у XVII-XVIII ст. - Донецьк, 1998.
14. **Свєшніков К.І.** Битва під Берестечком. - Львів, 1993.

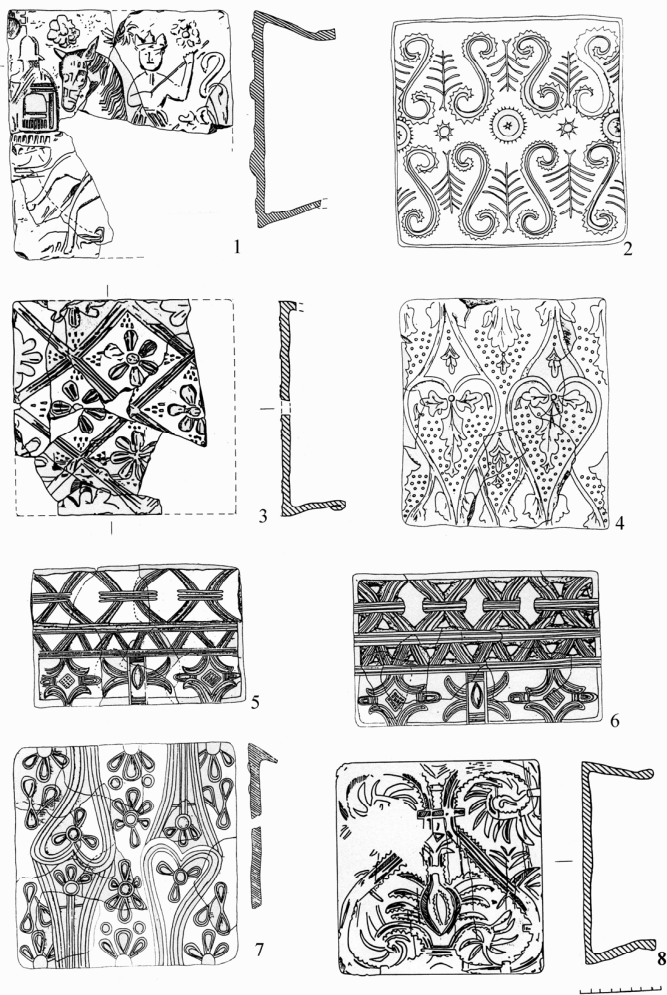

Рис.1. Изразцы с поселения Казачья Пристань.

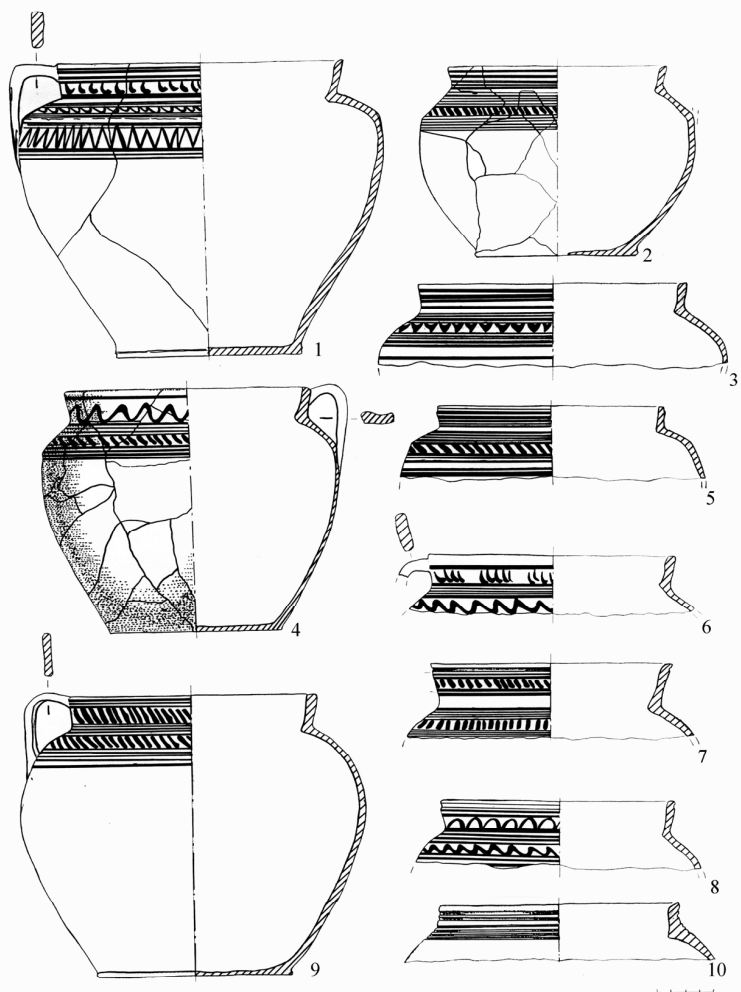

Рис.2. Гончарные горшки с поселения Казачья Пристань.

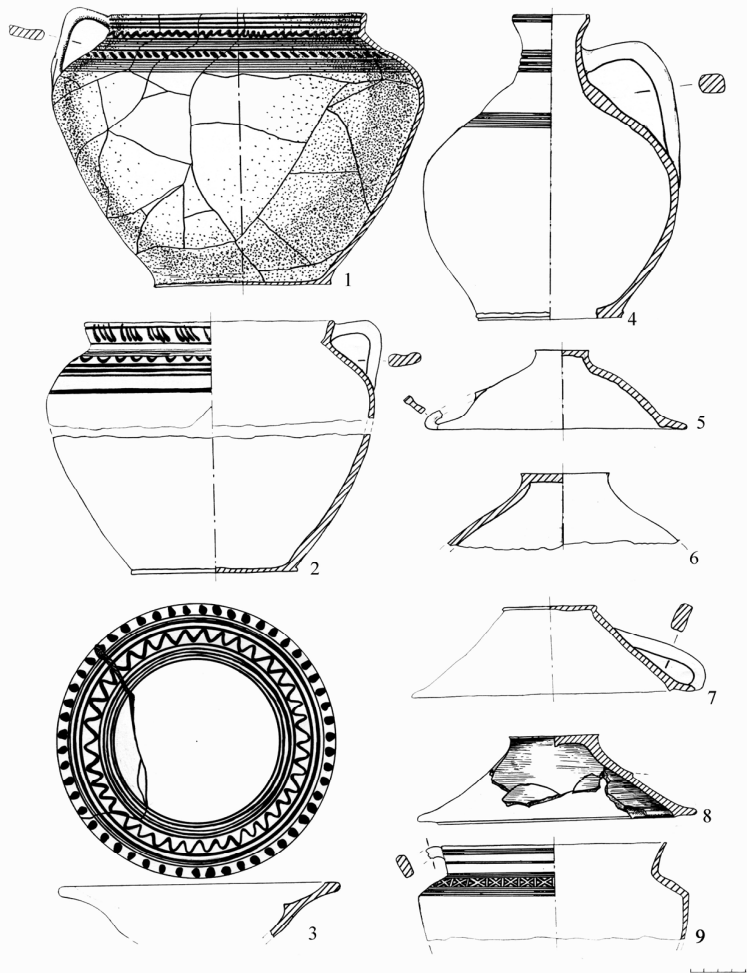

Рис.3. Предметы с поселения Казачья Пристань: 1, 2, 9 - горшки; 3 - миска; 4 - кубышка; 5 - 8 - крышки.

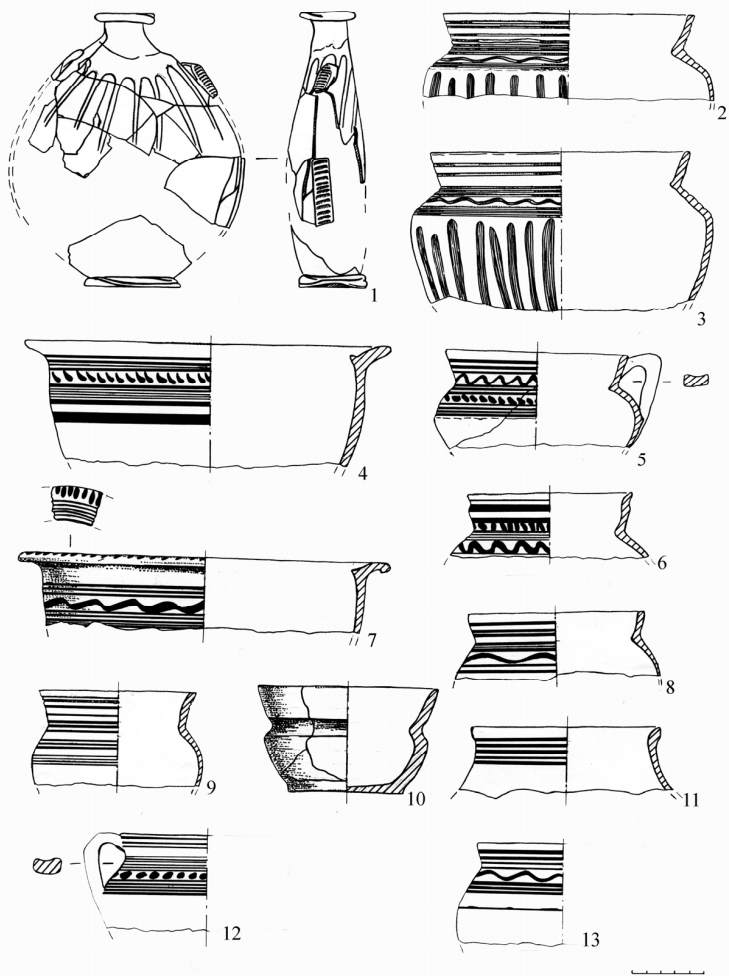

Рис.4. Предметы с поселения Казачья Пристань: 1 - стеклянный сосуд; 2 - 13 - гончарные горшки.

Рис.5. Люльки керамические с поселения Казачья Пристань.

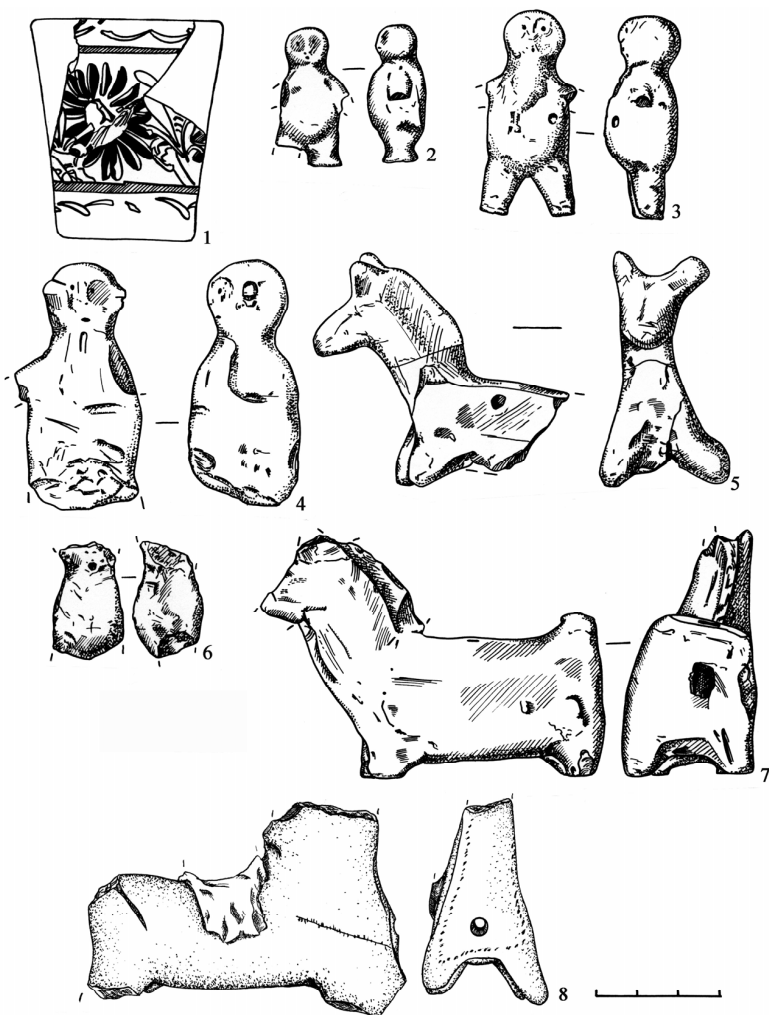

Рис.6. Предметы с поселения Казачья Пристань: 1 - стеклянная стопка; 2 - 4, 6 - антропоморфные фигурки керамика; 5, 7, 8 - детали свистулек керамика.

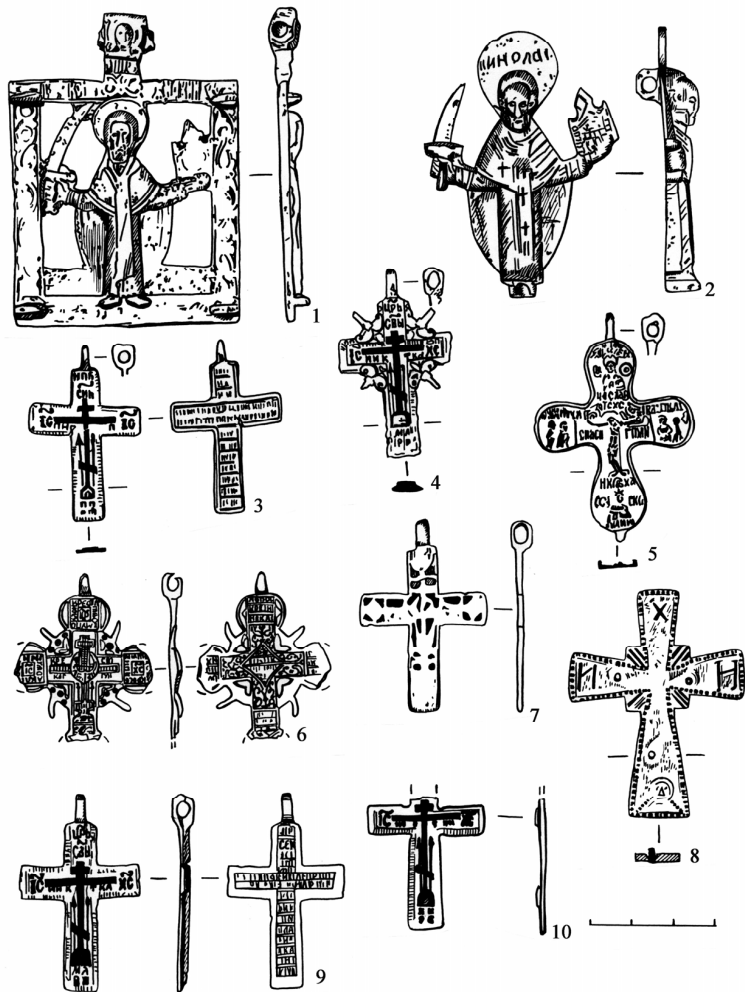

Рис.7. Предметы культа с поселения Казачья Пристань: 1, 2 - иконки с изображением Св. Николая Можайского; 3 - 10 - нательные кресты.

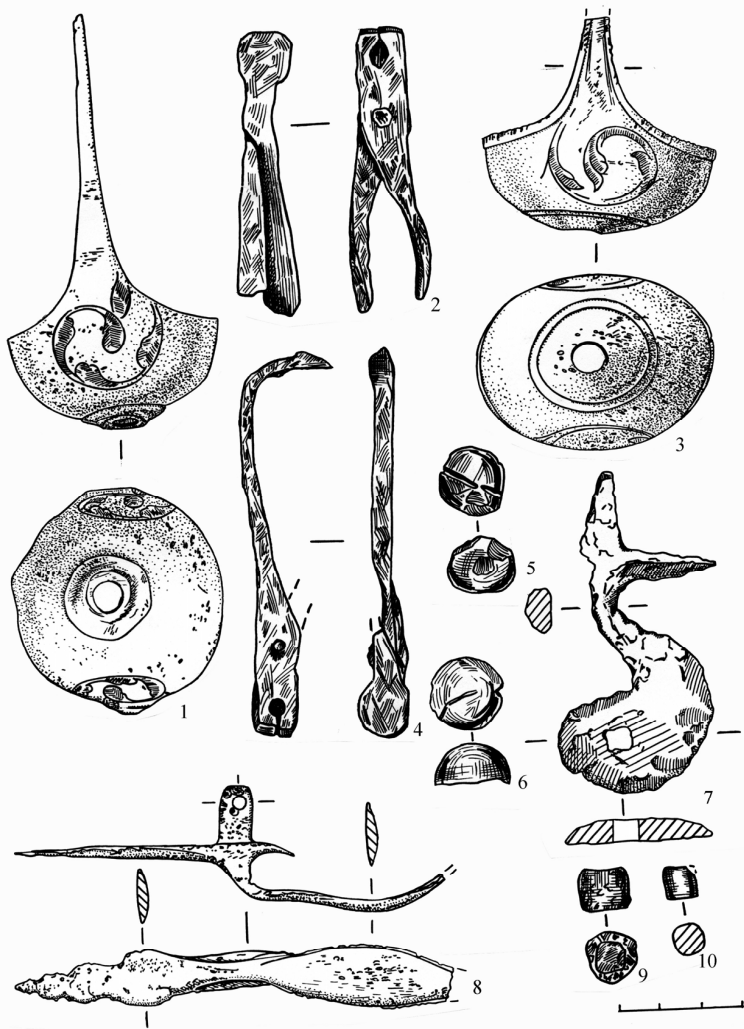

Рис.8. Предметы вооружения с поселения Казачья Пристань.

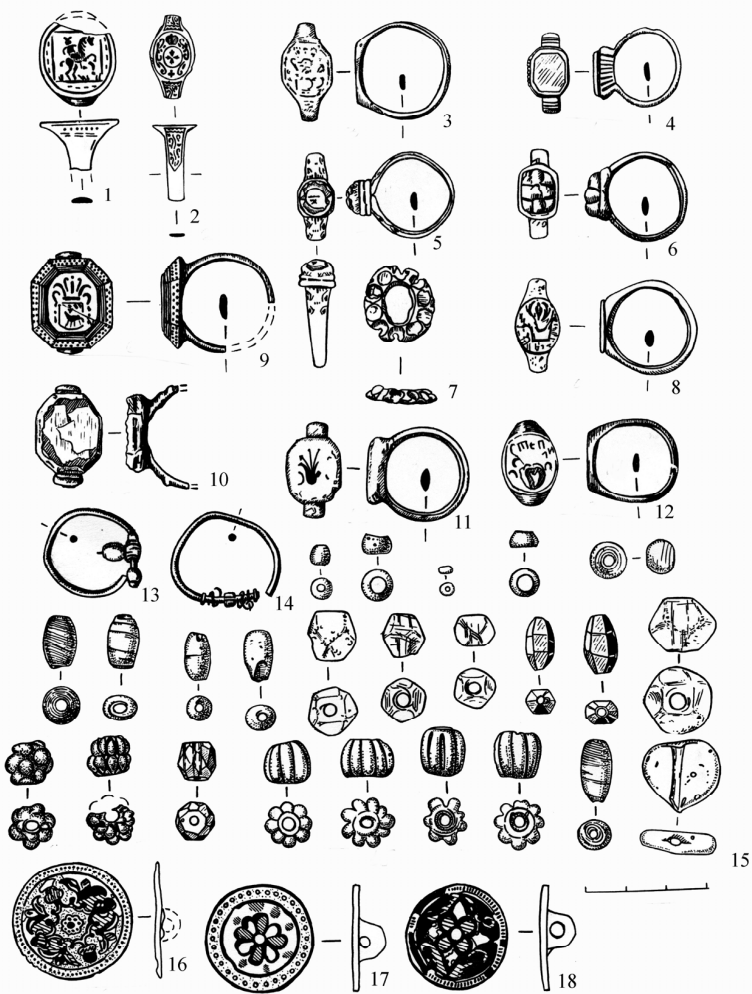

Рис.9. Предметы с поселения Казачья Пристань: 1 - 12 - перстни; 13, 14 - серьги женские; 15 - бусины; 16 - 18 - пуговицы.

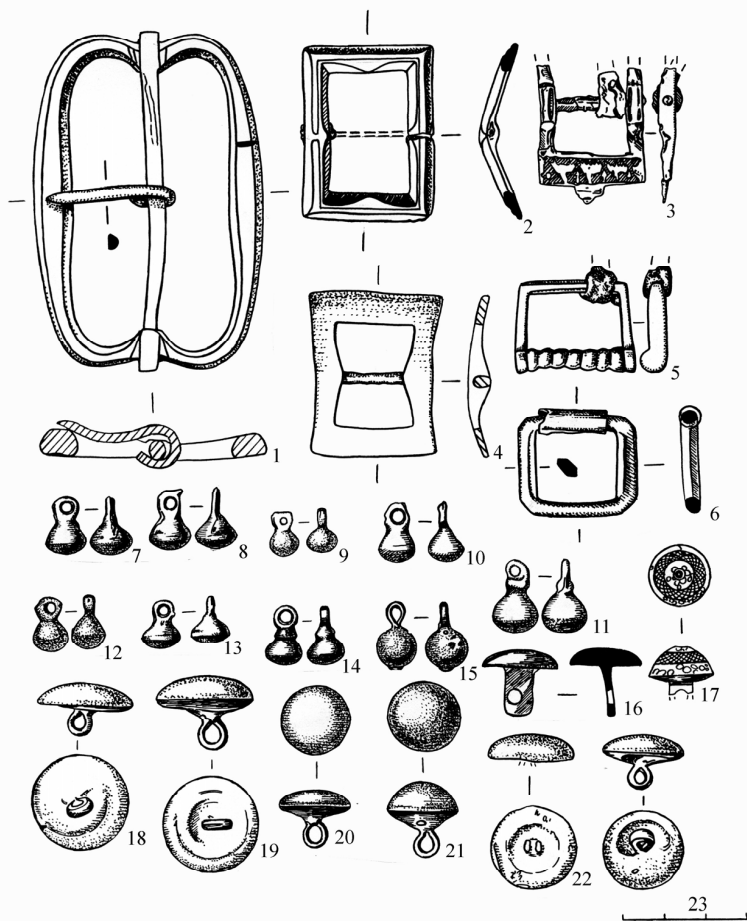

Рис.10. Предметы с поселения Казачья Пристань: 1 - 6 - пряжки; 7 - 23 - пуговицы.

Священник Василий Спесивцев и его вклад в археологическую науку

Как известно, начало XX века ознаменовалось в истории археологии Донбасса рядом крупных знаковых событий, связанных с активным вовлечением этой части Российской империи в круговорот археологических идей.

Одним из важнейших инструментов организации археологической науки в то время были Археологические съезды, подготавливаемые и проводимые под патронажем Императорской археологической комиссии. Плановый XII археологический съезд в Харькове (1903 г.) резко активизировал деятельность археологов и краеведов, способствовал созданию местной археологической инфраструктуры и накоплению материалов, которые существенно повлияли на развитие науки того времени и во многом не потеряли своего значения до наших дней.

Сложившаяся динамичная ситуация в научной археологической среде вызвала к жизни появление ряда личностей с очень высоким человеческим, духовным и научным потенциалом.

Одним из ярких представителей местной археологической науки конца XIX - начала XX вв. был священник Василий Феоктистович Спесивцев, настоятель храма в с. Райгородок Изюмского уезда Харьковской губернии (современное с. Райгородок Славянского района Донецкой области). Личная и духовная биография о. Василия, а также его вклад в развитие общей и региональной археологии были настолько тесно переплетены между собой, что их порою трудно разделить на отдельные сюжеты.

Вехи личной и научной биографии Спесивцева уже неоднократно обсуждались в литературе [2-3; 6]. Настоящий очерк базируется на этих биографических, историографических и археологических исследованиях, а также на оригинальных документах из архива Харьковской епархии [1].

Итак, Василий Спесивцев родился в 1862 г. в семье диакона Феоктиста Спесивцева, прожившего в селе Петропавловка Старобельского уезда Харьковской губернии (нынешнее с. Петропавловка Амвросиевского района Донецкой области). Как у

многих детей той эпохи, детство и отрочество Василия были тесно связано с храмом.

Церковь в середине XIX века продолжала оставаться центром культурной и духовной жизни общества. При храмах имелись библиотеки и различного рода кружки, где прихожане могли развивать религиозный и научный кругозоры. На территории храма собирались старики поговорить о всем происходящем, а заодно поведать молодежи о былой жизни. Во время таких бесед юношеству прививалась любовь к Родине, уважение к старшим и вера в Бога. Не осталось в стороне от этого благого сеяния и сердце юного Василия, впитавшего в себя множество легенд и историй о людях и событиях давно минувших дней. В последующем это переросло в устойчивый интерес к древнему и древнейшему прошлому Донецкого края и повлияло на формирование у него научного подхода к памятникам археологии.

Отец диакон Феоктист Спесивцев приучил своего сына к тщательному выполнению обязанностей по церкви и дому. Он своим личным примером показывал, как нужно служить Богу и людям. Кропотливое паномарское и клиросное послушание молодой Василий творчески совмещал с обучением грамоте и помощью по хозяйству матери. Слушание церковного пения, чтения церковно-Богослужебных и художественных книг, а также жития Святых воспитывало в сыне диакона любознательность и желание все более познавать окружающий мир. У него сами собой возникали вопросы: «Кто мы ?, откуда ?, и куда идем ?, кто был до нас ?, и кто будет после нас ?». Ответы на них он находил в святоотеческом писании и исторической науке.

В 1877 году по благословению своего отца Василий Спесивцев, будучи 15 лет отроду, поступает на учебу в Харьковскую духовную семинарию. Этому учебному заведению архипастыри Харьковской епархии уделяли особое внимание. Один из ярких примеров покровительства Alma Mater подал архиепископ Амвросий (Алексей Иосифович Ключарев), пожертвовавший для ученической библиотеки 935 книг из личного собрания. Сама же библиотека семинарии насчитывала 8963 тома богословских, научных и художественных книг. В период 6-летнего обучения семинаристам преподавались, кроме прочих предметов, основное богословие, космография, тригонометрия и обзор философских учений. Эти науки способствовали разностороннему мышлению будущих пастырей. Свободное от занятий время Василий Спесивцев посвящает прочтению книг. Усидчивость и неутомимая жажда знаний к концу шестого года обучения дают свой результат – Василий Феоктистович Спесивцев заканчивает курс Харьковской Духовной Семинарии со свидетельством второго разряда. Это был весьма высокий результат.

После праздника Покрова Пресвятой Богородицы в 1883 году Василий Спесивцев вступает в брак с девицей Еленой Александровной 10 июля 1864 года рождения. Его Преосвященством Епископом Харьковским Амвросием 19 февраля 1884 года, в преддверии Великого поста, Спесивцева рукополагают в сан священника и направляют на настоятельское служение во Всесвятскую церковь села Малой Чернетчины Сумского уезда. По прошению от 9 апреля 1885 г. он переводится настоятелем храма Архангела Михаила церковь села Райгородок Изюмского уезда.

Этот храм имел свою интересную историю: основан он был в первой половине XVII века казаками, охранявшими владения Святогорского монастыря. Постоянный ежегодный разлив Донца вынудил перенести храм и поселение от места, именуемого Крестовый Юрт в другое более благоприятное. К 1749 году работы по переносу храма были завершены, но временами полая вода бывала так велика, что подтапливала церковь и разоряла церковную ограду. За 140 лет таких испытаний храм, сложенный из бревен, пришел в ветхость и необходимость постройки нового храма была очевидной. Отец Василий Спесивцев обращается к прихожанам с предложением возвести новый Дом Божий. Народ поддержал инициативу молодого 23-летнего священнослужителя. Вся округа включается в сбор пожертвований на благое дело. Уже к концу 1885 года было собрано достаточно средств для начала строительства. По благословению епископа Амвросия весной 1886 года начинается возведение стен храма. Все жители трудятся над возрождением Святыни, не прекращая работы даже ночью.

Вместе с тем, о. Василий часто бывает в поле в период сельхоз работ. На полях, в окрестностях села, после весенней вспашки на поверхности почвы часто оставались различные предметы быта древних народов. Спесивцев собирает наиболее сохранившиеся образцы и размещает их в церковно-приходской школе. Слух о батюшкином интересе к вещам, находимых в полях, быстро расходитя по Райгородку и окрестностям и крестьяне несут отцу Василию все предметы, которые, как они считают, заслуживают внимания. Так было положено начало формированию уникальной региональной коллекции предметов древности Среднего Подонцовья. Собранная отцом Василием коллекция предметов каменного века была фактически первым системным собранием такого рода в Донецком крае. Без преувеличения можно сказать, что работы Спесивцева в области археологии каменного века имели в регионе пионерный характер.

7 мая 1886 года в семье Спесивцевых рождается первый ребенок – дочь Елена. К концу 1887 года в Райгородке завершается строительство нового храма с искусно устроенным иконостасом. На

престольный праздник Святого Архистратига Михаила в храме совершается первая Божественная литургия.

С 1885 по 1888 год отец Василий состоит духовным учителем Райгородской духовной школы. Кроме обязательных духовных и научных дисциплин отец Василий преподает учащимся практическое краеведение, заключающееся в экскурсиях по окрестностям села, в ходе которых пополняется коллекция предметов, имеющих историческую и культурную ценность.

За неустанные труды, направленные на благоустройство общины и за повышение уровня грамотности среди селян иерея Василия Спесивцева 14 июня 1889 года Преосвященный Епископ Амвросий награждает набедренником. Активная жизненная позиция батюшки располагает все больше и больше жителей не только Райгородка, но и окрестных сел: Щурово, Николаевки, Закотное и Селимовки. 20 августа 1888 года рождается вторая дочь Людмила, а 31 марта 1891 года - третья дочь Мария.

На пороге 30-летнего возраста батюшка уже рассматривает собирание древних артефактов как серьезный научный труд, о чем и ведет переписку с приват-доцентом Харьковского Императорского Университета Егором Кузьмичем Рединым. Осознавая всю серьезность своих намерений проводить и в дальнейшем археологические разведки, он приглашает в Райгородок выдающихся ученых того времени Н.А. Федоровского, В.А. Городцова и графиню Н.С. Уварову для более точного и детального изучения открытых им остатков древних поселений и городищ. В этот период жизни Спесивцев делает эпохальные открытия древних памятников между р. Тор и местонахождением Казачья Пристань. Собирает массу кремневых орудий и предметов различной формы: наконечники стрел, копий, ножи, большие и малые пики, относящиеся в основном к неолитической эпохе каменного века. Собирает также предметы эпохи бронзы, средневековые наконечники стрел, пластинки, пугови, колечки, бляшки, курильницы. Кроме этого, ему попадаются особо уникальные находки, помогающие довольно точно датировать не сохранившиеся к настоящему времени Райгородское средневековое городище – это медные и серебряные монеты, преимущественно золотоордынские XIV в. Как известно, городище практически полностью было уничтожено горными работами в новейшее время. Удивительна находка железного меча с серебряным эфесом и обвитой крупными проволочными нитями рукояткой. На рукояти насажена серебряная, украшенная чернью, головка, с изображением на ней с одной стороны зайца и птицы, посреди диска окруженного плетенкою, а с другой стороны – так называемой «печати Соломона», окруженной орнаментом другого

рисунка. Эти и многие другие находки буквально перевернули научные взгляды того времени на историю степи в районе Среднего Подонковья. Сейчас становится ясным, что Райгородское городище является важной составной частью Донецкой агломерации средневековых городищ в среднем течении Северского Донца, что отражало политико-административную структуру Хазарии и, в последующем, Золотой Орды. Вскоре (1894 г.) эти находки были опубликованы в солидном научном издании [4].

1 июня 1893 года рождается четвертая дочь Вера. С раннего утра до позднего вечера батюшка посещает церковные поля, больных прихожан, обучает слепых крестьян читать новым способом – по выпуклым точкам, лечит больных лекарствами, которые сам изготавливает. Естественно совершает Богослужения, крестит новорожденных, отпевает новопреставленных и совершает прочие требы. 10 марта 1895 года рождается пятый ребенок – сын Василий. По определению епархиального начальства 12 июня 1895 года Спесивцева за усердие награждают бархатной фиолетовой скуфьей.

Отец Василий, любивший читать различную литературу, не мог не привлечь к этому богоугодному делу свою паству: с помощью харьковского общества грамотности он устраивает при церковноприходской школе народную библиотеку. Книги выдает сам, единолично, без помощников, интересуется впечатлениями о прочитанном. В преддверии Великого поста 1896 года – 26 февраля по благословению царствующего Дома Романовых настоятель храма Архангела Михаила села Райгородок, иерей Василий Феоктистович Спесивцев награждается серебряной на Александровской ленте медалью «В память царствования Александра III».

Весь 1897 год церковная община, руководимая священником, продолжает благоустройство церковно-приходской школы. К этому времени она уже представляет отдельно стоящее каменное здание из четырех комнат, крытое железом. Две комнаты предназначены для семьи дьякона – учителя Иоанна Павлова, а две комнаты для занятий. За усердные труды по обустройству церковно-приходской школы и созданию библиотеки в 1898 году о. Василию объявлена благодарность епархиального училищного совета. В этом же году, Василий Феоктистович Спесивцев, определением консистории назначен цензором проповедей и помощником Благочинного второго изюмского округа протоиерея Петра Юшкова. Выполнение этих послушаний значительно расширяет территорию для археологических исследований. В течение 1899 года священник Василий совершает объезд храмов, вверенных ему для цензурного надзора. Опытный взор батюшки-археолога не оставляет без внимания все доступные ему древности края.

В 1900 году у отца Василия и Елены Александровны Спесивцевых рождается еще двое детей – сын Николай и дочь Анна. В связи с боевыми действиями, проводимыми Российской империей на Дальнем Востоке и участием в них военнообязанных из Райгородка, возникает необходимость создания церковно-приходского попечительства для оказания помощи солдатам, возвращающимся с полей сражений.

С весны до осени 1901 года батюшка совместно со всемирно известным археологом Городцовым В.А. предпринимают археологическую экспедицию по Среднему Подонцовью. В 1902 году о. Василий принимает активное участие в подготовке XII археологического съезда в городе Харькове. 28 октября 1903 года В.Ф. Спесивцев, делает совместный с В.А. Городцовым доклад о работах по археологии, проводимых во Втором Изюмском благочинническом округе [5]. Фактически это была первая постановка вопроса о т.н. “случайных находках” – особой категории археологического инвентаря. Все предметы коллекции, собранной за много лет постоянных разведок, передаются в собственность Музею изящных искусств и древностей Харьковского университета.

1 января 1905 года перестало биться сердце этого выдающегося духовного деятеля, отца семерых детей и талантливого археолога, шедшего в ногу со временем. Его жизнь явила собой пример совместимости религиозной мысли и научного познания. Археологические памятники, открытые отцом Василием Спесивцевым, стали предметом исследований целой плеяды археологов. В какой-то степени священник В.Ф. Спесивцев был предшественником двух французских аббатов-антропологов начала XX в. – Анри Брейля и Пьера Тейяр де Шардена, чьи исследования в области первобытной археологии и культуры отличались глубоким философским осмыслением. Видимо, на рубеже XIX – XX вв. произошло окончательное уравнивание двух систем мировосприятия – религиозной и научной, которые по разному воспринимают фундаментальный критерий истины. Эта общая тенденция развития культуры передовых европейских обществ того времени воплотилась во взглядах людей с пограничным мироощущением, но всегда – с кристально чистой и развитой системой понятий.

Погребен отец Василий Феокистович Спесивцев был в алтарной части храма, им же построенного. Впоследствии, в конце 30-х гг. XX в. протоиереем Анатолием Поповым прах его был перенесен на сельское райгородское кладбище, где он ныне и поживает. Рядом с ним, впоследствии, была похоронена его жена, скончавшаяся в конце 30-х - начале 40-х гг. и его одна из дочерей, умершая в 1920 г.

Имя Василия Феоктистовича Спесивцева (Отца Василия) по прежнему высоко чтимо за его весьма весомый вклад в развитие археологической науки, хотя со времени его многогранной плодотворной деятельности прошло уже более чем 100 лет.

Литература

1. **Ведомость** о церкви Архангельско-Михайловской селения Райгородка Изюмского уезда за 1894 год. - Харьковский государственный областной архив, ф.40, опись 110, д.139.
2. **Косиков В.А.** История исследования археологических памятников Донбасса. - Донецк, 2001.
3. **Косиков В.А., Косикова Е.В.** Священнослужитель краевед Василий Феоктистович Спесивцев (1861-1905) // ДАС, вып 7. - Донецк, 1997. С.5-13.
4. **Спесивцев В.Ф.** Случайные археологические находки // Сб. Харьковского историко-филологического общества. - Харьков, 1894. Т.6.
5. **Федоровский И.А.** Древности окрестностей с. Райгородка Изюмского уезда // Тр. Харьковского Предварительного Комитета по устройству XII Археологического съезда. Приложения к протоколу шестого заседания. - Харьков, 1902. Т.2.
6. **Цвейбель Д.С.** Рассказы о каменном веке // Неизвестное об известном. - Донецк, 1978.

Гуно-сарматское поселение Святогорск – X в среднем течении Северского Донца

Поселение Святогорск-X находится на восточной - северо-восточной оконечности одноименного города в 50-ти м на юго-восток от ул. Леваневского, в 300 м на ВСВ от детского оздоровительного лагеря «Авиатор», на расстоянии 200-250 м от р. Северский Донец. Памятник расположен на невысокой задернованной террасе, которая тянется вдоль поймы реки. Терраса покрыта сосновым лесом, посаженным в послевоенные годы. Ширина памятника приблизительно 100-200 м., длина вдоль поймы не менее 500 м. К западу от поселения расположено небольшое озеро. Памятник на момент исследования был частично разрушен противопожарными рвами, поздними ямами, грунтовой дорогой. В геоморфологическом плане, данный участок левого берега Северского Донца является пограничной зоной между широкой поймой со множественными дюнными всхолмлениями и краем боровой террасы. Настоящее поселения приурочено к одной из одной из площадок в пределах края боровой террасы. Такую закономерность размещения поселений в долине Северского Донца отметил еще Н.В. Сибилев [2].

В ходе раскопок вскрыт участок площадью 300 м кв. в пределах лесного массива. Стратиграфия участка следующая:

- дерн – ;
- гумусированная супесь – ;
- материковый песок - .

Участок частично распаивался.

Культурный слой приурочен к дерну и гумусированной супеси.

В пределах раскопа встречена прямоугольная в плане западина – котлован небольшого полуземляночного жилища. Заполнение - до глубины 30 см. Верхняя часть заполнения была уничтожена пахотой. Глубже оно было однородным, серым и по-сравнению с материковым песком более твердым и сухим. Возле стенки котлована зафиксированы остатки обугленного столбика диаметром 10-12 см. Он сохранился на высоту 6 см. Остатки еще одного столбика были обнаружены в северо-восточном углу жилища - это было скопление углей диаметром 3,5 см. и высотой 5 см. Низ столбика находился на поверхности материкового песка. Третий столбик был рядом с юго-западной стенкой, он имел толщину приблизительно 3см. На этом участке котлована была прослежена, что по дну шла более темная, нежели заполнение прослойка толщиной 2-3 см. В ней и находились остатки столбика.

Фрагменты четвертого столбика были найдены близ северной стенки. Как и предыдущий он был обуглен, остатки его лежали по линии запад-восток, имели длину 8 и толщину 3,5 см. Рядом с северной стенкой на дне котлована находилось кострище диаметром ≈ 25 см. толщиной до 9 см. Слой кострища имел небольшие угли и фрагменты керамики. Находки в заполнении котлована располагались на разных уровнях, в том числе и на дне, но там найдены в основном небольшие и невыразительные керамические фрагменты. В центре котлована находился крупный выразительный фрагмент верхней части сосуда.

Самой интересной находкой из котлована была биметаллическая фибула. Она находилась в северном углу жилой западины на глубине 0.27 м., существенно выше дна котлована. Вероятно, перемещение фибулы вверх из придонного участка котлована произошло в результате постгенетической деформации, связанной с деятельностью землеройных животных, хотя для раннего средневековья эти процессы досконально еще не изучены. Фибула изготовлена из двух кусков круглой в сечении бронзовой проволоки. Более толстый кусок (диаметр около 3.5 мм) использовался для изготовления спинки. Она изогнута, имеет один загнутый раскованный конец. На ножке спинки с расширением у конца заметен гравированный орнамент в виде нешироких зигзагообразных полос. Полосы образованы рядом поперечных насечек. Приемник фибулы состоит из двух частей. Первая имеет вид расплющенной продольно согнутой пластинки; ее продолжением служит проволока, которая накручена на корпус фибулы. Игла сделана из проволоки диаметром 2.5 мм. В месте прикрепления к корпусу она свернута в пружину с четырьмя оборотами. Посредником между пружиной и корпусом служит тонкий железный стержень. Фибула, по типологии А.К. Амброза [1, с. 52-54], относится к серии III (двучленные лучковые с расширенной ножкой). В степном Причерноморье, как считал этот исследователь, они датируются II – III вв. н.э.

Керамический комплекс памятника представлен кухонными горшками (основная масса) и столовой посудой – подлощенными мисками. К сожалению, сосуды представлены фрагментарно, археологически целых форм практически нет, за исключением миски (рис. 1, 10). Несмотря на небольшое количество фрагментов, прослеживается определенная картина - керамика делится на типы, среди которых хорошо представлены округлобокие, тюльпановидные и биконические сосуды.

Округлобокие сосуды с отогнутым наружу венчиком, на двух сосудах (рис. 5, 8) явно видно, что перегиб находился в верхней трети части горшка.

Эти сосуды можно разделить на две группы:

1) горшки с высокой отогнутой выразительной шейкой (рис. 1, 5, 9) и отогнутым венчиком;

2) горшки со слегка отогнутым наружу коротким венчиком (рис. 1, 6, 8);

Второй тип представлен т.н. тюпановидными сосудами (рис. 1, 1-4) с открытой горловиной и плавно переходящими к узкому дну стенками. Диаметр венчика такой же или чуть меньше максимального диаметра, который, как правило, приходится на середину высоты сосуда.

Третий тип – биконические сосуды (рис. 1, 7) с прямыми стенками в верхней части профиля и с выделенным, резко отогнутым наружу венчиком.

Фрагменты сосудов в большей степени светло-бурого, на изломе черного цвета. Стенки относительно толстые (0.7 – 1.0 см в придонной части – до 1.5 см). В керамическом тесте присутствуют шамот и песок. Единичные фрагменты имеют более гладкую поверхность. Орнамент практически отсутствует, лишь в одном случае имеют место вдавления по срезу венчика (рис. 1, 2).

Столовая посуда представлена фрагментами округлобоких мисок, которые имеют загнутый вовнутрь край и средний по ширине днища. Поверхность хорошо заглажена, местами подлощена. Обжиг неравномерный, поэтому цвет поверхности пятнистый (с серыми, черными и бурыми пятнами).

В слое обнаружен один фрагмент глиняного диска со слабо выраженной закраиной.

К керамическим изделиям относится также биконическое пряслице (рис. 2, 3).

Скорее всего, раскоп затронул небольшое, судя по маломощному слою, поселение оседлого населения южной границы лесостепи, которое бытовало на рубеже позднего античного – раннесредневекового времени, по классической схеме деления истории. Этот период совпал со значительными этническими коллизиями, которые, в значительной степени, повлияли на формирование современной этнополитической карты Европы.

С археологической точки зрения, представленные материалы находят широкий круг аналогий в кругу т.н. гунно-сарматских комплексов Евразии, которые в данном секторе Европы встречаются в постзарубинецких, киевских, ранних колочинских и раннепеньковских древностях. Однако, в комплексе эти вещи пока не вписываются не в одну определенную схему, если считать материалы гомогенными.

Литература

1. **Амброз А.К.** Фибулы юга европейской части СССР. II до н.э. – IV в. н.э. // 1966. САИ, Д1-30.
2. **Сибилев Н.В.** Древности Изюмщины, вып. I. - Изюм, 1926-а. 10 с., 40 табл.

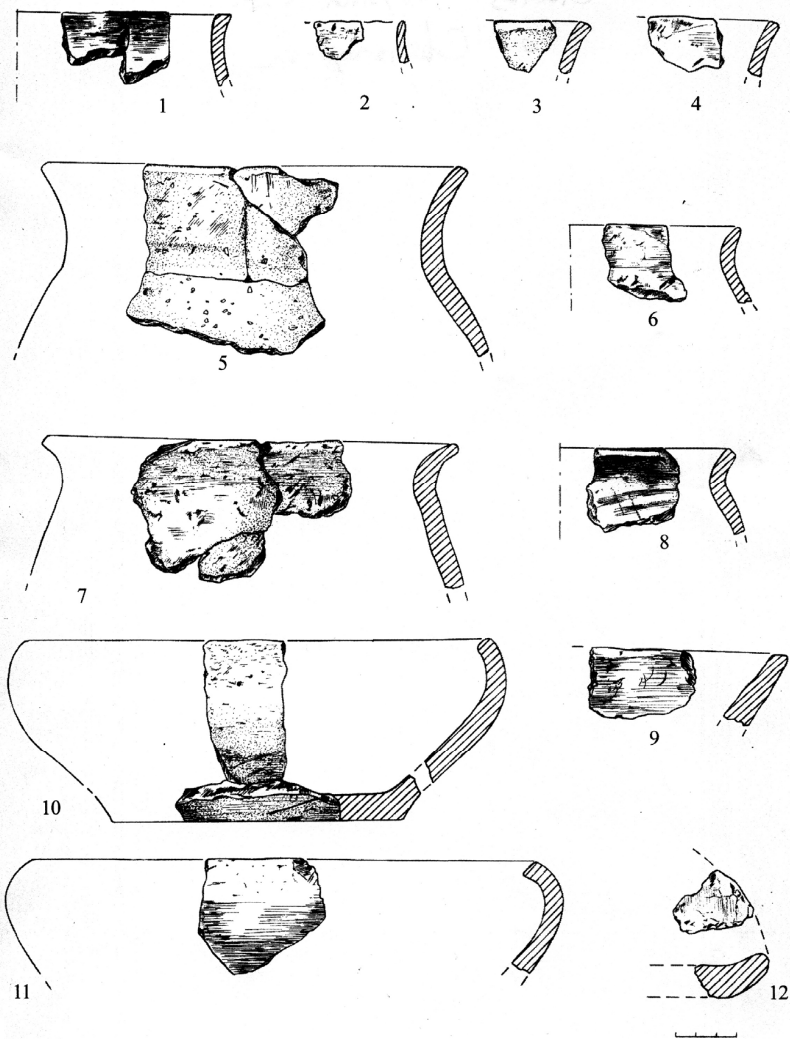
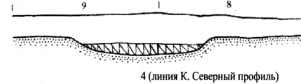
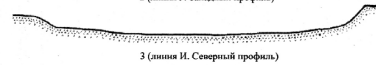
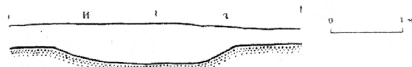
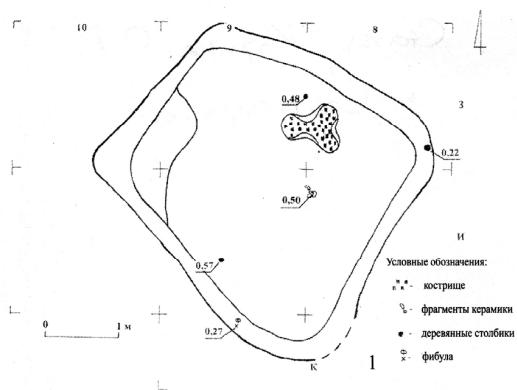

Рис. 1 Славяногорск-Х.

1-9 - фрагменты лепных горшков; 10-11 - фрагменты подлощенных мисок; 12 - фрагмент керамического диска.

Условные обозначения:
 - кострище
 - черный слой

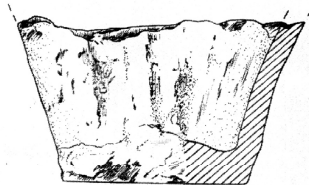
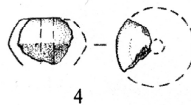
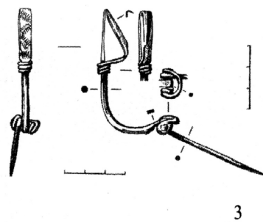

Рис. 2. Славяногорск - X.
 1 - план постройки;
 2 - разрезы постройки;
 3 - фибулы;
 4 - глиняное пряслице;
 5 - придонная часть сосуда.

**II. Історичні та пам'яткоохоронні
дослідження.
Музеєзнавство.**

**Маяцкая крепость – первый укрепленный
погранично-сторожевой пункт XVII века
на правобережье Северского Донца
(фортификация и планировка)**

Письменные источники XVI-XVII вв. сообщают о вынужденных мерах Московского правительства по укреплению южной границы Российского государства от частых набегов кочевых орд на приграничные территории.

На левобережье Северского Донца устраивается сторожевая служба, в обязанности которой входит наблюдение за намерениями кочевавших в донецких степях татар и своевременное предупреждение об их появлении воевод ближайших городов и центра.

В первой половине XVI века как один из первых опорных пунктов на правой стороне Северского Донца неоднократно упоминаются Святые Горы. Впервые о них упоминает С. Герберштейн в 1526 году [2, с. 106]. А Патриаршая летопись под 1555 годом свидетельствует: «И как воеводы пришли верх Мжи и Коломака, и прибежал к ним сторож из Святых Гор...», который сообщил, что татары перешли Донец и идут на Рязанскую и Тульскую земли [13, с. 256].

В 70-х годах XVI в. после татарского набега на Москву царское правительство создает стройную систему пограничной службы. Так, согласно росписи сторож 1571 года вдоль южной границы Русского государства было установлено 73 сторожи, среди которых упоминаются «5-я сторожа Святогорская» [Рис.1,1], и «6-я Бахмутовская», располагавшиеся на левой стороне Донца. Сторожи представляли собой наблюдательные пункты, состоявшие из 6 человек, которым вменялся контроль за территорией от устья р. Оскол и до р. Айдар [4, с.18].

С целью перекрытия Изюмской сакмы (дороги), чаще всего использовавшейся татарами для вторжения в пределы Русского государства, по указу царя Бориса Годунова в 1599 году в устье р. Оскол, на правом берегу был основан погранично-сторожевой городок Царьборисов с воинским гарнизоном [1, с.124-125], (Рис.1.2). Однако, в начале XVII века город был разрушен крымскою ордою и только с 1654 года, в связи с приходом переселенцев из Украины, на Царьборисовском городище возобновляется жизнь [12, с.9]. Его графическое изображение, а также крепостей Маяки и Гор сделал В.Струков в 1666 году приморжеvani земель Святогорскому монастырю. Этот рисунок сохранился в архивных материалах 1679 г. Белгородского

стола Разрукого приказа и неоднократно публиковался. [5, форзац, (рис.2)].

В конце XVI в.- первой пол. XVII в. наблюдается интенсивное передвижение части населения из центральных районов государства на юг, в том числе и на Среднее Подонцовье, особенно в междуречье Донца и Тора. Их привлекали здесь соляные озера, из рапы которых вываривалась соль. Однако, постоянная угроза набегов крымских и ногайских орд препятствовала прочному закреплению переселенцев в этом месте. Поэтому, уже в 1625 году валуйчанин Поминко Котельников обращался к царю с предложением построить около торских озер острог и завести казенное солеварение. Однако, попытки построить казенные варницы в 40-х годах не увенчались успехом.

К середине XVII века в целях защиты соляных промыслов на Торе, предпринимаются попытки по возведению острожных укреплений на правом берегу Северского Донца. Так, по распоряжению правительства в 1645 году у Торской переправы был построен небольшой деревянный острожек, в котором с наступления весны и до первого снега обязаны были нести попеременную службу по 20 чугуевских казаков. Однако, к осени 1646 года казаки преждевременно оставили его. По всей видимости, татарам вскоре удалось разрушить этот сторожевой укрепленный пункт.[12, с.11].

В результате изучения краеведческой литературы и проведенных местных изысканий было выяснено, что у старожилов г. Славянска место Торской переправы всегда ассоциировалось с бродом через р. Казенный Торец, находившимся в 300 м ниже по течению от современного моста через старое русло этой реки в г. Славянске. В этом месте начинается возвышение левого коренного берега до 4-5 м, хотя на этом участке реки берега довольно пологие. Здесь встречаются фрагменты позднесредневековой керамики. У этой прибрежной части реки начинается улица Коммунаров (бывшая Кузнечная – прим. авторов) города Славянска. Кузнечная улица упиралась в издревле существующий «Торский перелаз» - брод через р. Торец(до 1890 г. единственная переправа)[15,с.26]. Возможно на этом месте и находился в 1645 году небольшой острожек у Торской переправы [Рис.1,3]. К сожалению, этот участок местности в настоящее время застроен зданиями молокозавода, что не дает возможности проведения археологических исследований. Описываемое место по всем требованиям устройства фортификационных пунктов как нельзя лучше подходит для этих целей. К тому же улица Коммунаров, у которой находится выступ возвышения берега, по прямой на расстоянии 1400 м выходит к месту у соляных озер и речке Колонтаевке, где позже была сооружена Торская крепость. Отрезок древнего чумацкого шляха от р.

Колотаевки до р. Торец и дал начало первой улице города – Кузнечной[15, с.26]. Наши наблюдения находят свое подтверждение на плане г.Славянска конца XVIII века[12, с.27]. Современное расположение улиц в этой части города осталось таким же.

С 2005 года на месте бывшей Торской крепости Славянским краеведческим музеем совместно с отделом охраны памятников археологии Донецкого областного краеведческого музея ведутся археологические раскопки. Предметы, обнаруженные экспедицией хранятся в Славянском краеведческом музее[8].

Первым из укрепленных погранично-сторожевых пунктов, построенных на правой стороне Северского Донца для защиты торских соляных промыслов, был Маяцкий городок. Из письменных источников следует, что обследование местности под строительство острога было поручено белгородскому боярскому сыну Я. Филимонову и летом 1663 года Маяцкий городок им был заложен. Поскольку в том же году строительство городка не было окончено, то в начале 1665 года из Белгорода туда направили С.Титова с поручением достроить городок и устроить дворами «сведенцов» из Валуек, Чугуева, Салтова и Харькова.[12,с.16]. После завершения строительных работ С.Титов составил описание Маяцкого городка, в котором отмечалось, что город Мояк построен по указанию царя вблизи от Торских озер на Маяцком городище, по берегу Донца в 1663 году. Далее сообщается, что «острог ставлен дубовым лесом мерою около всего острогу 185 сажен (399,6 м-авт.)[5, с.86], в стенах две башни с проезжими вороты, 4 башни глухих. По городской стене построены обламы и каты. Около острога ров в глубину полторы сажени (3,24 м –авт.), тоже - в ширину. На ряду – две пищали в стенках и на колесах, к ним 245 ядер. В государевой казне, в зельном погребе зарядочного пороху бочка, свинцу – две свиньи, 92 мушкета с жаграми» [12, с.16] Из числа переселенцев меняясь по суткам несли службу у проезжих ворот по 12 человек, а на глухих башнях по 5 человек. В 1666 году в городе из государственной казны была построена соборная церковь во имя живоначальной Троицы. Далее следует описание построек внутри острога и некоторых крепостных фортификационных сооружений: «в городе построен казенный погреб с выходом трех сажней в дубовом лесу да съезжая изба в сосновом лесу. Да в городской стене от Салтовской слободы построена 4-угольная проезжая башня. В той башне 4 моста, караульный чердак, крытый тесом, да по городу построены обламы, меж 4-х башен, в дубовом лесу, и бойницы и кровати, а на кроватях колья и камня и на обламах поставлены дубоскаты. Да в городе ж построены 4 избы в сосновом лесу для зимового стоянья ратных людей. Да в городе ж, на государевом дворе, где воеводы живут, построены 3 горницы в сосновом лесу, да ледник построен(на том леднику- анбар, крыт лубьем), да сарай

построен, крыт лубьем. Около слобод крепости построены...»[11, с.115].

Описание Маяцкого городка на 1668 год дает нам следующую картину: «город ставлен острогом в дубовом лесу. По острогу обламы и каты. По мере около города городовые стены 205 сажень (540 м – авт.). По городу 2 башни проезжие, 4 башни- глухих»[11, с.115].

Во время восстания И. Брюховецкого в 1668 году часть населения покинула Маяцкий городок. Через 2 года, Маяцкий городок был разрушен правительственными войсками как населенный пункт, выступивший на стороне восставших во главе со С. Разиным. Очевидно, в период 1668-1672 гг. его фортификационная система не ремонтировалась и пришла в упадок. Правительство принимает меры по обновлению городка, куда направляются «служилые люди». Острожные укрепления обновляются, частично реконструируются и достраиваются.

Опись на 1678 год указывает, что Маяцкий городок имел стены сооруженные из дубового дерева с обламами и катами. В стенах находились уже 7 башен, две из которых были проезжими. Город окружал ров глубиной 3 сажени(6,48 м – авт.) и столько же шириной. Из города к Северскому Донцу вел потайной выход. Для обеспечения жителей водой во время осады был выкопан колодец. Из вооружения находилось: две пищали с ядрами к ним, 52 мушкета, а также порох, свинец и т.д. На стенах острога находились запасы камня и бревен. Жители несли дежурство возле проездных ворот по 10 человек, а украинские казаки – на ближних и дальних разъездах по 10 человек меняясь через сутки. Эти мероприятия позволили осенью 1679 года жителям городка выдержать 2-недельную осаду крымской орды[11, с.27]. Между казацкими сторожевыми отрядами и отрядами татар на разъездах, очевидно, периодически также происходили военные стычки, о чем свидетельствуют и находки предметов вооружения у так называемой новой Посольской дороги, проходившей по территории, прилегающей к Маяцкому городку[3, рис. 4],(Рис. 1,фото 1).

Из письменных источников следует, что во 2-й пол. XVII в. Маяцкий городок выполнял функции военно-оборонительного и военно-административного центра. На него возлагались обязанности не только по защите солеварен на Торе, Изюмского и Цареборисовского бродов на р. Северский Донец от нападений крымских татар, но и содействие заселению края населением из северных регионов Слобожанщины.

Продолжая мероприятия направленные на укрепление южных рубежей Российского государства, правительство принимает меры по строительству новых укрепленных городков. Так, в 1676 г. у Торских соляных озер возводится укрепленный Соляной городок (Торская крепость)(Рис.1.5). В 1684 г. по распоряжению царя в устье Тора

возводится еще один укрепленный городок(крепость), известный в литературе как Казачья Пристань, а с начала ХУШ в. – Рай городок. Исследование данного памятника проводилось археологической экспедицией под руководством Э.Е.Кравченко [6, с.21-24; Рис.1,6].

Однако, письменные источники также свидетельствуют, что все принимаемые меры не смогли надежно защитить Торские соляные промыслы и прилегающую к ним территорию с укрепленными пунктами от нападений крымских татар. Местное население частично истреблялось, частично угонялось в плен, что побуждало местных жителей обращаться к властям за помощью. Так, в начале 1690 года «маячане» жаловались царям Ивану Алексеевичу и Петру Алексеевичу, что «татарове под Маяцкий приходят большими и малыми партиями беспристанно и многих наших братьев и жен и детей рубят и в полон емлют. И острог и башни ветхи, погнили и обвалились. В осадное время сидеть нам, холопом вашим, не вчем, потому, что город ветх и тайник обвалился, воды в нем нет, а около города и посаду валу и крепости никакой нет... Велите о строении города и крепостей своих великих государей указ учинить...» [20, с.31].

В 1694 году командированным на Изюмскую укрепленную линию войскам под командованием думного дворянина В. Ведеровского было поручено не только охранять, но и обновить разрушенные деревянные и земляные сооружения Маяцкого и Соляного городков.

Отчет В.Ведеровского дает достаточно четкое представление о Маяцком городке того времени: «Городок Маяцкий построен 1663 г. подле Северского Донца, на Крымской стороне. Острог ставлен дубовым лесом... По городской стене помещены кровати, а сверху острогу обламы и каты наkochены. Городовые стены, кровати и каты худы, во многих местах обвалились. По городу семь башен четвероугольных. Проезжая башня Троицкая мерою стены по две сажени с аршином (5 м – авт.). В ней с поземным три моста. Возле той башни вестовой колокол весом в 8 пудов 14 гривенок, и тот колокол разбит... От той проезжей Троицкой башни по мере городской стены вниз к Северскому Донцу до наугольной глухой башни 18 сажен без четверти (ок.38 м – авт.). Башня наугольная мерою стены по две сажени (4,3 м – авт.). В ней один мост. От той наугольной башни по мере городской стены до другой глухой наугольной башни 30 сажен (64,8 м – авт.). Башня та наугольная мерою стены по две сажни (4,3 м – авт.). В ней один мост. От той наугольной башни по мере городской стены до средней глухой башни 18 сажен (38,8 м – авт.). Башня та средняя мерою стены по две сажени с аршином (5 м – авт.). В ней два моста. От той средней глухой башни до наугольной глухой башни 17 сажен (36,7 м –

авт.). Башня та наугольная мерою стены по две сажени (4,3 м – авт.). В ней один мост. От той наугольной глухой башни по мере городской стены до проезжей средней башни 20 сажени с аршином (43,9 м – авт.). Башня та средняя проезжая мерою стены по 2,5 сажени (5,4 м – авт.). В ней с поземным три моста. От той проезжей средней башни до наугольной глухой башни по мере городской стены 20 сажней (43,2 м – авт.). Башня наугольная мерою стены по два сажни (4,3 м – авт.). В ней один мост. От той наугольной глухой башни по мере городской стены до Троицкой проезжей башни 22 сажени (47,5 м – авт.). И те выше описанные семь башен без верхов и некоторые те и городовые стены, и обламы и каты, и кровати во многих местах обгнили и обвалились... Около городу с трех сторон выкопан ров глубиной в 2,5 сажни (5,5 м – авт.), в поперек – 3 сажни (6,5 м – авт.). И тот ров осыпался вновь... С четвертой стороны городу не копан потому, что городовые стены стоят от реки Донца над горою... По городу наряды: медные три пищали, весом более 10 пудов, одна – железная, весом 32 пуда, затинная пищаль в ложах, 30 мушкетных стволов да 20 старых мушкетов... Изнутри города учинен тайник. В тайнике колодезь. Воды в нем нет... Служилых воинских людей – 91 человек» [11, с.32-33].

В конце XVII- начале XVIII вв. в связи с постройкой новых укрепленных оборонительных пунктов – Торской, Райгородской и Бахмутской крепостей, Маяцкая крепость постепенно теряет свое стратегическое значение как погранично-сторожевой пункт и в первой половине XVIII в. необходимость в ее защитной функции, очевидно, отпадает. Она превращается в обычный населенный пункт.

В дневнике научной экспедиции И.А.Гильденштедта, которая была осуществлена в 1774 году по Украинской линии, Бахмутской провинции и югу Слободско-Украинской губернии записано, что «вниз по течению Донца в низине, окруженной пологими буграми, раскинулся городок Маяки [14, с.35-36]. Городок был небольшой неправильной постройки, окруженный сухим рвом и частоколом. Возле городка через Донец находится мост длиною до 50 сажений» [11, с.63-64]. Как мы видим, в этом сообщении нет и намека на некогда военный форпост с его стенами, башнями и рвами.

Рассматривая описываемые в письменных источниках этапы существования Маяцкого укрепленного пункта, от его возникновения до утраты ним значения как оборонительного форпоста, встает вопрос о его фактическом облике, планировке, топографии, местонахождении.

Впервые графическое изображение Маяцкой крепости встречается на Межевом плане Святогорского пещерного монастыря XVIII века (Рис.2). Однако, рисунок не дает четкого представления о ее планировке, фортификационных сооружениях, строениях, а также о точном местонахождении на берегу Донца.

Последнее описание Маяцкого городка на 1694 г. дает нам некоторое представление о плане острога, отчасти размерах и длине его фортификационных сооружений. Используя современные меры длины мы приходим к такому выводу, что общая длина стены с Троицкой проездной башней и двумя наугольными глухими башнями со стороны «Салтовской слободы» составляла 99,1 м, а стена с двумя наугольными глухими башнями со стороны Донца имела общую длину 73,4 м, длина стены со средней не проездной башней и двумя наугольными глухими башнями составляла 89,3 м, стена с проездной башней и двумя наугольными глухими башнями была длиной 101,1 м, то есть, общая длина острожных

стен с башнями составляла 362,7 м или 167,5 сажений. К сожалению о высоте башен и стен в описи ничего не сказано, однако, имеется сообщение об их четырехугольной форме и количестве мостов в них. Так, Троицкая проездная башня и еще одна проездная башня имели с наземными по 3 моста, в средней глухой башне было 2 моста. Угловые глухие башни имели по одному мосту. С трех сторон острожная часть крепости была окружена рвом глубиной 5,5 м и шириной 6,5 м, концы которого, по всей видимости, спускались к пойме реки.

Итак, основываясь на сведениях письменных источников, можно сделать вывод, что Маяцкий городок(крепость), судя по его местоположению и форме, отвечал древней русской традиции, связанной с максимальным использованием рельефа местности. Для усиления неприступности крепостей, они размещались, как правило, на высоких холмах. Мы видим, что одна из его городских стен находилась непосредственно над горою со стороны реки. Используя защитные свойства рельефа местности, строители Маяцкого городка подумали и о его дополнительной защите. Так, вокруг крепостных стен с трех сторон был вырыт ров. Об эффективности рвов и валов в системе обороны крепостей свидетельствует тот факт, что они имели распространение вплоть до XVIII века[9, с.27]. В этот период строительство городков осуществлялось строго по «наказам и памятям», в которых самым подробным образом были расписаны все этапы хода строительства, начиная от выбора места, заготовки леса и кончая возведением крепости и построек внутри ее[9, с.72]. К сожалению, от укреплений Маяцкого острога не сохранилось каких-либо вещественных доказательств, и об их конструктивном устройстве можно судить лишь по скудным сведениям, сохранившимся в исторических документах.

Из описей Маяцкого городка следует, что на протяжении более чем 30 лет его фортификационная система периодически претерпевала изменения. Так, например, на 1665 год периметр его острожных стен составлял 185 сажений или 399,6 м. В его стенах было 2 проездные, т.е. мостовые башни с воротами, и 4 башни глухих угловых. Вокруг острога

был вырыт ров в глубину и ширину полторы сажени или 3.24 м. На 1666 год одна проездная башня имела 4 моста и сторожевой чердак. На 1668 год общий периметр острога составлял уже 205 сажений или 540 м, количество башен оставалось прежним. В 1678 году в его стенах находилось уже 7 башен, две из которых были проездными, 4 угловых глухих и одна средняя глухая башня, а ров имел глубину и ширину по 3 сажени или 6,48 м.

Описание Маяцкого городка на 1694 год дает нам более подробную картину длины его фортификационных сооружений. Периметр острожных стен с 7 башнями имел длину 167,5 сажений или 362,7 м, а ров был глубиной 5,5 м и шириной 6,5 м. Чтобы попасть внутрь крепости надо было проехать Троицкую проездную башню с наземным мостом, которая находилась со стороны «Салтовской слободы», по всей видимости, со стороны моста через реку или через вторую проездную башню с наземным мостом, располагавшуюся в противоположной от реки стене. На территории крепости была построена Троицкая соборная церковь. Очевидно, она находилась напротив Троицкой проездной башни в центре городка. Для древнерусских городов традиционным было размещение церквей в середине крепости [9, с.76]. На территории городка также располагался колодец и потайной ход, находились изба для приезжих и четыре деревянные избы для зимовки «ратных людей». За второй проездной башней на территории острога, очевидно, находился небольшой дворик, где были устроены всевозможные кладовые для хранения припасов: (амбар, сарай, подвал для боеприпасов и казенный погреб для продуктов). В городке был так называемый «государев двор» где жили воеводы. На нем были построены три деревянные горницы.

В указанных описях зафиксирована длина острожных стен и отчасти их конструктивные особенности, отмечена четырехугольная форма башен и их ширина. От башни к башне, от прясла к пряслу последняя опись замыкает четырехугольник крепости. Однако, ни в одной из описей не сказано о высоте фортификационных сооружений, кроме количества мостов в башнях. Неизвестно и расположение всех построек внутри самого острога.

К сожалению, почти все чертежи крепостей XVII века уже давно и безвозвратно утрачены, поэтому некоторые представления об их характере мы можем получить графически воссоздав острожные конструкции по письменным сообщениям.

Для графического воссоздания чертежа генплана Маяцкой крепости мы использовали имеющиеся у нас письменные источники. Так, более менее подробное описание Маяцкого городка В. Ведеровским, с учетом указанных им размеров фортификационной системы, дало возможность произвести ее графическую реконструкцию (Рис.3). Что касается

реконструкции его облика, то мы взяли за основу исследования Крадина Н.П., где он отмечает, что для реконструкции утраченных форм крепостных сооружений могут быть использованы элементы и формы с других памятников гражданского и культурного зодчества, идентичные воспроизводимым утратам[9, с.79]. Из описания городка следует, что острожные стены имели вид частокола, т.е. вертикально вкопанных в землю дубовых бревен. Между четырех башен на стенах были сооружены обламы и каты. По стенам были устроены кровати. Мы считаем, что обламы и каты были сооружены на стенах между Троицкой проездной башней и средней глухой башней.

Сохранившиеся письменные источники дают некоторое представление о размерах крепостных стен, которые в ряде крепостей в высоту не превышали 2 сажени или 4-4,5 м. Известны также строительные приемы и облик четырехугольных проездных и глухих башен[9, рис.8,9,88],(Рис.5). Высота глухой наугольной башни не превышала 4-6 м, а высота такой же по форме но проездной башни в три моста составляла ок. 15 м [9, с. 58]. В описях Маяцкого городка нет сведений о высоте башен и острожных стен, поэтому, при воспроизведении и графической реконструкции высоты башен и стен Маяцкой крепости мы использовали описание фортификационных сооружений Соляного городка на 1684 год[11, с.116-117]. Так, из его описи следует, что высота угловых башен с одним мостом не превышала 20 венцов(бревен), т.е. была ок. 4 м. Высота Московской проездной башни этого городка в 2 моста составляла 41 венец до обломов и 4 венца обломов, т.е. имела высоту ок. 9 м, а высота второй проездной башни в 2 моста была 26 венцов, что составляет ок. 6 м. В описи Соляного городка указана и высота острожных стен «по мере тот острог 2 сажени без чети», что составляет ок. 4 м. По всей видимости высота стен и башен Маяцкого острога была такой же. Графическое изображение 1679 г. башен и стен Торского и Маяцкого городков[Рис. 2] как будто указывает на близость их конструктивных особенностей. Эти данные позволили графически воспроизвести архитектурный облик крепостных стен и башен Маяцкого острога[Рис.6]. Реконструкция генплана и воссоздание облика Маяцкой крепости, при всей условности и схематизме изображения, дают представление о типе самого острога, о его планировочной схеме и объемно-пространственной композиции.

Проведенные изыскания на местности показали, что село Маяки Славянского района находится на правом берегу р. Северский Донец и расположено на холмах и в балках. Весь высокий коренной берег реки сложен в основном из меловых отложений. У восточной стороны села расположено высокое плато, где находится известное городище «Царино»[10, с.12-18].

С западной стороны по берегу реки к селу подступают карьеры и отвалы бывшего мелового карьера. В этой части села в реку впадает глубокая древняя балка называемая жителями «Доломанивка». Плато на возвышенности у этой балки застроено жилыми постройками и имеет название «Валок». Село разделено как бы на две части глубокой древней балкой Водяной, которая тянется от леса с юга на север и впадает в р. Северский Донец, образуя отмель. В этой части реки когда-то находился брод, позже мост, а сейчас здесь местный пляж. Южная сторона села возле леса у местного населения называется «Засека». Северо-восточная часть села у реки холмистая и частично застроена. Здесь же по сообщению старожилов села часто имеют место провалы грунта, связанные с подземными ходами. О провалах грунта на некоторых участках села в начале и середине XX века сообщал еще в свое время Славянский краевед-любитель Абрамов А.И., дневники которого хранятся в Славянском краеведческом музее. Последний провал грунта, обнаживший очередную пустоту, произошел в 2004 году. Летом 2006 года авторами статьи было осмотрено место провала и установлено, что жителями улицы воронка засыпается мусором.

С целью привязки реконструкции генплана Маяцкого острога к конкретному участку местности, нами был составлен его топографический план(Рис.4). Маяцкая крепость находилась на плато одной из возвышенностей правого коренного берега р. Северский Донец. Плато этой возвышенности имеет форму неправильного четырехугольника со сторонами различной длины, ориентированными СВ-ЮЗ и ЮВ-СЗ. Северо-восточная часть плато, примыкающая к реке Северский Донец, оканчивается крутым склоном, на котором имеется одноступенчатый эскарпированный участок длиной 73 м с высотой уступа ок. 4 м и шириной террасированной площадки 1,5-2 м. Восточная оконечность эскарпа упирается в сохранившиеся остатки рва(?) имеющего длину 6 м, ширину 5 м и глубину 0,7-1м. Юго-восточная сторона плато указанной возвышенности отделена от следующей возвышенности древней глубокой балкой. Юго-западная сторона плато отделена от напольной ее части асфальтированной дорогой улицы. У северо-западной стороны это плато разделено узкой ложбиной(остаток рва ?), по которой до недавнего времени проходила тропа к реке. У местных жителей этот участок местности называется «Ровок». Территория плато застроена жилыми и хозяйственными постройками четырех домовладений улицы Астраханцев села Маяки. Со слов жителей улицы, в северо-западной части плато когда-то находилась церквушка и поэтому это место называется «Каплычка». Участок местности у юго-восточной части плато жителями называется «Ратуша». Расположение участков местности на плато с такими

названиями, кажется, совпадает с изображением города Маяк на рисунке 1679 г.

Сопоставляя графическую реконструкцию крепости с топографическим планом и результатами осмотра указанной выше территории, мы приходим к выводу, что на этом месте и находилась острожная часть Маяцкого городка. Этот вывод подтверждается и собранным здесь фактическим материалом: фрагментами керамических сосудов и железных котлов, гвоздями, железными рыболовными крючками, иными металлическими предметами. Здесь же попадаются и обломки изразцов нескольких орнаментальных типов, включающих и композиции с S-видными завитками, которые часто встречаются в европейском и украинском изразцовом искусстве XVI-XVII вв. Аналогичные изразцы найдены на Казачьей Пристани и в Святогорском монастыре[7, с.130]. Несмотря на застройку этого участка местности, все же имеется возможность его частичного археологического исследования, которое поможет уточнить и углубить сведения архивных источников.

Археологические исследования данного памятника помогут также конкретизировать размеры и формы отдельных сооружений, выявить конструктивные особенности Маяцкой крепости.

Литература

1. **Багaley Д.И.** Очерки из истории освоения степной окраины Московского государства. - М.,1887
2. **Герберштейн С.** Записки о Московитских делах. СПб., 1908
3. **Давыденко В.В., Хозин С.Р., Пирожак В.В.** Фортификация Теплинского городища на Северском Донце.//Святогірський альманах.- Донецьк,2006.
4. **Дедов В.Н.** Святые Горы: от забвения к возрождению.- К.,1995.
5. **Каменцева Е.И., Устюгов Н.В.** Русская метрология.- М., 1975.
6. **Кравченко Э.Е.** Раскопки поселения «Казачья Пристань» на Северском Донце. Музейні засоби з народознавства.- Донецьк,1998
7. **Кравченко Э.Е., Мирошніченко В.В.** Изразцы XVІІ в. с поселений среднего течения Северского Донца.// Археология и архитектура.Т.1.- Донецьк-Макеевка,2001.
8. **Кравченко Э.Е., Цимиданов В.В., Шамрай А.В., Мирошніченко В.В., Петренко А.Н.** Отчет о работе средневековой археологической экспедиции ДОКМ в 2005 г.- Донецьк,2006.
9. **Крадин Н.П.** Русское деревянное оборонное зодчество.- М.,1988.

11. **Михеев В.К.** Подонье в составе Хазарского каганата.- Харьков,1985
12. **Пірко В.О.** Заселення Донеччини у ХУ1-ХУШ ст.- Донецьк,2003.
13. **Пирко В.А.** Северное Приазовье в ХУ1-ХУШ вв.- К.,1988.
14. Полное собрание русских летописей. Т. 12. М., 1965.
15. Путешествие акад. Гильденштедта по Слободско-Украинской губернии.- Харьков. 1892.
16. **Пушкарев Г.Г.** Славянск. История застройки. Пушино .1998.

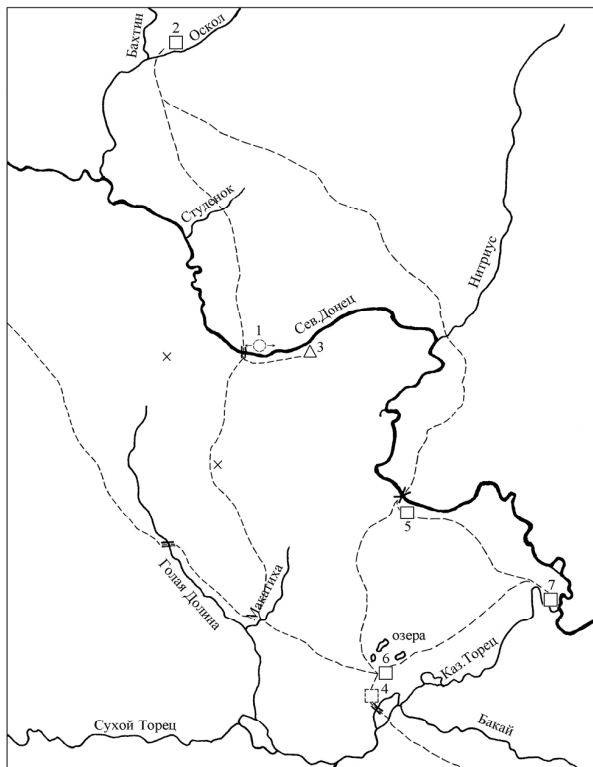

Рис. 1. Карта-схема расположения погранично-сторожевых пунктов в бассейне р. Северский Донец в XVI-XVII вв.: 1 – 5-я Святогорская сторожа; 2 – Царево-Борисов град; 3 – Святогорский монастырь; 4 – острог у Торской переправы; 5 – Маяцкий городок; 6 – Торский городок; 7 – городок в устье Тора (Казачья Пристань).

Условные обозначения:

 – дороги XVII-XIX вв.,

 – переправы, мосты XVII-XIX вв.,

 – места археологических находок.

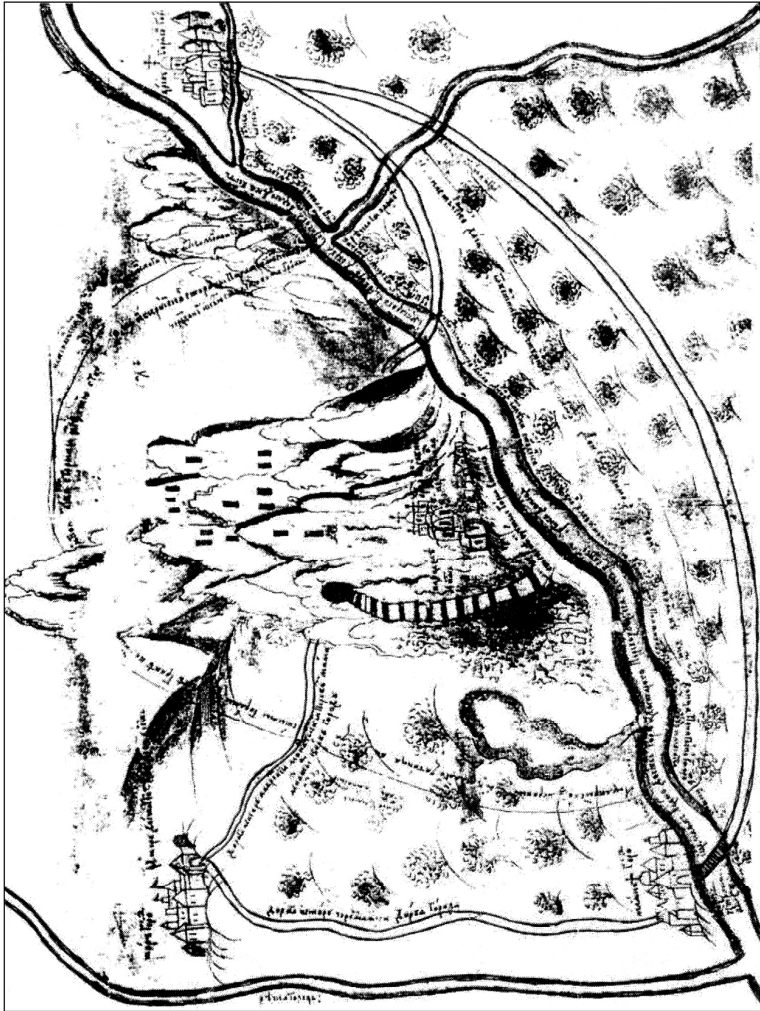
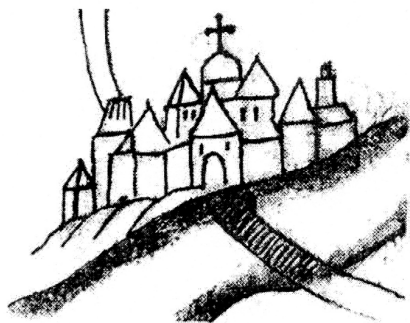

Рис. 2. Изображение Святогорского монастыря с указанием дорог к городам Царьборисов, Тор, Маяки 1679 г.

1. Тор город

2. Маяк город

3. Царево-Борисов город

Рис. 2 А. Графическое изображение городков XVII в. по рисунку В. Струкова 1679 года.

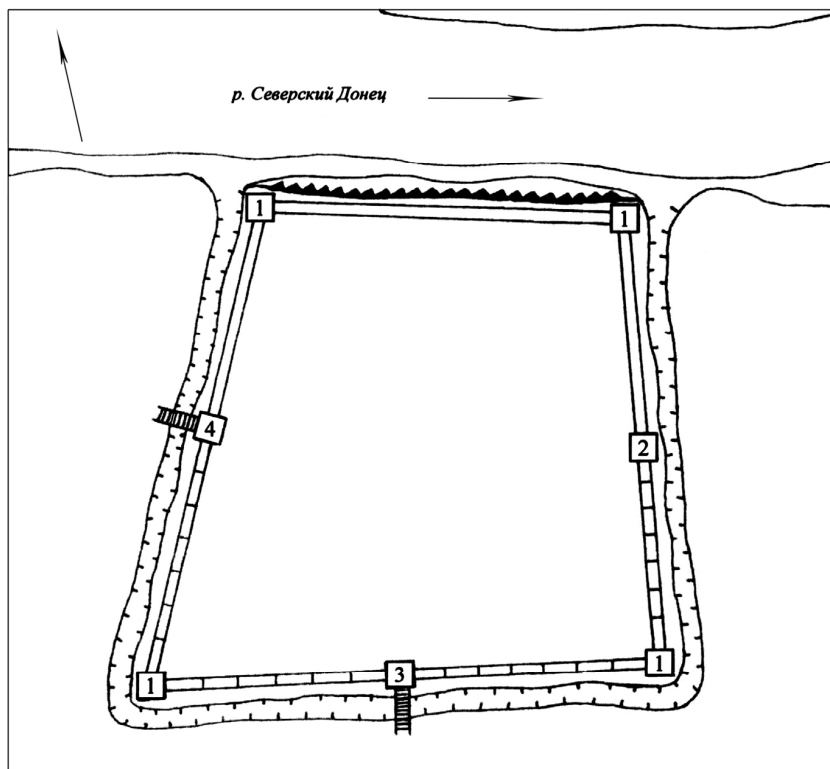

Рис. 3. Реконструкция схемы генплана Маяцкого острога XVII в.

Условные обозначения:

- – глухие башни,
- с > < – проездные башни,
- 3 – башни с количеством мостов,
- ▬▬▬ – стены с обламами и катами,
- — — — — мосты через ров,
- — — — — ров,
- — — — — эскарп.

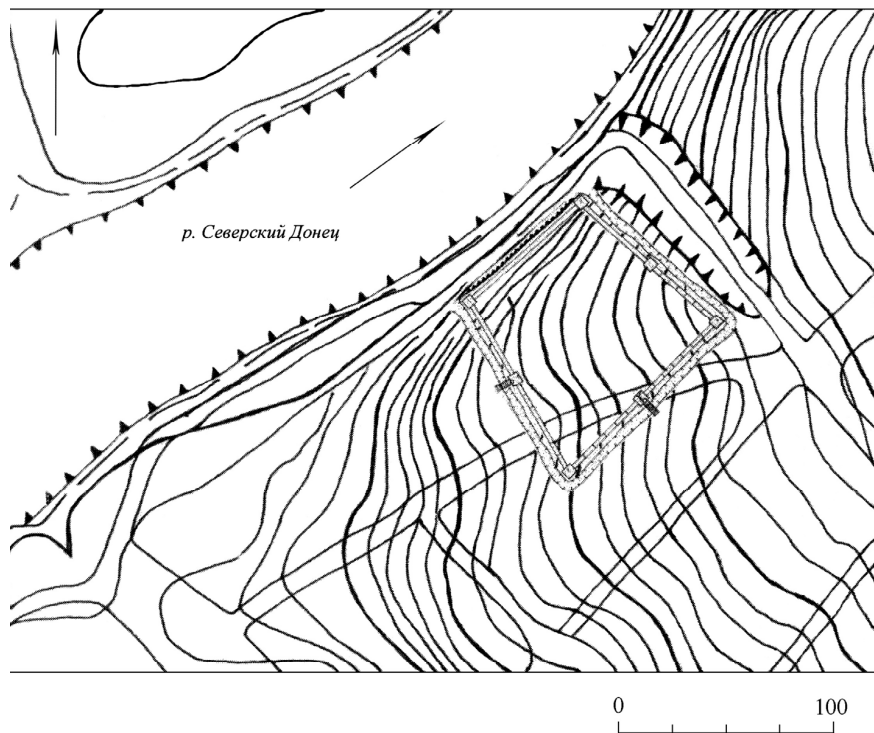

Рис. 4. Топографический план Маяцкого острога. Реконструкция (2006 г.).

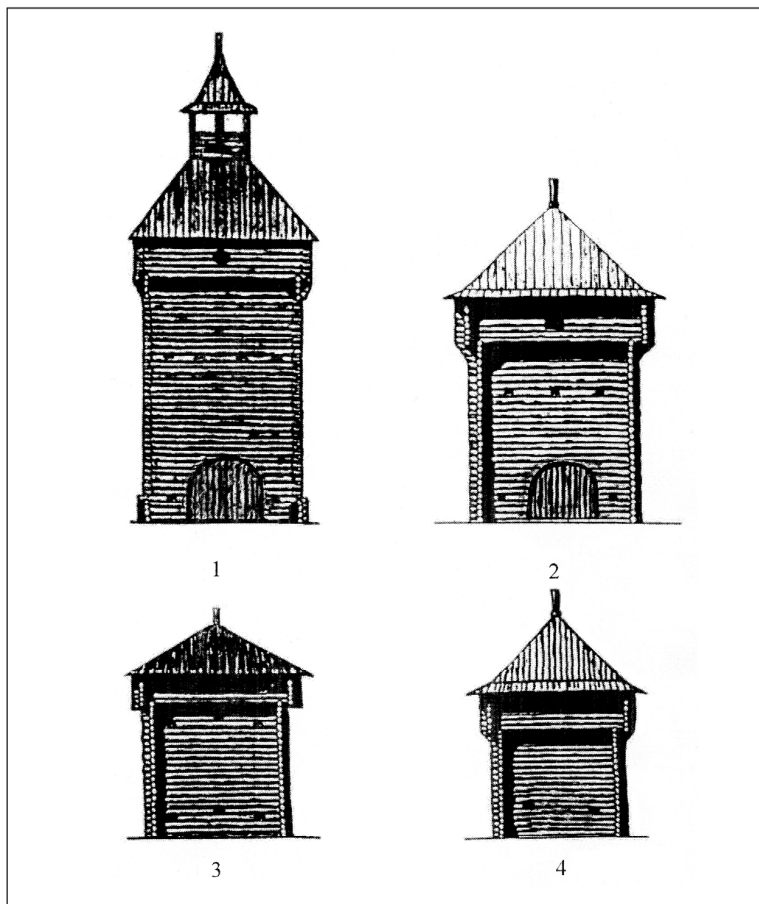

Рис. 5. Основные типы деревянных четырехугольных башен Маяцкого городка (острога) XVII века. Реконструкция (графическое воспроизведение облика башен выполнено по работе Н.П. Крадина. 1988 г. С.18,19,21): 1 – проездная башня в четыре моста (с наземным), караульным чердаком и обломом; 2 – проездная башня в три моста (с наземным) и обломом; 3 – глухая башня в два моста с обломом; 4 – угловая глухая башня с обломом.

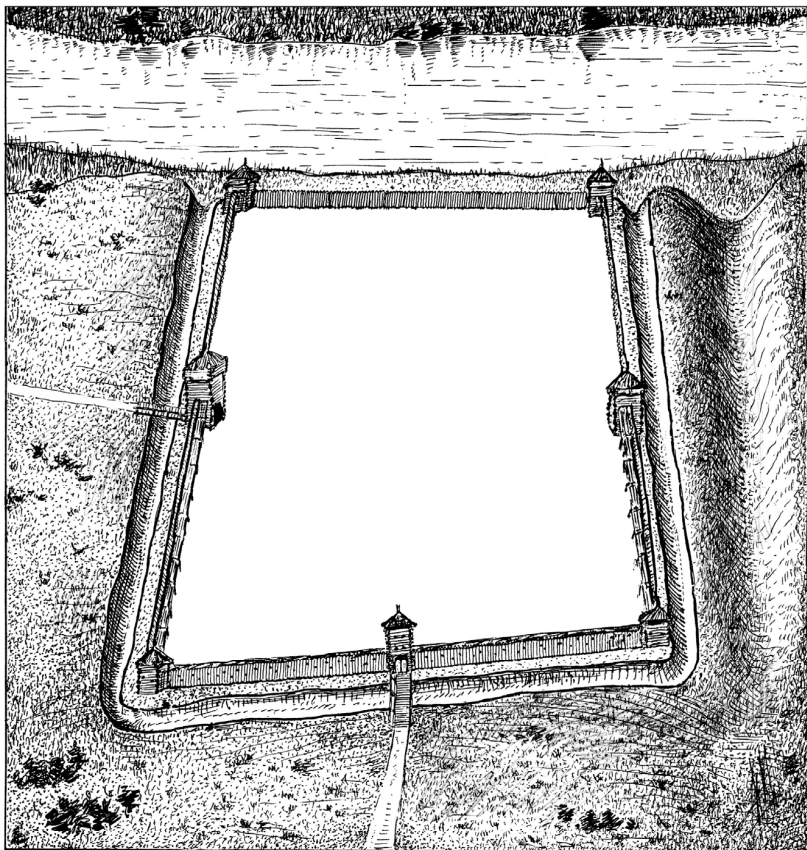

Рис. 6. Графическая реконструкция основных элементов фортификации Маяцкого острога XVII в. (внутреннее пространство острога намеренно оставлено пустым). Авторы В.В.Давыденко и А.Н.Усачук.

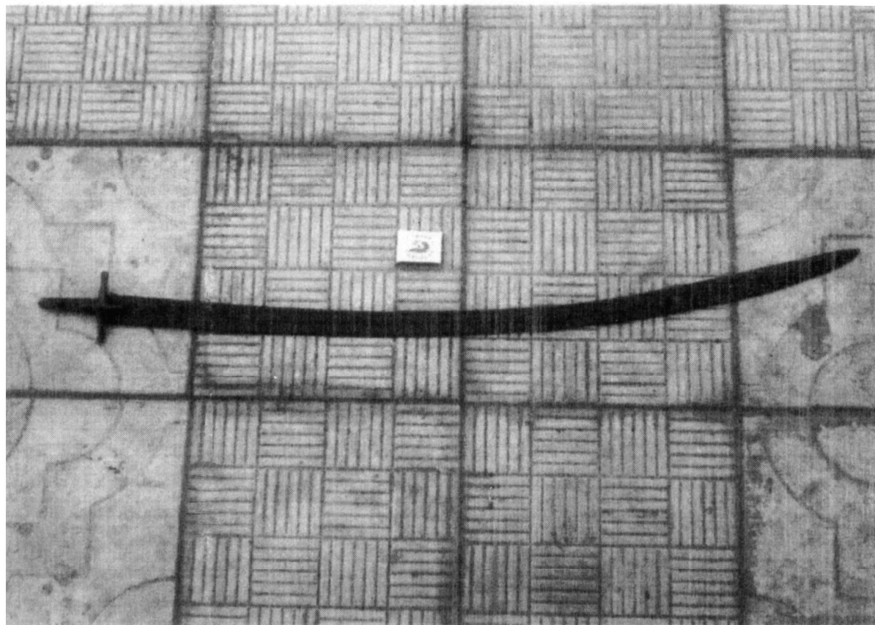

Фото 1. Сабля XVII века. Находка у бывшей Новой Посольской дороги (р-н с.Богородичное, Славянский район).

**Святогорское имение и его владельцы
с к. XVIII до нач. XX в.**

Большинство исследователей, в том числе и автор этой книги, писали о Святогорске как об уникальном памятнике истории и культуры, духовном центре Донбасса. О владельцах Святогорского дворянского имения, которое с конца XVIII в. занимало площадь в 30 тыс. гектар и включало в себя 8 населенных пунктов, практически ничего не было известно. Эпизодами в исторических работах XIX-XX вв. проходили князь Г.А. Потемкин-Таврический, княгиня Т.В. Юсупова, супруги А.М. и Т.Б. Потемкины. О них упоминалось в контексте истории самой обители, в связи с ее закрытием в 1787 г., или возобновлением монастыря в 1844 году.

Однако, после проведения комплекса научно-исследовательских работ по усадьбе Потемкиных в Святых Горах, и особенно после открытия в мае 2007 года экспозиции, посвященной этой теме в музее Государственного историко-архитектурного заповедника, интерес к владельцам Святых Гор, их биографиям, образу жизни и быту значительно возрос.

Целью настоящей работы является введение в научный оборот исторических сведений об обстоятельствах возникновения дворянского имения в Святых Горах, хронологии его наследования представителями известных княжеских и графских родов Потемкиных, Энгельгардтов, Рибопьеров. Существенным дополнением к ранее вышедшим публикациям о хозяйственной деятельности Святогорского Успенского монастыря в XVII-XVIII вв. будут сведения об экономической основе имения, составе земельных угодий, методах хозяйствования, вплоть до 1917 г.

И. Светлейший князь Григорий Александрович Потемкин-Таврически¹
(1739-1791) [Ил. 1].

¹ Сын отставного полковника Александра Васильевича Потемкина и его второй жены Дарьи Васильевны Скуратовой (рожд. Кондыревой) происходил из рода Тарасия Потемкина, выехавшего на службу к великому князю Московскому Василию Ивановичу. В графское достоинство Григорий Потемкин возведен в 1775 году, а титул князя получил от Императора Иосифа II в 1776 г. В 1787 г. в память о присоединении и обустройстве Таврической области, Указом Екатерины II получил именование «Таврический».

Как известно из многочисленных исторических источников Святогорский Успенский монастырь был упразднен согласно Манифесту Екатерины II о секуляризации церковного и монастырского имущества с передачей его земельных владений и подданных крестьян в 1787 г. в казну, а в конце 1790 г. во владение светлейшего князя Григория Потемкина-Таврического. [15]. Последний, по свидетельству современников, самолично приложил руку к ликвидации монастыря и имел полный отчет об имуществе обители. Заслуживает доверия свидетельство архимандрита Феофана, участника событий лета 1787 г., когда в Святые Горы прибыл полномочный представитель князя Потемкина, директор экономии Екатеринославского наместничества Ф. Корбе с ордером на закрытие монастыря, подписанным собственноручно Г. Потемкиным 21 августа 1787 г. Документом предписывалось: «...деревни, земли Святогорскому монастырю принадлежащие в силу Высочайшего указа об обращении сих поселян в казаки Чугуевские от монахов отобрать и положить на план, прислать оный к его Светлости с описанием числа душ и угодий...» [28, л. 157]. В последствии родилось не мало преданий о первом знакомстве князя Г. Потемкина со Святыми Горами, что и определило будущность Святогорского имения в течении последующих 130 лет. Так, княгиня Горчакова Е. писала в своей книге, посвященной Святогорской обители: «Есть предание, что светлейший князь Потемкин-Таврический проезжая в Крым мимо Святых Гор, пленился их красотою, пожелал получить их в собственность и воздвигнуть там великолепный дворец и что с этой целью он испросил себе у императрицы Екатерины II эту рощицу «как он называл это место». [6, с. 9]. Это предание с небольшими разночтениями и добавлениями содержится и у других авторов. Например, в рукописи Д.И. Миллера за 1884 год приведены сведения что, князь возвращался из Крыма, когда и увидел чудную Святогорскую местность..., приказал остановиться на дороге и долго любовался издали Святыми Горами, расспросив о них у сопровождавшего его местного начальства, записал данные сведения в карманную книжку и поехал. По приезду в Петербург, при первом свидании с императрицей Екатериной, Потемкин между прочим сказал: «в Украине мне очень понравилась Святогорская рощица» [31, л. 3 об.]. Этого было достаточно чтобы стать полновластным хозяином Святогорского имения с 27 тыс. десятин земли, 8 населенными пунктами и 2 тыс. крепостных. Ведь к тому времени Григорий Потемкин был не только фаворитом императрицы, но и занимал многие высшие посты в государственном аппарате империи. По свидетельству современников: «...Потемкин наполнил мир своею славою... Он был президентом Военной Коллегии, что ныне военный министр, был фельдмаршал, был самым влиятельным членом Тайного Совета, вел переговоры с

иностранными министрами, которые все без исключения за ним ухаживали; был генерал-адъютантом, адмиралом, камергером, кавалером всех русских орденов и пр. Он постоянно останавливался во дворце, входил без доклада к Государыне...» [18, с. 479].

В «Русской старине» за 1876 год опубликована переписка императрицы с князем, где содержатся сведения о дарственной на Святогорское имение светлейшему князю. В письме, датированном 1 октября 1790 г. Екатерина II пишет: «Друг мой сердечный, князь Григорий Александрович, дав тебе рай земной сегодня, как ты называешь эту дачу, которую ты у меня просил, прошу тебя, если вздумаешь оную паки продать, предпочтительно мне оную продать. Прощай, Бог с тобой, я ужасно как слаба» [23, с.638].

К этому следует добавить, что именно летом 1787 года, когда был закрыт Святогорский монастырь, мимо Святых Гор проехал кортеж императрицы Екатерины II, возвращаясь в Петербург из Крыма. Программа путешествия императрицы, места остановки, встречи, мероприятия полностью зависели от князя Г. Потемкина. Надеялись на посещение Святых Гор и в монастыре. Как пишут современники, «летом 1787 г. в монастыре ждали императрицу Екатерину II...» [27, с. 130]. Вероятно приготовления ко встрече Ее Величества имели какие-то основания и Святогорский монастырь первоначально входил в программу посещений. Во всяком случае, Филарет (Гумилевский) указывает в качестве одной из причин перевода в апреле 1787 г. архимандрита Венедикта настоятелем Святогорского монастыря именно прием императрицы в Святых Горах [27, с.129]. Однако, кортеж возвращавшийся из Крыма проехал мимо и посещение монастыря не состоялось. Видимо, светлейший князь в это время уже имел полное представление о Святых Горах, их имущественном и правовом положении. Возможно этим объясняется столь поспешные действия по закрытию Святогорского монастыря гражданскими властями Екатеринославского наместничества. Упразднение монастыря было осуществлено не дожидаясь соответствующего указа по этому вопросу Белгородской консистории, в управлении которой находился Святогорский монастырь. Вскоре это стало предметом разбирательств между духовными и гражданскими властями. Дело в том, что исходя из государственного административно-территориального устройства земли и угодия Святогорского Успенского монастыря должны были поступить в управление казенной палаты не Екатеринославского, а Воронежского наместничества.

В июне 1788 г. по этому поводу в Белгородскую духовную консисторию поступил соответствующий циркуляр, которым предписывалось «монастырским властям немедленно приказать упоминаемые крепости и другие какие оные укрепления доставить как

наискорее.» [33, л.1а]. В этом же документе указывалось обоснование такого требования: Указ правительственного Сената от 19 апреля 1787 г. во исполнение именного Указа императрицы Екатерины II о секуляризации церковного и монастырского имущества 1764 г., вступившего в силу на территории Воронежского наместничества 10 апреля 1786 года. Но исполнить этот циркуляр Белгородская духовная консистория уже не могла, ибо все «крепости», т.е. говоря современным языком правоустанавливающие документы на монастырские владения и имущества были отобранные в августе 1787 в Екатеринославское наместничество, о чем и сообщила Белгородская консистория в ответном письме в казенную палату Воронежского наместничества 30 июля 1788 года [33, л.2]. Стало понятно, что указанный в ответе духовной консистории Федор Иванович Корбе, отобравший имущество и документы и не давший даже расписки, действовал по распоряжению всесильного князя и продолжать разбирательство по данному вопросу не имело смысла. Приведенные архивные документы являются прямым доказательством того, что светлейший князь Г. Потемкин Таврический имел уже тогда, в августе 1787 г., виды на святогорские владения монастыря, но не мог сразу же оформить имение на свое имя. Вначале имущество монастыря со всеми землями переходят в казенное состояние и уже в качестве такового передается вместе с селами и крестьянами в собственное имение князя. Однако и сам Г. Потемкин не успел воспользоваться подарком Екатерины II и реализовать свои планы относительно обустройства Святогорского имения, ибо вскоре умирает. Официальные бумаги на владение «Святогорском с деревнями» были готовы к началу 1791 года, ибо весной того года готовился доклад Г. Потемкину по данному вопросу. Правитель Таврической губернии В.В. Каховский писал в своем письме в канцелярию светлейшего князя в марте 1791 г.: «перед отъездом в Яссы намерен я осмотреть некоторые уезды по левой стороне Днепра и быть в Святогорске; дабы иметь хотя малое понятие о тамошних местах» [8, с. 340]. Г.Потемкин прибыл из столицы в Яссы летом 1791 г., однако вскоре заболел и по дороге в Николаев скончался 5 октября 1791 г.

В I-й половине 90-х гг. XVIII в. Святогорск находился в составе Славянского уезда Екатеринославского наместничества и объединял несколько населенных пунктов: села Студенок, Богородичное, Банное, Яровая, Новоселовка, Пришиб в которых проживало 3134 крестьян [13, с. 161]. За указанным имением числилось 25 тысяч десятин земли, из которых 9,3 тыс. дес. были пашенными угодьями, а 10,0 тыс. дес. – леса. В имении были две приходские церкви, одна в Студенке, вторая – бывший монастырский Успенский собор. Большинство монастырских сооружений постепенно обветшали, в некоторых из них жили и хозяйствовали приходские священнослужители с семьями.

В таком состоянии Святогорское имение подлежало разделу среди наследников светлейшего князя. Собственных детей у Г. Потемкина не было, поэтому наследство делилось между близкими родственниками сестер Потемкина: Марии, Пелагеи, Марфы. К моменту раздела имущества сестры и их мужья уповательно померли и наследниками стали их дети, т.е. племянники и племянницы Г. Потемкина. Один из близких людей к окружению Г.А. Потемкина писал в своих мемуарах: «Состояние князя Потемкина было огромно; он никогда не думал о женитьбе, что подтверждает слух о его тайном браке¹; никогда не имел детей и оставил огромные свои богатства многочисленным племянникам и племянницам, которые все без исключения разбогатели после его смерти [20, с. 479].

II. Генерал-поручик и кавалер Василий Васильевич Энгельгардт²
(1755-1828) [Ил. 2]

Святогорское имение отошло к наследственной части сына Марфы Потемкиной и Смоленского шляхтича Василия Энгельгардта. К моменту получения в наследственное владение Святогорского имения В.В. Энгельгардт уже был в чине генерал-поручика. Имел репутацию рачительного хозяина, содержал в порядке свои имения которые приносили солидный доход. Из биографических данных известно, что родился В.В. Энгельгардт в 1755 (по другим данным в 1758) году. Поступив на военную службу, командовал полком. Сделав карьеру военного, В.В. Энгельгардт вскоре становится сенатором, а в 1797 г.

¹ Автор мемуаров, граф А.И. Рибопьер намекает здесь на тайный брак светлейшего князя с императрицей Екатериной II. Будучи «любимчиком» Екатерины II, находившись при дворе А.И. Рибопьер был весьма осведомленным человеком. После его женитьбы на внучатой племяннице князя Г. Потемкина, Е.М. Потемкиной, круг источников конфиденциальной информации о личной жизни светлейшего князя значительно расширяется. Кроме того, отец А.И. Рибопьера, Иван Степанович Рибопьер был личным адъютантом Григория Потемкина и доверенным лицом князя при дворе императрицы. Поэтому его мемуары «Записки графа А.И. Рибопьера» считаются источником вполне заслуживающим доверия.

² Род барона фон Энгельгардта берет начало от Генриха Энгельгардта – члена городского совета в Цюрихе в 1383 г. В XV ст. Энгельгардты переселяются в Лифляндию, затем Курляндию и Польшу. В XVII в. за воинские заслуги королем польским Владиславом IV Энгельгардтам пожалованы вотчины в Смоленске. В конце XVII - XVIII вв. Энгельгардты приходят на службу Российскому престолу.

произведен в действительные тайные советники. В 1800 г. Энгельгардт оставляет службу и целиком уходит в хозяйственные дела по управлению своими имениями [25, с. 648].

После административно-территориальной реформы в кон. XVIII века Святогорское имение Энгельгардта вошло в состав Изюмского уезда Слободско-Украинской губернии. В имение входили кроме вышеперечисленных сел, деревня Голодолинская и хутор Нетриусский. В 8-ми населенных пунктах в 1797 г. проживало 4157 жителей, из которых 2066 – мужского пола. За имением числилось 25 тыс. дес. земли и 3 тыс. значились как спорные земли с соседями [Ил. 3]. В.В. Энгельгардт несколько увеличил пашню (до 9,9 тыс. дес.) и сохранил лесные угодья (10,0 тыс. дес.). Сенокосы в имении составляли 2,0 тыс. дес. [19].

Существенный доход приносили владельцу винокуренные заводы на 9 котлов, расположенные в с. Студенок. Производительность заводов составляла 5 тыс. ведер вина в год. Три мельницы, построенные в селе Студенок и деревне Яровая намолачивали до 150 четвертей муки в год.

¹¹ В.В. Энгельгардт всячески способствовал налаживанию крестьянских хозяйств, но строго преследовал пьянство и воровство. Такие методы управления способствовали развитию торговли и расширению Успенской ярмарки, которая ежегодно собиралась к 15 августа (28) и длилась неделю. На ярмарку съезжались купцы не только Слободско-Украинской, но и других губерний. Здесь предлагались как продовольственные, так и промышленные товары, в том числе железо, сукно, лес, стройматериалы.

Как свидетельствуют исторические источники, все хозяйственное управление имением возлагалось на управляющего, который имел центральную усадьбу в с. Студенок и гостевые покои в бывшем доме настоятеля монастыря. Во 2-й пол. 90-х гг. XVIII в. эту должность занимал ротмистр Василий Науменков, а в 20-х годах XIX в. – поручик Петр Демчинский. В реестре дел Святогорской обители сохранились упоминания о ремонтных работах приходских храмов, которые производились этими управляющими. Интересно, что в 1822 г. был возобновлен иконостас, как указано, в «в закрытой церкви святителя Николая» [34, л.2 об.].

Сам В.В. Энгельгардт не был женат, и своих детей не имел, однако принял на воспитание двух девочек – Александру и Екатерину и трех мальчиков – Василия, Андрея и Павла. Всем воспитанникам В.В.

¹ Старинная мера объема сыпучих продуктов. Одна четверть вмещала 210 литров. При переводе в весовую меру четверть составляла 4 пуда или 64 кг.

Энгельгардта были дарованы дворянство, фамилия Энгельгардтов и все права наследников. Высочайше утвержденным 22 января 1868 года мнением Государственного Совета за дворянской фамилией Энгельгардт признан баронский титул [25, с. 643].

Кроме Святогорского имения В.В. Энгельгардт унаследовал от князя Г. Потемкина усадьбу Ольшаны в Киевской губернии и родное село Г. Потемкина – Чижово. Последние годы жизни В.В. Энгельгардт проживал в Ольшанах, где и скончался в 1828 году. По завещанию тело В.В. Энгельгардта перевезли в с. Чижово и похоронили там под алтарем Покровской церкви [7, л. 275-279]. Современники вспоминали, что долгое время на его захоронении сохранялась памятная плита с надписью:

«Здесь покоится прах дражайшего родителя и благодетеля нашего, действительного статского советника Василия Васильевича Энгельгардта.

Родился 1755года, апреля,6,

Скончался 1828 года, мая, 12 в местечке Ольшанах Киевской губернии, отколь тело по Высочайшему соизволению перевезено для помещения с прахом его родителей в село Чижово

1829 года, марта, 13 дня.

На погребении был Смоленский епископ Преосвященный Иосиф»

После кончины В.В. Энгельгардта Святогорское имение должно было быть разделено между сестрами Энгельгардт. Однако, как свидетельствовали современники, целостность имению обеспечили Александр Михайлович Потемкин и его супруга Татьяна Борисовна. Они упростили мать А.М. Потемкина, тогда уже княгиню Татьяну Васильевну Юсупову, «скупить себе все 4 участка, чтобы не разделилось такое прекрасное наследство» [9, с.134].

III. Княгиня Татьяна Васильевна Юсупова

(урожденная Энгельгардт) (1769-1841) [Ил. 4]

Татьяна была младшей из пяти девочек, родившихся от брака Марфы Александровны Потемкиной и Василия Андреевича Энгельгардта. После смерти родителей, сестры Энгельгардт были взяты на воспитание дядей, князем Г.А. Потемкиным. Последний объявил себя не только их покровителем, но и отцом. Будущий зять Татьяны Энгельгардт, граф А.И. Рибопьер писал по этому поводу: «...с ними (племянницами князя - авт.) обращались почти как с великими князьями. Из них теща моя, княгиня Татьяна Васильевна Юсупова, держала себя очень строго...» [20, с.479]. Татьяна родилась 1 января 1769 года. Деятельное участие в ее судьбе принимала императрица Екатерина II. В 12 лет Татьяна была взята ко двору в качестве фрейлины. В 1785 году Т.В. Энгельгардт вышла замуж за генерал-

поручика Михаила Сергеевича Потемкина, который трагически погиб (утонул) через 6 лет. От этого брака у Т.В. Потемкиной были сын Александр и дочь Екатерина. Императрица еще раз принимает деятельное участие в судьбе Т. Энгельгардт и способствует ее второму браку с князем Николаем Борисовичем Юсуповым в 1793 году. Брак оказался не очень счастливым. Княгиня Юсупова жила отдельно от мужа и сторонилась светских развлечений и увеселительных мероприятий. Она предпочитала общение с избранным кругом, среди которых были Пушкин, Жуковский, Державин, Крылов [24, с. 133-134].

Вместе с тем, княгиня умело вела дела в своих многочисленных поместьях, слыла знатоком в финансовых вопросах. Значительные доходы от имений позволяли княгине удовлетворять известную всем ее страсть к редким экземплярам драгоценных камней. В ее коллекции были такие знаменитые камни как бриллиант «Полярная звезда», алмаз «Альдебаран», жемчужина Филиппа II испанского «Перегрин», серьги Марии Антуанетты, алмазная и жемчужная диадема Каролины Мюрет и др. [24, с.134].

В тоже время княгиня Т. В. Юсупова вела довольно скромный образ жизни, имела без всяких изысков простой стол и занималась благотворительностью. Святогорское имение княгиня Юсупова Т.В. унаследовала после кончины своего брата В.В. Энгельгардта в 1828 году и рачительно хозяйствовала здесь через своих управляющих вплоть до своей смерти в 1841 году. Как явствует из архивного дела «Записки о разделе имущества, оставшегося после Татьяны Васильевны кн. Юсуповой между ее детьми Александром Михайловичем Потемкиным, Екатериной Михайловной Рибопьер (урожденной Потемкиной) и кн. Борисом Николаевичем Юсуповым 1841 г.» в числе других имений подлежало разделу между наследниками «в Харьковской губернии в Изюмском уезде местечко Святогорск с деревнями. Мужского пола 3136 душ» [18, л. 14 об.].

В истории Святых Гор княгиня Т.В. Юсупова известна своим отказом возобновить деятельность Святогорского монастыря во 2-й пол. 30-х гг. XIX в. Тогда, с прошением в Священный Синод обратились монахи из упраздненного Покровского монастыря Екатеринославской губернии. Однако, в удовлетворении сей просьбы было отказано по причине несогласия княгини Т.В. Юсуповой на отвод земли из Святогорского имения [34, л.2 об.].

23 мая 1841 г. в возрасте 72 лет княгиня скончалась и была погребена при Благовещенской церкви Александрo-Невской Лавры.

IV. Действительный тайный советник, предводитель
Петербургского дворянства Александр Михайлович Потемкин (1787-
1872) [Ил. 5]

После смерти Т.В. Юсуповой Святогорское имение унаследовал ее сын от первого брака Александр Михайлович Потемкин. По свидетельству его супруги Т.Б. Потемкиной Святогорское имение должно было разделиться на две части между сыновьями Т.В. Юсуповой, однако «муж мой решил лучше уступить что-нибудь в других имениях, лишь бы это вполне нам досталось и уступил более тысячи душ, чтобы только получить Святые Горы...» [11, с.132]. К тому времени А.М. Потемкин был уже весьма известной в высшем обществе личностью, предводителем Санкт-Петербургского губернского дворянства.

В его доме на Миллионной улице собирался высший свет, душой которого была его супруга Татьяна Борисовна Потемкина (урожденная княгиня Голицына).

Чета Потемкиных была весьма близка ко двору, и неоднократно принимала у себя в доме императорские семьи Николая I и Александра II. Последний, вместе с супругой и детьми посетил Святогорское имение Потемкиных и останавливался в их Доме в августе 1861 года. Современники писали, что прибыв в Дом Потемкиных и увидев с открытой галереи вид на Святогорский монастырь и пейзаж Святых Гор над Донцом императрица воскликнула: «Это моя Швейцария!» Император Александр III говорил одному лицу, что «магушка очень любила Святые Горы и часто их вспоминала» [26, с.620-621].

Сохранилась фотография, запечатлевшая императорскую семью с сопровождающими лицами в святогорском Доме Потемкина. Вместе с хозяевами, императором Александром II и императрицей Марией Александровной фотограф запечатлел малолетних детей императорской семьи – Марию Александровну и Сергея Александровича, фрейлину княгиню Долгорукую, воспитательницу Анну Тютчеву, обергофмаршала двора графа А. Шувалова, доктора Петерса, графа Александра Адлерберга и Харьковского губернатора, генерала Ахматова. Гости совершили лодочную прогулку по Донцу, побывали в скиту Вел. Арсения, посетили монастырь, встретившись с настоятелем о. Германом и братией. Интересно отметить тот факт, что после литургии в домовой церкви Потемкиных о. Герман получил от императора в подарок алмазный кабинетный крест, а через некоторое время был возведен в сан Архимандрита [29, л.22-23]. Императорская семья пробыла у Потемкиных 4 дня, после чего выехала в Крым. После этого посещения императорская семья не теряла связи со Святыми Горами, жертвовала в дар Святогорской обители священные образа и другие знаки монаршего внимания. Так, в храмах и ризнице обители находились икона св. Тихона Задонского и молитвенник, подаренные

государыней Марией Александровной, лампада от императора Александра II.

Когда в 1888 г. случилось крушение царского поезда возле станции Борки Харьковской губернии, Святогорский монастырь основал на месте крушения Спасов скит в честь чудесного спасения императорской семьи Александра III. Последний знал о Святых Горах не только по рассказам матери, императрицы Марии Александровны но и из других источников, в частности писем приближенных ко двору сановников. Князь Владимир Петрович Мещерский неоднократно бывал в гостях у своей тети, Т.Б. Потемкиной в Святогорском имении. В одном из своих писем, адресованных наследнику престола, цесаревичу Александру Александровичу он писал: «Пишу вам из чудных, восхитительных Святых Гор, под влиянием тех впечатлений, чисто поэтических, которые здесь заставляют душу испытывать что-то невыразимо приятное...

Вчерашний день был ознаменован здесь великим монастырским торжеством.. освящением собора, строившегося 10 лет. Освящение совершал Харьковский архиепископ Макарий¹... Бесспорно, он теперь первое светило нашего созвездия церковных иерархов...

Но возвращаюсь к прелести Святых Гор, она двояка.. здесь прелесть настоящего в восхитительном виде, в теплой и светлой погоде, в мире и невозмутимой тишине, веющих в каждом дыхании воздуха, в минутах и часах, когда, сидя на своем балконе, я люблюсь видом, я занимаюсь или думаю, и иногда, прислушиваясь к звону монастырского колокола, вещающего о молитве многих добрых дел, вопрошаю жизнь, мною оставленную за собою, о значении ее шума и ее бесконечно разнообразных волнениях, здесь будто неведомых. Наконец прелесть в милой и доброй хозяйке Т. Борисовне, столь радушно и горячо сердцем ласкающей здесь своим гостеприимством...» [3, с. 45-58].

Упомянутая в письме князя В.П. Мещерского Татьяна Борисовна Потемкина (урожденная княгиня Голицына) была настоящей хозяйкой Святогорской усадьбы, устраивала здесь приемы, обустроивала дом и сад, существенным образом влияла на формирование и развитие Святогорской обители. Вместе с тем распоряжаться имением в Святых Горах его угодиями, ресурсами, финансами мог только фактический владелец Святогорского имения – Александр Михайлович Потемкин.

¹ Макарий (Булгаков Михаил Петрович) (1816-1882) – богослов, церковный историк; академик Императорской Академии наук (1854); епископ Тамбовский и Шацкий (1857-1859), архиепископ Харьковский (1859-1868), архиепископ Литовский и Виленский (1869-1879), митрополит Московский и Коломенский (1879-1882).

Из биографических данных известно, что родился А.М. Потемкин 30 января 1787 года. В 14 лет был зачислен в лейб-гвардии Преображенский полк. На действительную военную службу поступил в 1807 г. Участвовал в боях с Наполеоном и за проявленное мужество и храбрость был награжден: орденом св. Анны IV ст., золотой шпагой с надписью «За храбрость», прусским орденом Железной короны.

В 1815 году А.М. Потемкин бракосочетался с княжной Т.Б. Голицыной и вскоре выходит в отставку в чине полковника.

В 1827 г. А.М. Потемкин поступает на службу. Пожалован чинами действительного статского советника (1843 г.) и действительного тайного советника¹ (1853 г.). На службе нес многочисленные обязанности в нескольких попечительских советах и благотворительных обществах.

Известно, что А.М. Потемкин был попечителем Санкт-Петербургского сиротского дома, почетным опекуном Санкт-Петербургского Опекунского Совета, управляющим Родовспомогательным заведением, управляющим Ссудною кассою, управляющим Училищем глухонемых, действительным членом Совета Императорского Человеколюбивого общества [14].

За отличия по службе был награжден: Орденом Белого Орла (1856 г.), Орденом св. Александра Невского (1860 г.), алмазными подвесками к ордену Александра Невского (1866 г.), орденом св. Владимира I ст. (1870 г.).

Несмотря на свою занятость и обилие дел в столице, движимый неугасимым желанием супруги поскорее открыть Святогорский монастырь, А.М. Потемкин выделяет средства (10000 руб.) и земли (300 дес.) для восстановления и содержания древнего монастыря в своем имении. В течении короткого времени был построен великолепный дом на склоне Святых Гор близ монастыря [Ил. 6]. Здесь останавливались не только императорская семья и высокородные гости, но и многие деятели культуры, известные писатели, поэты, художники. Одно из самых впечатляющих описаний усадьбы Потемкиных оставил Василий Иванович Немирович-Данченко: «Совсем итальянская вилла! Приютилась на горе и закуталась в благоухающую чащу, точно отшельник, бегущий от мира...

С верхнего балкона виллы все как на ладони, и белые утесы, и сама обитель. Лучшего пункта нельзя было избрать для картины.

¹ Гражданский чин действительного статского советника согласно «Табелю о рангах» соответствовал военному званию генерал-майора. Соответственно чин действительного тайного советника приравнивался к генералу от инфантерии (кавалерии), адмиралу флота.

Выступы гор за выступами – и все обрушиваются в Донец. Таже даль, что и с меловых скал, не наглядисься на нее...» [12, с. 80]. Удачный выбор месторасположения Потемкинского дома неоднократно отмечал хороший знакомый Т.Б. Потемкиной, религиозный деятель и писатель, путешественник по святым местам Андрей Николаевич Муравьев. В своем очерке «Святые Горы» написанном в середине 50-х годов XIX века, А.М. Муравьев дает описание усадьбы: «Живописная дача ее (Потемкиной Т.Б. – авт.) в полугоре, с обширными видами на всю долину Донца при безоблачном небе Украины, напоминала мне Римские виллы Фраскати, с их просветами на чудную пустыню вечного города; особенно поразила меня с роскошной террасы нечаянное зрелище обители Святогорской и ее меловых утесов, просеченных келлиями иноческими, под сенью вековой дубравы [11, с.112] [Ил. 7].

Интересно отметить, что в конце своей жизни А.Н. Муравьев решил оставить Киев и переселиться в Святогорское имение Потемкиных. Для этой цели он даже приобрел лес на строительство своего дома, однако смерть владельца усадьбы А.М. Потемкина в 1872 г. помешала осуществлению этих планов [30, с.186].

15 января 1844 года Святогорский монастырь был возобновлен по докладу Святейшего Синода с высочайшим согласием императора Николая I. В день Успения Пресвятой Богородицы прошли пышные торжества по случаю освящения вновь открывшейся обители. Достаточно подробно описал это торжество брат Т.Б. Потемкиной, князь Николай Борисович Голицын, который часто бывал в святогорском доме Потемкиных. Приехав на открытие Святогорского монастыря 12 августа 1844 года князь Н.Б. Голицын поселился в недавно выстроенном «господском доме...на крутой горе недалеко от обители» [5, с.142]. В 1866 году Н.Б. Голицын скончался и волею сестры Т.Б. Потемкиной был перевезен в Святые Горы и похоронен в родовой усыпальнице при входе в церковь пр. Антония и Феодосия. Потемкины стали основными ктиторами масштабной реконструкции монастыря, строительства его главных храмов: Покровской церкви с колокольней, Успенского собора, Преображенской церкви.

После выхода в свет в 1861 г. Манифеста Александра II об отмене крепостного права, в Святогорском имении Потемкиных была проведена реформа по освобождению крестьян населенных пунктов, входивших в состав имения. По реформе крестьяне наделялись участками земли в личное пользование с выплатой оброка и отработочных дней в имении помещика. Согласно «Уставной грамоте» тайного советника и кавалера А.М. Потемкина в селе Банном (нынешний Святогорск) и приписанной к нему деревни Татьяновка числилось в 1862 году 321 человек мужского пола [17, л. 3]. На них было отписано по 2 десятины 1,2 кв. саженой на душу. За это

причиталось выплатить оброк в сумме 6 рублей 49 коп. в год, а со всех крестьян - 2037 руб. 86 коп. серебром в год.

Кроме того, со всех душевых голов полагалось отработать в пользу Потемкина А.М. 9107 рабочих дней мужчинам и 6526 дней - женщинам [17, л. 3].

Не получили наделы крестьяне с. Банное и дер. Татьянаовка, переехавшие на жительство в Ялгинский уезд Крыма, на работу в садах имения Артек, принадлежавшего также Потемкиным (родовое имение Т. Б. Потемкиной).

В грамоте также оговаривались условия для рыбной ловли в озерах при Донце и охота в лесных угодьях А.М. Потемкина. Допуск на эти промыслы оформлялся в имении с разрешения владельца. [17, л. 4]. Такие же уставные грамоты (договора) были подписаны с крестьянами всех сел и деревень, входивших в имение А.М. Потемкина.

Следует отметить особо выделенную луговую землю в с. Банном, где ежегодно проводилась Успенская ярмарка. Эта земля напротив Святогорского монастыря, на левом берегу Донца оставалась в собственности А.М. Потемкина и сдавалась на время ярмарки крестьянам в аренду за установленную плату. Всего под ярмарку было отведено 30 десятин земли [17, л. 4]. Сохранились воспоминания очевидцев и участников ярмарки в Святых Горах, которые отмечали, что «в 30-40-х годах Святогорская Успенская ярмарка и большая и хорошая и имела важное значение для края, потому что на ней можно было и продать выгодно разные сельские продукты и купить многое необходимое из фабричных изделий и помещикам, и крестьянам. Гуртовщики-крестьяне набирали здесь скот и овец, а цыгане и барышники хорошо торговали лошадьми...

Крестьяне и разный торговый народ сотнями возов и повозок становились где кому вздумается... Изобилие всевозможных сельских продуктов было такое, что не только проехать, но пройти-то между ними едва было возможно... Фруктов и овощей – хоть лопатой загребай, а из сельских крестьянских изделий было изобилие полотняных, шерстяных, кожаных и древесных изделий. Чудную картину с высоты Святых Гор представляла эта ярмарка в то далекое время. В дикой, но величественной местности необозримая масса народа в разноцветных старинных праздничных одеяниях суетится и копошится точно муравейник от самого села Богородичного и переправы на пароме через р. Донец и до Святых Гор... [31]

Автор отмечал, что кроме ярмарки многих помещиков привлекали Святые Горы «великолепными балами с танцами и роскошными угощениями». Эти балы устраивались здесь в специально сделанных павильонах святогорскими управляющими. Среди последних особенно был известен подполковник Глиндеман, служивший долгое

время А.М. Потемкину. «Помещики, - пишет Д.И. Миллер, - съезжались сюда из 5 уездов и сотни карет и колясок стояли вокруг павильонов до рассвета» [31].

Новые экономические отношения, введенные в нач. 60-х гг. XIX в. в Святогорском имении А.М. Потемкина, не поколебали хозяйственной основы помещичьего хозяйства и продолжали приносить существенный доход, ибо все переводилось на рыночные отношения и даже место на ярмарке теперь сдавалось в аренду крестьянину по квадратным сажаням.

Вместе с тем, Потемкины слыли известными в России благотворителями, оказывали существенную помощь в реконструкции архитектурного ансамбля монастыря, создании его отделений (скитов и хуторов), возведении наиболее монументальных сооружений. Граф С.Д. Шереметьев близко знавший образ жизни Потемкиных в столице писал в своих мемуарах: «известный дом Потемкиных в столице был в свое время каким то открытым домом, чуть не гостиницей для всякого, кто только носил рясу или слыл за святого. Кто только не перебивал в этом доме, кому только не давали приюта в бесчисленных комнатах и закоулках этого лабиринта, чего только не выделявали в этом доме с ведома и без ведома хозяйки, всесильной Татьяны Борисовны, которая до сих пор для меня словно загадка..., сам хозяин дома Александр Михайлович Потемкин безобидный старик который хлопотал только об одном, чтобы его не тревожили и не мешали бесчисленным его привычкам» [35].

В течении 40-60-х гг. XIX в. Потемкины, особенно Татьяна Борисовна, старались ежегодно посещать свое Святогорское имение, проводить здесь вторую половину августа и сентябрь месяцы. Здесь же, при церкви пр. Антония и Феодосия Святогорского монастыря была устроена родовая усыпальница Потемкиных, где были похоронены родные братья Т.Б. Потемкиной – князья Андрей и Николай Голицыны. Вследствие этого за усыпальницей закрепилось наименование усыпальницы князей Голицыных. Там же было уготовано место погребения и самой Т.Б. Потемкиной и ее супругу. Однако судьбе было угодно распорядиться иначе. После смерти Т.Б. Потемкиной в 1869 г. в Берлине, волею ее супруга А.М. Потемкина, ее тело было погребено в усыпальнице Потемкиных в Сергиевой пустыни под Петербургом.

Сам Александр Михайлович последние годы провел в своем имении Гостилицах Петергофского уезда, где и скончался 19 июля 1872 г. на 85 году жизни. Погребен был как и супруга в Сергиевой пустыни. Современники отмечали, что кладбище Троице-Сергиевой пустыни было одним из красивейших в Европе. Со времен Екатерины II там хоронили представителей знатных аристократических семей: Ольденбургских, Апраксиных, Строгановых, Потемкиных,

Шереметьевых, Энгельгардтов, Разумовских. Среди деятелей культуры здесь покоится прах известного архитектора, автора проекта Успенского собора Святогорского монастыря академика А.М. Горностаева. Его надгробие – единственный сохранившийся памятник некогда известного кладбища [1, с. 72-73].

В. Граф Георгий Иванович Рибопьер¹
(1854 – 1916) [Ил. 8]

Александр Михайлович и Татьяна Борисовна Потемкины не имели детей, поэтому прямых наследников Святогорского имения не было. Единственная родная сестра А.М. Потемкина – Екатерина Михайловна скончалась за несколько месяцев до смерти брата. Два ее сына от брака с графом Александром Ивановичем Рибопьером (Михаил и Иван) также к тому времени умерли [25, с.205-206]. Единственным наследником Святогорского имения стал внук Екатерины Михайловны и внучатый племянник Александра Михайловича Потемкина – граф Георгий Иванович Рибопьер [21].

Таким образом, начиная с 1872 года, Святогорское имение перешло во владение не менее знаменитому и богатому роду Рибопьеров. В России представители этого рода появились во времена Екатерины II, имея на руках рекомендательное письмо Вольтера. Прадед Георгия Рибопьера, Иван (Жан) Рибопьер, уроженец Франции сблизился во времена учебы в Тюбюнгенском университете с представителями известных фамилий России – князем Н.Б. Юсуповым и С.С. Апраксиным. Получив рекомендации Вольтера, находившегося в переписке с Екатериной II и наставления родовитых друзей из России, Иван Рибопьер направился в Санкт-Петербург, где получил теплый прием императрицы и должность адъютанта князя Г. Потемкина-Таврического. В чине бригадира Иван Степанович Рибопьер сражался с турками и был убит во время штурма Измаила в декабре 1791 г. От брака с фрейлиной императрицы, Аграфеной Александровной Бибииковой, у И.С. Рибопьера остался сын Александр, который в 1809 году женился на Екатерине Михайловне Потемкиной. От этого брака у четы Рибопьеров было четыре дочери и два сына – Михаил и Иван. Первый умер в малолетстве, а второй, женившись на Софье Васильевне

¹ Род графа Г.И. Рибопьера ведет свое начало от патрициев кантона Ваад в Швейцарии – одной из ветвей древнейшего дворянского рода Рибопьеров в Эльзасе. Род известен с XI-XII вв. Представители рода Рибопьеров появились в России в XVIII веке. Графский титул дарован в 1865 году.

Трубецкой имел сына Георгия, который и стал владельцем Святогорского имения. К этому времени Рибопьеры уже носили графский титул, жалованный в день коронации Императора Александра II – 26 августа 1856 года. Этот титул получил дед Георгия Рибопьера – Александр Иванович Рибопьер, бывший в свое время личным адъютантом императора Павла I, затем членом посольства в Вене при графе А.К. Разумовском. По возвращении в Петербург А.И. Рибопьер занялся изучением архива Коллегии иностранных дел, однако вскоре был исключен из службы и посажен в крепость за дуэль с князем В.Б. Четвертинским. Имущество А.И. Рибопьера было конфисковано, а мать сослала в деревню. После вступления на престол Александра I, А.И. Рибопьер был освобожден из крепости и вернулся на службу в Вену. С 1810 г. служил в Министерстве Финансов, а 1817 г. по Высочайшему повелению стал организатором и первым управляющим Государственным коммерческим Банком, который возглавлял до 1823 года.

Вернувшись на службу в Министерство Иностранных дел А.И. Рибопьер назначен был посланником в Константинополь. С 1830 г. – действительный тайный советник, с 1838 г. – член Государственного совета, в 40-х гг. выполнял различные придворные обязанности. Умер А.И. Рибопьер 24 мая 1865 года [25, с.505-506].

Жена, Екатерина Михайловна Рибопьер (Потемкина) пережила мужа на 7 лет и передала имение Потемкиных в Святых Горах своему внуку Георгию, который унаследовал не только имение, но и графский титул Рибопьеров.

Сам Георгий Иванович Рибопьер родился 15 августа 1854 года в Царском селе. Его детские годы прошли в Италии и Швейцарии. С детских лет Георгий увлекался спортом: гимнастикой, фехтованием, плаванием, борьбой. Близкие к семье Рибопьеров люди вспоминали, что с двенадцати лет Георгий занимался в Флорентийском гимнастическом обществе, а в четырнадцать лет тренируется в цирке «Галем», осваивает манеж и организует собственный любительский цирк. Георгий освоил в эти годы многие цирковые жанры: гимнаста, наездника, акробата-прыгуна, борца. [22]. Очевидцы рассказывали такой случай, что в возрасте 15 лет Георгий попал на представление в балагане, принял вызов профессионального борца и закончил первую схватку вничью [3, с.72].

В 1870 г., по возвращении в Россию Георгий в шестнадцатилетнем возрасте поступает в частный пансион Соколова, где продолжает заниматься гимнастикой и конькобежным спортом. По окончании пансиона в 1873 г. Г.И. Рибопьер поступает на военную службу сначала в Кавалергардский полк, затем лейб-гвардии Гусарский полк Его Величества. В чине поручика принимает участие в русско-

турецкой войне 1877-1878 гг. По свидетельству однополчан, Георгий Рибопьер был не раз на волосок от смерти, но каждый раз проявлял «примеры дерзкой храбрости» и выходил из схватки с честью, хотя и был серьезно ранен. Рассказывают, что однажды под молодым графом ранили лошадь. Противники окружили его, начался рукопашный бой, но туркам не суждено было одолеть русского офицера, хорошо подготовленного физически» [3, с.72]. За проявленное мужество и храбрость Г.И. Рибопьер награждается орденом св. Анны IV ст., французским орденом Почетного Легиона и румынским Железным Крестом. В 1885 году Г. Рибопьер оставляет военную службу в чине полковника и полностью себя отдает двум увлечениям, которые становятся делом его жизни – коневодству и атлетическому спорту. Сам граф Г.И. Рибопьер жил в Петербурге, где ему принадлежал старинный особняк, или, как писали современники «целая усадьба в Измайловском полку, занимавшая почти две улицы, носившая названия первой и второй роты... Петербургский особняк снаружи выглядел очень скромно, но внутри это был дворец. Апартаменты, размеры комнат, отделка, мрамор, камин, зимний сад – все это производило чарующее впечатление и переносило вас из действительной жизни в какой-то сказочный мир роскоши и красоты. Здесь были фамильные портреты кисти лучших мастеров: Левицкого и Боровиковского и др. Были и вещи, жалованные Екатериной Великой или перешедшие по наследству от Потемкина- Таврического и князя Юсупова... Рибопьер очень любил старину и разбирался в ней» [21].

Кроме особняка в Петербурге граф Г.И. Рибопьер имел дом в Москве, в Петровском парке, где были устроены конюшни с призовыми рысаками.

Кроме того Г.И. Рибопьер основывает собственные конные заводы в Петербурге, Симбирской губернии и своем Святогорском имении. При конных заводах граф строит ипподромы, где устраивает состязания чистокровных лошадей. Г.И. Рибопьер сам участвовал в бегах, неоднократно выигрывал призы и считался одним из лучших наездников в скаковом обществе. Позднее, за несколько лет до своей кончины Г.И. Рибопьер был избран председателем Всероссийского союза конезаводчиков.

Тогда же Г.И. Рибопьер увлекся атлетическим спортом. В 1896 г. граф Г.И. Рибопьер становится первым президентом Санкт-Петербургского атлетического общества. Через год проводит I-й чемпионат России по тяжелой атлетике. По свидетельству современников граф Г. Рибопьер сам был неплохим атлетом, посещал тренировки атлетического кружка В.Ф. Краевского. Рассказывают, что граф брал с пола на бицепс двухпудовую гирию, держа ее на ладоне, а затем трижды вытягивал руку горизонтально перед собой. Благодаря

меценатству Г.И. Рибопьера нашел свой путь к славе и победам на борцовском ковре знаменитый Иван Поддубный [3, с.72-73]. В 1900 г. по предложению Пьера де Кубертена граф Рибопьер входит в состав Международного Олимпийского Комитета и обеспечивает участие спортсменов России в Олимпийских играх 1908 г. в Лондоне. В этот период Г.И. Рибопьер организовал более десяти Всероссийских Союзов по различным видам спорта. Фактически граф Г.И. Рибопер стоял у истоков олимпийского движения в России. Все 13 лет своего членства в МОК граф активно переписывался с Пьером де Кубертенем, предлагая включить борьбу и тяжелую атлетику в перечень постоянных олимпийских дисциплин [3, с.73].

В 1913 г. Г.И. Рибопьер отошел от активного участия в организации олимпийского движения, уходит из МОК и занимается коневодством. Вместе с тем, ему приходилось управлять своими многочисленными имениями. Как вспоминал известный на рубеже XIX-XX вв. конезаводчик Яков Бутович, граф «принадлежал к одному из самых богатых аристократических родов и состояние его равнялось многим миллионам, а количество десятин земли доходило одно время до ста тысяч» [3, с.72].

Вступив в наследство Святогорским имением, граф проводит реконструкцию господского дома, строит дополнительно флигеля в центральной усадьбе, застраивает территорию на левом берегу Дона гостиницами, дачными заведениями, ресторанами [Ил. 9,10]. При нем Успенская ярмарка разрастается, к ней прокладывается узкоколейная железная дорога от станции Святогорская протяженностью 8 км. Трамвай на конской тяге доставлял всех желающих в монастырь и на ярмарку. Конечная станция «Гонки» находилась напротив гостиницы монастыря. Это позволило увеличить число прибывающих на ярмарку и на праздник Успения в монастырь.

По сведениям Харьковского губернатора А.К. Бальгарда на ярмарку к 15 августа 1894 года, собралось от 30 до 40 тысяч человек. Именно тогда, 14 августа произошло столкновение крестьян с. Банное с нанятыми для охраны поместья Рибопьера черкесами, результатом которого стали 6 убитых (из них 5 черкесов) и множество раненых [16, л. 8-14].

Этот факт стал предметом рассмотрения в Министерстве Внутренних дел и специального расследования, в результате которого 70 человек были арестованы, некоторые сосланы в Сибирь.

Несколько позже, писатель Е. Марков, посетив Святые Горы, описал свой разговор с одним из крестьян с. Банное. «Что ж, небось хорошо живется вам? Все тут у вас под рукою: и река, и луга, и лес кругом... Бородатый лодочник насмешливо покрутил головою и сказал, вздохнув: близок барин локоть, да не укусишь. Хоть, положим, точно и

река у нас под дворами, и лес, и луга, да ведь дворы то наши все равно, что цепью оцеплены – все панские угодия кругом! Теленок сунется, жеребенок, курица – сейчас штраф, потрава... Хворостину в лесу выломаешь сейчас протокол в суд... Так разве это житье? Ведь у нас в Банном и Татьяновке всей земли по 1 десятина на душу – вот и управляйся как знаешь, подати плати и семью корми...

А когда это бунт у вас был в Банном? Из-за чего?

- Бунт точно был, - немного смутившись, ответил лодочник. Года три назад. Опять же из-за тесноты.

Сам-то граф наш ничего себе, от него нет обиды, да управляющие немцы одолели, дохнуть не дают...» [10, с. 675].

Из дальнейшего разговора и материалов судебного расследования следовало, что в середине 90-х гг. XIX в. введены были новым управляющим поместья жесткие правила пользования природными и др. ресурсами, принадлежащими графу Рибопьеру, а также наказания, прежде всего штрафы за нарушение их.

Крупным предприятием в Святогорском имении считался лесопильный завод, находившийся в с. Банном (ныне Святогорск) Богородичанской волости Изюмского уезда. По данным Харьковской окружной фабричной инспекции в 1904 году здесь работало 90 человек рабочих, которые производили лесоматериалов на сумму 14 400 рублей в год. При этом заведении находился фельдшерский пункт и казарма для рабочих [32, л.65об.-66].

Кроме лесопилки и уже упоминавшегося конезавода, где выращивали породистых рысаков, в имении графа Рибопьера разводили крупный рогатый скот редких пород.

Граф, занятый делами в Петербурге, нечасто посещал Святогорское имение. Изредка наезжала в Святые Горы графиня Рибопьер. По свидетельству людей близко знавших графа: «Рибопьер вел крайне замкнутый образ жизни и у него никто, кроме самых близких друзей не бывал. Одна из причин этого – женитьба графа. Он был женат на венгерке, которая начала свою карьеру в «Яре». Я знал ее уже графиней – это была красивая, но очень взбалмошная женщина. Граф женился на ней тогда, когда у нее родилась дочь, единственная наследница его громаднейшего состояния» [21]. Вообще-то, графу Г.И. Рибопьеру прочили целую, весьма выгодную партию. Предполагалось, что Георгий Рибопьер женится на дочери богатейшего вельможи князя Юсупова, которая одновременно приходилась Георгию двоюродной сестрой. Как вспоминал впоследствии сам Г.И. Рибопьер: «Он (Ф.Н. Юсупов – авт.) меня очень любил и хотел, чтобы я женился на его дочери – матери молодого Феликса. Это была его заветная мечта, но невеста мне не нравилась, и я не женился... Я вспоминаю как старый князь соблазнял меня своими богатствами. Он все еще надеялся, что я

женюсь на его дочери, моей двоюродной сестре, и как-то раз начал водить меня по всему дворцу и показывать мне его несметные богатства. Закончили мы осмотром драгоценных камней и утвари. Картина была действительно поразительная, и с трудом можно было себе представить, что всем этим владеет частное лицо. А старый князь, подымал нити крупных жемчугов длиной до пола или тяжелые цепи гигантских изумрудов, смотрел мне в глаза и нашептывал: «Подумай, женись, все будет твое» и затем в качестве последнего аргумента добавил: «А каких лошадок ты заведешь, ни у кого таких не будет» [2, с.262-263]. Но граф так и не дал своего согласия на этот брак. * Сам граф по свидетельству современников, «был очень красив, среднего роста с тонкими чертами лица и прекрасными умными и добрыми карими глазами. Он носил небольшие бакенбарды, ходил довольно медленно, а в последнее время часто болел. Причиной тому был тот невозможный образ жизни, который он вел: граф превратил день в ночь и обратно. Ложился он очень поздно, часов в пять утра, а вставал в три-четыре дня» [21].

Граф Г.И. Рибопьер умер 4 июля в 1916 года в 72 летнем возрасте после простуды и неудачного лечения, оплакиваемый женой и единственной дочерью. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве [19].

Вскоре, после октября 1917 года, Петербургский особняк графа Г.И. Рибопьера был разгромлен и сожжен. Московская дача также подверглась опустошению и погибла. По свидетельству едва ли не единственного человека, с кем поддерживал отношения граф Г.И. Рибопьер в последние годы, Якова Бутовича, некоторые вещи из московского дома Г. Рибопьера потом продавались в антикварных лавках или в магазинах потребкооперации.

Как правило это были уже очень плохой сохранности картины. Так, одна из лучших работ художника Сверчкова 50-х гг. XIX ст. изображавшая чистокровную кобылу в очень трудном ракурсе, которая когда-то висела над письменным столом графа оказалась в лавке у антиквара Желтухина. Портретные изображения любимых лошадей графа кобылы Слава и Павлина были куплены Я. Бутовичем в дни революции на Кузнецком мосту в магазине потребкооперации [2, с.260]. Святогорское имение графа Г.И. Рибопьера было национализировано и прекратило свою историю как дворянская усадьба Потемкиных-Рибопьеров. Сам дом Г.И. Рибопьера, возвышавшийся на гористом

* Впоследствии для сестры Рибопьера была подыскана другая партия – князь Ф. Юсупов, от брака с которым родился молодой Феликс, женившийся на племяннице государя-императора, княгине Ирине. В историю Феликс вошел как убийца Г. Распутина.

Святогорском плато также был разграблен. Некоторые вещи из обстановки дома появляются среди коллекции антиквариата и по сей день. Исследователями биографии графа Г.И. Рибоьера установлено, что во Франции в настоящее время проживает внучка графа – Тамара Аргиловна Вагнадзе [3, с.73].

Литература.

1. **Брагина Т.А. Васильева Н.В.** Путешествие по дворянским именьям Крыма. – Симферополь: «Доля», 2005.
2. **Бутович Я.И.** Мои палканы и лебеди. Воспоминания коннозаводчика.-Пермь, Тридцать три, 2003.
3. Вестник церковной истории, № 2 – М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2006.
4. **Воронин В.** Тот ли это Рибоьер?-Родина, 2007, №5.
5. **Голицын Н.Б.** Поездка в Полуденную Россию к берегам Тавриды в 1844 году // Святые Горы (От забвения к возрождению) – Киев: Полиграфкнига, 1995.
6. **Горчакова Е.** Святогорская Успенская общежительная пустынь – М.: Тип. Л. и А. Снегиревых, 1890, // Научно-вспомогательный фонд Святогорского Государственного историко-архитектурного заповедника (НВФ СГИАЗ) - № 1.
7. Государственный архив Смоленской области, - Ф. 6, - Об. 1, - Д.160.
8. Записки императорского Одесского общества истории и древностей Российских, т. X, 1877.
9. **Клеванов А.** Святогорский монастырь // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских при Моск. ун-те. 2 – М.: 1865
10. **Марков Е.** Святые Горы // Живописная Россия, СПб., 1901, № 49.
11. **Муравьев А.Н.** Святые Горы // Святогорская общежительная Успенская пустынь – М.: Тип. Бахметьева на малой Дмитровке, 1867.

12. **Немирович-Данченко В.И.** Святые Горы, - Донецк: Донбасс, 1990.
13. **Пірко В.О.** Заселення Донеччини XVI- XVII ст., - Донецьк: Східний видавничий дім, 2003.
14. **Половцов А.А.,** Русский биографический словарь (электронная репринтная версия. www.rulex.ru/xpol/tit/titul/htm Потемкин А.М.)
15. Православна Перлина Донбасу: Свято-Успенська Святогірська Лавра (Библ.покажчик) - Донецьк, 2004 - 104 с.
16. Российский государственный исторический архив в Москве. - Ф. 102, ДП, 2, 1894, д.51, ч. 11.
17. Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге. - Ф. 577, - Оп. 45, - Д. 613.
18. Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге. - Ф. - 1040, - Оп. 1, - Д. 225.
19. Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге. - Ф. 1350, - Оп. 312, - Д. 250.
20. **Рибопьер А.И.,** Записки графа Александра Ивановича Рибопьера // Русский архив, 1877, - кн.1.
21. **Рибопьер Г.И.** www.istrodina.com/rodina_articul.php3?id=2194&n=111
22. **Рибопьер Г.И.** www.peoples.ru/sport/heavy-atlete/ribopier/
23. Русская старина, т. XVII. - СПб., 1876.
24. Русские портреты XVIII-XIX вв. Изд. В.К. Н.М. Романова, т.1- М.: Минувшее, 2003.
25. Русские портреты XVIII-XIX вв. Изд. В.К. Н.М. Романова, т. IV- М.: Три века истории, 2000.
26. **Томин Н.А.** Русский Крейцнах и донецкая Ривьера // Исторический вестник. – Тип. А. Суворина, 1912. – Т. СХХVIII.
27. **Филарет (Гумилевский).** Историко-статистическое описание Харьковской епархии. – Отд. I. - М.: Тип. В. Готье, 1852.
28. Харьковский облгосархив. - Ф. 3. - Оп. 71. - Д. 371.
29. Харьковский облгосархив. - Ф. 40. - Оп. 102, - Д. 596.
30. **Хохлова Н.** Діяльність Андрія Муравйова в Києві // Відкритий архів – Київ: Критика, 2004

31. Центральний державний історичний архів України в м. Києві, (ЦДІА України). - Ф.2040, - Оп. 1. - Спр. 50.
32. ЦДІА України. - Ф. 2090. - Оп. 1. - Спр. 92.
33. ЦДІА України.- Ф. 2090. - Оп. 1. – Спр.1518.
34. ЦДІА України. - Ф. 910. - Оп. 1. - Спр. 2.
35. **Шереметєв С.Д.** Воспоминания об Андрее Николаевиче Муравьеве www.kzotov.info

Ил. 1. Светлейший князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический (1739-1791).

Ил. 2. Генерал-поручик и кавалер Василий Васильевич Энгельгарт (1755-1828).

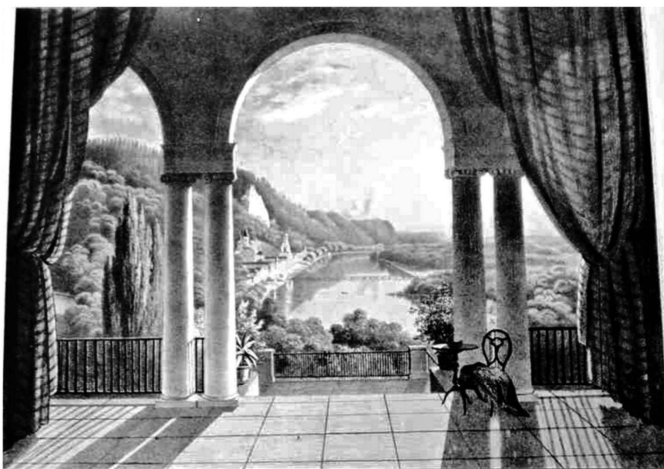
Ил. 3. Карта Святогорского имения /Выкопировка из Генплана Изюмского уезда Слободско-Украинской губернии/ 1797 г.

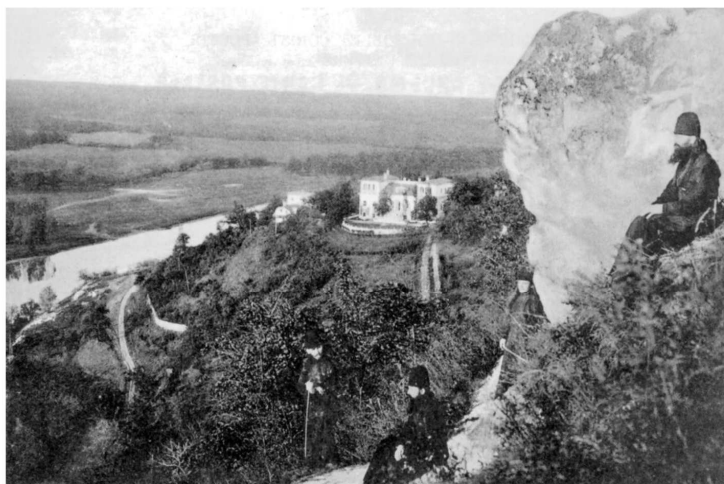
Ил. 4. Княгиня Татьяна Васильевна Юсупова (1769-1841).

Ил. 5. Действительный статский советник, предводитель Петербургского дворянства Александр Михайлович Потемкин (1787-1872).

Ил. 7. Вид с галереи Дома Потемкиных на Святогорский монастырь.
С литографии XIX в.

Ил. 6. Дом Потемкиных. Фото XIX в.

Ил. 8. Граф Георгий Иванович Рибопьер (1854-1916).

Ил. 9. Ресторан в имени графа Г.И. Рибопьера.

Ил. 10. Дачи для высшего сословия в имении графа Г.И. Рибопьера.

Творча палітра Святих Гір (до питання про історію формування мистецької спадщини)

Святі Гори на Сіверському Дінці вже два століття є творчою Меккою для багатьох письменників, поетів, художників. Дослідженням художньої спадщини XIX ст. за тематикою Святогір'я займалися останнім часом краєзнавці з м. Слов'янська О. Духін, Г. Кіркач [5, с.80-85; 6, с.176-182]. В роботах цих авторів були зібрані матеріали про перебування відомих і маловідомих художників XIX ст. в Святих Горах, їх творчі здобутки, присвячені цьому мальовничому куточку Придінців'я. В центрі уваги митців було і залишається зараз яскраве культурне явище на теренах Слобідської України - архітектурний ансамбль XVII – XIX ст. Святогірського Успенського монастиря. В дослідженнях О.І. Духіна та Г.М. Кіркача наведений короткий опис картин Ф. Джунковського [5, с.81-82], Ю. Федерса [5, с.82; 6, с.179-180], О. Кисельова [5, с. 82-83; 6, с.180-181], І. Рєпіна [5, с.83; 6, с.178], С. Васильківського [5, с.83; 6, с.177-178], М.Ткаченка [5, с.84; 6, с.180], В. Зарубіна [6, с.178-179], Ф.Данілова [6, с. 180].

Подальша розробка цієї теми та пошукова робота наукових співробітників Святогірського історико-архітектурного заповідника дозволили залучити до колекції живопису заповідника досить якісні копії картин С. Васильківського [іл. 1, 2], О. Гіне [іл. 3] з фондів Харківських історичного та художнього музеїв.

Значна частина мистецької спадщини XIX ст. створювалась для сакральної архітектури – храмів Святогірського Успенського монастиря. В роботах О.І. Духіна та Г.М. Кіркача наведені історичні свідчення про художника-іконописця XVIII ст. Василя Рудецького, який працював в Святогірському монастирі [5, с. 80; 6, с. 176-177]. На жаль закриття Святогірського монастиря за Указом Катерини II в 1787 р. мало нищівні наслідки для сакрального живопису XVIII ст. „Серед святих ікон та церковного начиння, що залишилось в парафіяльній Успенській церкві після закриття монастиря в 1787 р., особливе ставлення і почесні віддавалися парафіянами і прочанами іконам св.Миколая XVII ст. та Святогірської Божої Матері” [2, с.89]. На жаль, після другого закриття монастиря в 1922 р. ці чудотворні ікони, датовані XVII та XVIII ст., зникли. Але завдяки спискам та літографічним зображенням XIX ст. цих образів сучасники мають

відновлену іконографію ікони св. Миколая [3, с.34-35, іл.6]. З оригіналу образу Святогірської Божої Матері в XIX ст. був зроблений список, який зараз шанується як чудотворний і знаходиться в Успенському соборі Свято-Успенської Лаври [іл. 6]. Іконографія цього списку дещо відрізняється від оригіналу XVIII ст., який зафіксований в багатьох списках XIX ст. [10]. З найбільш автентичного оригіналу XVIII ст. літографічного зображення ікони Святогірської Божої Матері вдалося відновити іконографію ікони Святогірської Божої Матері XVIII ст., яка з 2006 року тимчасово експонується в Слов'янському краєзнавчому музеї [2, с. 90; іл. 5].

Сакральний живопис XIX ст. був представлений іконостасами багатьох храмів Святогірського Успенського монастиря і монументальним розписом інтер'єру та фасадів Успенського собору. За деякими історичними свідченнями автором живопису був художник Андрій Розанов [5, с.81; 6, с. 177]. Частина монументального розпису збереглася в підкупольній частині храму і була реставрована на замовлення Святогірського історико-архітектурного заповідника художником-реставратором А. Марампольським (м. Київ) [7, іл.9]. Олійний живопис на тиньку було реставровано на площі 186 м², але внаслідок недбалості експлуатації покрівлі храму та замкнення західної стіни в інтер'єрі Успенського собору, композиції „Великий Арсеній” та „Великий Пахомій” майже зовсім втрачені [1, с.106]. Необхідна негайна їх повторна реставрація.

Від іконостасу XIX ст. Успенського собору взагалі нічого не лишилось після закриття Святогірського монастиря і реконструкції собору під кінотеатр Будинку відпочинку в 1922 році. Лише єдина ікона „Архангел Гавриїл” [іл.8] з царських врат одного з бокових приділів Успенського собору нагадує про майстерність іконописців XIX ст., які написали на позолоті понад 80 ікон в візантійському стилі для чотирьохярусного іконостасу, зробленого в майстерні художника Степанова в Москві [іл.7].

Не залишився нащадкам живопис іконостасів і інших храмів XIX ст. Святогірського монастиря. В управлінні заповідника до 2000 року знаходились два печерних храми XVII і XIX ст.: підземна церква пр. Антонія і Феодосія та Олексіївська церква в крейдяній скелі. Враховуючи їх сакральну функцію і необхідність реставрації, в 1993 – 1994 рр. були виконані науково-дослідні та художні роботи по відтворенню іконостасів вказаних храмів. Був оголошений своєрідний конкурс, в якому взяли участь художники Донецької та Луганської областей. За висновком наукової ради Донецького художнього музею та Святогірського заповідника, найкращий проект відтворення іконостасу печерних храмів Святогірського монастиря запропонували засл. худ. України Г. Жуков та В. Теличко [8]. Протягом 1993-1994 рр.

були написані 15 ікон для печерного Олексіївського храму XIX ст. та 13 ікон для підземної церкви пр. Антонія і Феодосія XVII-XIX ст. [4,с.39-42; іл.10]. Роботи були завершені наприкінці 1994 р. [іл.11] і 20 січня 1995 р. прийняті комісією за участю священнослужителів та дирекції заповідника [іл.12]. Сам іконостас складається з царських врат, де розміщені ікони чотирьох Євангелістів [іл.14] та композиція «Благовіщення» [іл.15]. Над царськими вратами – ікона «Тайна вечеря» [іл.13]. Праворуч від царських врат - ікона Спасителя та св. Олексія людини Божої [іл.16]. Над ними ікони верхнього ряду – Успіння та Покрова Божої Матері [іл.19]. Ліворуч від царських врат знаходяться ікони Богоматері з немовлям та св. Арсенія Великого [іл.17]. Над ними, в верхньому ряді, ікони Різдва Ісуса Христа та Богоматері [іл.18]. Враховуючи нищівну для живопису вологість печер та значний конденсат від сезонних коливань температури, мідні дошки та полотно були насичені спеціальним розчином, а олійний живопис вкритий шаром воску.

Таким чином, з 1995 року була повністю відновлена сакральна функція печерних храмів і на престольні свята правилась Божа служба ченцями Святогірського монастиря.

Крім іконостасів з 28 сучасними іконами і списками XIX ст. чудотворних ікон св. Миколая і Святогірської Божої Матері, до колекції сакрального живопису заповідника входять ще 18 ікон XVIII-XIX ст. та фонд літографій з зображенням Святогірської Успенської пустині XIX – поч. XX ст. в кількості 10 одиниць.

Творчі традиції художників Репіна, Васильківського та інших, які започатковані в сер. XIX ст. на Святогірських пленерах, продовжують сьогодні художники, які сповідують різні напрямки в сучасному українському живописі.

Тема Святогір'я отримала свій подальший розвиток в 90-х рр. XX ст., коли творчі результати пленерів були представлені на пересувній виставці 1997 р. „Святі Гори очима художників”. Виставка була зібрана за підтримки Благодійного фонду „Духовність і милосердя” (м. Слов'янськ), який очолював ген. директор телекомпанії „Тор”, журналіст Ігор Александров. Після його трагічної загибелі від рук бандитів, фонд припинив свою діяльність. Під час підготовки виставки було налагоджене співробітництво з художниками Донецької області, зокрема М. Корягіним (м. Красний Лиман), П. Шаповаловим (м. Краматорськ), О. Балицьким (м. Слов'янськ). Провідною темою виставки було відображення архітектурної спадщини Святих Гір в образотворчому мистецтві. В 1995-1996 рр. були створені і передані до фондів заповідника роботи „Миколаївська церква”, „Преображенська церква”, „Перебування Вел. княгині Л.Г. Романової в Святих Горах” художника М.Корягіна [іл. 20,21,22]. Тоді ж колекцію живопису

повповнили «Святогірський монастир» О. Балицького [іл.23] та „Крейдяна скеля” П. Шаповалова [іл.24].

Поряд з молодими художниками та аматорами на виставку та до фондів заповідника надали свої роботи відомі майстри засл. художники України В Шендель (м. Донецьк) „Вид Святогірського монастиря” [іл.25], О.Поляков (м. Донецьк) „Святі Гори”, „Травнева зелень” [іл.26,27], Г. Жуков (м. Донецьк) «Русичі» (графіка, скульптура) [іл.28], Володимир та Валентина Теличко (м. Донецьк) „Пробудження” [іл.29], А. Дереза (м. Донецьк) „ Осінь в Святогірську” [іл.30], Б. Єрьомін (м. Донецьк) „Біля Дінця” [іл.31], В. Краснов (м. Харків) „Осінь в Святых Горах” [іл.33], Ю Савченко (м. Слов’янськ) „Миколаївська церква” [іл.32].

Вагому частину виставки „Святі Гори очима художників” склали творчі результати міжнародного пленеру художників, що проходив на базі Святогірського історико-архітектурного заповідника в 1996 р. Представляючи в українському мистецтві новаторський напрям, що набув об’єднуючу назву „інтуїтивізм”, художники О. Міловзорова (м. Київ), М. Журавель (м. Київ), Т. Мисковець (м. Київ), Н. Максимова (м. Макіївка) в незвичній, яскравій манері відтворюють образи Святогірських пам’яток, застосовуючи змішану техніку на папері (О. Міловзорова, іл.34,35), шовку (Н. Максимова, іл. 36), акварель (Т. Мисковець, іл. 39), олію (М. Журавель, іл. 38).

Інша творча група під назвою „Слобожанське буріме” об’єднує художників з м. Харкова. Ядро цієї групи – О. Шеховцов, О. Лазаренко, О. Лисенко, О. Бойчук, В. Грицаненко неодноразово перебували на пленері в Святых Горах. В фондах заповідника зберігається їх спільна робота „Стрітня” [іл.37].

Нещодавно сформувався ще одна творча група харківських художників під керівництвом М. Алатарцева. Наслідком їх творчих виїздів в Святогірськ стали роботи А. Дубровського „Святогірський монастир” [іл.40], В. Ігуменцева „Дубовий гай” [іл.41], М. Алатарцева „ У дворі Святогірського монастиря” та „Садиба Потьомкіних” [іл.42,43]. Остання робота виконана на замовлення дирекції заповідника як ілюстрація до проекту відновлення дворянської садиби XIX ст., розробленого в 2004 році архітектором Г. Дядюшенко (м. Київ).

Результатом плідної роботи на Святогірських пленерах стали персональні виставки в заповіднику художників Костянтина і Марини Князєвих (м. Краматорськ) та Віктора Ендебері (м. Святогірськ). В фондах заповідника представлені їх роботи „Вечірня розмова” К. Князєва [іл.44], „Святогірський монастир” М. Князєвої [іл.45], „Миколаївська церква” В. Ендебері [іл.46],

Колекцію акварелей поповнила в 2005 р. робота „Святогір’я” В. Зеліка з м. Слов’янська [іл.47].

Вагомим творчим результатом співробітництва істориків, архітекторів, дизайнерів, художників є створення 3-х діорам в залах історичного музею Святогірського заповідника. Перший досвід набутий в 1990 році, коли до археологічної експозиції була залучена робота художника В. Краснова „Стоянка первісних людей в ур. Минівський Яр” [іл.48].

В 2002 році при створенні музейної експозиції за темою „Святі Гори в XVI-XVII ст.” харківськими художниками С. Гришко та Т. Ткаченко за участю дизайнера Р. Крючкова була створена діорама-макет Святогірського монастиря XVII ст. в масштабі 1:50 [іл.49]

Через два роки в 2004 р. в залі № 4 історичного музею, на підставі історико-архітектурного обґрунтування і відповідних креслень, була створена монументальна діорама-макет архітектурного ансамблю Святогірського монастиря на період XIX ст. Над проектом працювала творча група з м. Харкова: художник М. Сватула, дизайнери С. Заволока, І. Остапенко, С. Камишан [іл.50]. Передній план діорами складає макет Святогірського монастиря в ландшафті в складі 40 будівель та споруд в масштабі 1:100. Площа об’ємної частини – 15 м². Художня частина діорами складає 24 м².

Таким чином, творча палітра Святих Гір в історичній ретроспективі представляє собою різноплановий монументальний та станковий живопис сакрального та культурологічного характеру. Мистецька спадщина значною мірою збереглася з XIX ст. в пам’ятках Святогірського Успенського монастиря та зібрана в фондових колекціях історико-архітектурного заповідника.

Другим найважливішим здобутком художників сер. XIX – поч. ХХІ ст. є безперервна серія робіт, створених на Святогірських пленерах. Роботи зберігаються і експонуються в багатьох музеях України і за кордоном, приватних колекціях і галереях-виставках, майстернях художників. Статистикою художніх робіт, створених в Святогірську, ніхто не володіє, але і так зрозуміло, що це сотні, якщо не тисячі полотен, об’єднаних єдиною темою Святогір’я. Мізерна частина цієї творчої палітри представлена цією роботою з метою систематизації художніх робіт, зібраних в Святогірському заповіднику на даний час.

Література

1. Дедов В.Н. Проблемы реставрации Успенского собора XIX в. Свято-Успенской Святогорской Лавры в Донецкой области. // Святогірський альманах 2006. Зб. наукових праць. – Донецьк: КЗ

„Державний історико-архітектурний заповідник у м. Святогірську”, 2006 - с. 95-117.

2. **Дедов В.М.** Святогірська Свято-Успенська Лавра – Київ: Техніка, 2005, 152 с.

3. **Дедов В.Н.** Святые Горы. (От забвения к возрождению). Изд. 2 (переработанное и дополненное). – Славянск: Печатный двор, 2004 -220 с.

4. **Дедова Я.Д.** Пещерные храмы Святогорского монастыря (опыт исследования и реставрации). // Материалы исследований, реставрации и использования памятников истории и культуры. Научно-практический семинар. – Славянгорск: Славянгорский государственный историко-архитектурный заповедник, 1995 - с. 35-42.

5. **Духин А.И.** Святогорье глазами художников. // Материалы исследований, реставрации и использования памятников истории и культуры (к 15-летию основания заповедника). - Славянгорск, 1995 – с.80-85.

6. **Духін О.І.,** Кіркач Г.М. Святі Гори в творах художників ХІХ ст. // Проблеми збереження і використання культурної спадщини в Україні. Матеріали Всеукраїнської науково-практичної конференції (на базі державного історико-архітектурного заповідника у м. Святогірськ Донецької області) - . Слов'янськ : Печатний двор, 2005 – с. 176-182.

7. **Отчет** о реставрации живописи в Успенском соборе Славянгорского историко-архитектурного заповедника. – Киев: Киевский межобластной специальный хозрасчетный научно-реставрационный участок УСНРПУ, 1988. – НА СГИАЗ, ф. I, оп.2, д.26.

8. **Проект** відтворення іконостасу печерного храму св. Олексія людини Божої в крейдяній скелі. Авт. Г. Жуков, В. Теличко. Донецьк, 1993. – НА СДІАЗ, ф.І, оп.6, спр.25, 27; Ескізний проект іконостасу підземної церкви пр. Антонія і Феодосія. Авт. Г. Жуков, В. Теличко. 1993 р. – НА СДІАЗ, ф.І, оп. 26, спр. 7.

9. **«Святые Горы глазами художников».** Каталог выставки. Государственный историко-архитектурный заповедник, г. Славянгорск Донецкой области. - Луганск, 1997.

10. **Сказание** о чудотворной иконе Божией Матери Святогорской – Святогорск, Свято-Успенская Святогорская лавра, 2005 – 40 с.

Список ілюстрацій

- Лл. 1. **Васильківський С.** Вид Святих Гір. Кін. ХІХ ст. Полотно, олія, 94х134. (Збірка Харківського історичного музею). Цифрова фотокопія. Науково-допоміжний фонд (НДФ) Святогірського державного історико-архітектурного заповідника (СДІАЗ) № 13288.
- Лл. 2. **Васильківський С.** Святі Гори. Кін. ХІХ ст. П.о., 23х37. (Збірка Харківського художнього музею). Цифрова фотокопія. - НДФ СДІАЗ-13287.
- Лл.3. **Гіне О.** Святогірський монастир. 1864. П.о., 91х158. (Збірка Харківського історичного музею). Цифрова фотокопія. - НДФ СДІАЗ-13286.
- Лл.4. Список чудотворної ікони Святогірської Божої Матері ХVІІІ ст. (за відновленою іконографією). - НДФ СДІАЗ-12954.
- Лл.5. Список чудотворної ікони Святогірської Божої Матері ХІХ ст.
- Лл.6. Святогірський образ Св. Миколая Чудотворця. ХVІІ ст. 3 літографічного зображення ХІХ ст.
- Лл. 7. Іконостас Успенського собору // Види Святих Гір. Фотоальбом. ХІХ – поч. ХХ ст.- Фонд СДІАЗ. Вст. 1212, інв. КБ-118;
- Лл. 8. Ікона „Архангел Гавриїл” з іконостасу ХІХ ст.
- Лл. 9. Живопис ХІХ ст. в підкупольній частині Успенського собору.
- Лл.10. Іконостас підземної церкви пр. Антонія і Феодосія. 1994. **Арх. А. Дашевський, худ. Г. Жуков, В. Теличко.** – НДФ СДІАЗ-11879.
- Лл.11. Монтаж співробітниками заповідника іконостасу печерної церкви св. Олексія людини Божої в крейдяній скелі. 1995.
- Лл.12. Іконостас Олексіївської печерної церкви. Січень 1995. На фото зліва направо худ. В. Теличко, директор заповідника В.Дедов, худ. Г. Жуков.

- Лл. 13. Ікона „Тайна вечеря” . Худ. **Г. Жуков , В. Теличко**. 1994. Мідь, п. о., 50x60. - НДФ СДІАЗ – 11878/3.
- Лл.14. Ікони Євангелістів: „Св. Марк”, „Св. Лука”, „Св. Іоанн”, „Св. Матфій”. Худ. **Г. Жуков , В. Теличко**. 1994. Мідь, полотно, олія, d – 25 см. - НДФ СДІАЗ – 11878/10-13.
- Лл. 15. Ікони „Архангел Гавриїл”, „Діва Марія”. Композиція „Благовіщення” з царських врат Олексіївської печерної церкви. Худ. **Г. Жуков , В. Теличко**. 1994. Мідь, п. о., d – 25. - НДФ СДІАЗ – 11878/10.
- Лл. 16. Ікона „Спаситель”. Ікона „Св. Олексій”. Худ. **Г. Жуков , В. Теличко**. 1994. Мідь, п. о., 155x40. - НДФ СДІАЗ – 11878/8-9.
- Лл. 17. Ікона Богоматері з немовлям. Ікона „Св. Арсеній Великий”. Худ. **Г. Жуков , В. Теличко**. 1994. Мідь, п. о., 155x40. - НДФ СДІАЗ – 11878/6-7.
- Лл.18. Ікона Різдва Ісуса Христа. Ікона Різдва Богородиці. Худ. **Г. Жуков , В. Теличко**. 1994. Мідь, п. о., 20x40. - НДФ СДІАЗ – 11878/1-2.
- Лл. 19. Ікона „Успіння Божої Матері”. Ікона „Покрова Божої Матері”. Худ. **Г. Жуков , В. Теличко**. 1994. Мідь, п. о., 120x40. - НДФ СДІАЗ – 11878/4-5.
- Лл. 20. **Корягін М.** Миколаївська церква Святогірського монастиря. 1996. Полотно, темпера, 40x30.- Фонд СДІАЗ – ЖИ-30.
- Лл. 21. **Корягін М.** Преображенська церква Святогірського монастиря. 1996. П.т.,40x30. -Фонд СДІАЗ – ЖИ-29.
- Лл. 22. **Корягін М.**Перебування Вел. княгині Л.Г. Романової в Святих горах. 1995. П.о., 70x84. - Фонд СДІАЗ – ЖИ-23.
- Лл. 23. **Балицький О.** Святогірський монастир. 1993. П.о., 60x50.- Фонд СДІАЗ – ЖИ-22.
- Лл. 24. **Шапвалов П.** Крейдяна скеля. 1997. П.о., 51x41.- Фонд СДІАЗ – ЖИ-28.
- Лл. 25. **Шендель В.** Вид Святогірського монастиря. 1992. П.о., 60x70. (Зберігається в Свято-Успенській Лаврі).

- Лл. 26. **Поляков О.** Святі Гори. 1997. П.о., 50х50. - Фонд СДІАЗ – ЖИ-27.
- Лл. 27. **Поляков О.** Травнева зелень. 1998. П.о., 51х41. - Фонд СДІАЗ – ЖИ-26.
- Лл. 28. **Жуков Г.** Русичі. Фрагмент у виставковій залі „Західна Башта” Святогірського заповідника. 1996.
- Лл. 29. **Теличко Вл. і Теличко Вал.** Пробудження. 1997.П.о., 60х60.
- Лл. 30. **Дереза А.** Осінь в Святогірську. 1996, 60х80.
- Лл. 31. **Єрѡмін Б.** Біля Дінця. 1996. П.о., 52х41.
- Лл. 32. **Савченко Ю.** Миколаївська церква. 1995. П.о., 40х50.
- Лл. 33. **Краснов В.** Осінь в Святих Горах. 1988. П.о., 49х42. - СДІАЗ-ВХ-21.
- Лл. 34. **Міловзорова О.** Крейдяна скеля з Миколаївською церквою. 1996. Папір, змішана техніка, 33х25. - СДІАЗ-ВХ-24.
- Лл. 35. **Міловзорова О.** Храм, 1996. Папір, змішана техніка, 85х70. - СДІАЗ-ВХ-20.
- Лл. 36. **Максимова Н.** Миколаївська церква. 1996. Шовк, змішана техніка, 33х25. - СДІАЗ-ВХ-23
- Лл. 37. **Лазаренко О, Лисенко О., Шеховцов О.** Стрітєння. 2004. Картон, олія, 43х50. - Фонд СДІАЗ-ЖИ-39.
- Лл. 38. **Журавель М.** Миколаївська церква. 1996. П.о., 40х40. - СДІАЗ-ВХ-19
- Лл. 39. **Місковець Т.** Святогірський монастир. 1996. Папір, акварель, 25х33. - СДІАЗ-ВХ-22.
- Лл. 40. **Дубровський А.** Святогірський монастир. 2007. П.о., 78х97. - Фонд СДІАЗ-ЖИ-51.

- Лл.41. **Ігуменцев В.** Дубовий гай. 2007. П.о., 30х40. - Фонд СДІАЗ-ЖИ-50.
- Лл. 42. **Алатарцев М.** У дворі Святогірського монастиря. 2007. П.о., 70х90. - Фонд СДІАЗ-ЖИ-49.
- Лл. 43. **Алатарцев М.** Садиба Потьомкіних в м. Святогірськ Харк. губ. (за проектом відновлення). 2007. П.о., 70х90. - Фонд СДІАЗ-ЖИ-48.
- Лл. 44. **Князєв К.** Вечірня розмова. 2000. П.О., 60х70. - Фонд СДІАЗ-ЖИ-34.
- Лл. 45. **Князєва М.** Святогірський монастир. 2002. Шовк, батік, 90х57. - Фонд СДІАЗ-ЖИ-38.
- Лл. 46. **Ендеберя В.** Миколаївська церква. 2000. П.о., 70х60. - Фонд СДІАЗ-ЖИ-33.
- Лл. 47. **Зелік В.** Святогір'я. 2005. Папір, акварель, 52х42. - Фонд СДІАЗ-ЖИ-40.
- Лл. 48. **Краснов В.** Стоянка первісних людей в ур. Минівський Яр. 1990. Діорама, п.о. 70х160.
- Лл. 49. **Гришко С., Ткаченко Т., Крючков Р.** Святогірський монастир в XVII ст. 2002. Діорама-макет, п.о., 300х720. - СДІАЗ-НДФ-12200.
- Лл. 50. **Заволока С., Сватула М., Остапенко І., Камишан С.** Святогірський монастир в XIX ст. 2004. Діорама-макет, п.о. 250х950. - СДІАЗ-НДФ-12954.

1. Васильківський С. Вид Святих Гір, кін. XIX ст.

2. Васильківський С. Святі Гори, кін. XIX ст.

3. Гіне О. Святогірський монастир, 1864 р.

4. Список чудотворної ікони Святогірської Божої Матері XVIII ст.

5. Список чудотворної ікони Святогірської Божої Матері XIX ст.

6. Святогірський образ Св. Миколая Чудотворця. XVII ст.

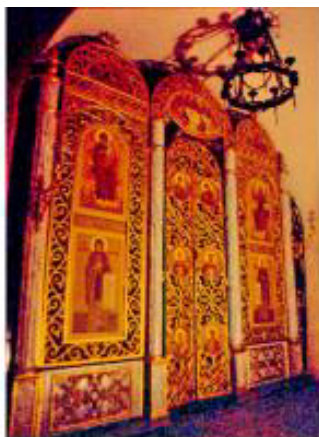
7. Іконостас Успенського собору XIX – поч. XX ст.

8. Ікона „Архангел Гавриїл” з іконостасу XIX ст.

9. Живопис XIX ст. в підкупольній частині Успенського собору.

10. Іконостас підземної церкви
пр. Антонія і Феодосія. 1994.

11. Монтаж співробітниками
заповідника іконостасу
Олексіївської печерної
церкви.

12. Іконостас Олексіївської
печерної церкви.
худ. В. Теличко, директор
заповідника В. Деєв,
худ. Г. Жуков.
Січень 1995.

13. Ікона „Тайна вечеря” . Худ. Г. Жуков , В. Теличко, 1994 р.

14. Ікони Євангелістів:

„Св. Марк”

„Св. Лука”

„Св. Іоанн”

„Св. Матфей”

15. Ікони „Архангел Гавриїл”, „Діва Марія”. Композиція „Благовіщення”

16. Ікона „Спаситель”.
Ікона „Св. Олексій”.

17. Ікона Богоматері з немовлям.
Ікона „Св. Арсеній Великий”.

Худ. Г. Жуков , В. Теличко, 1994 р.

18. Ікона Різдва Ісуса Христа. Ікона Різдва Богородиці. Худ. Г. Жуков, В. Теличко, 1994 р.

19. Ікона „Успіння Божої Матері“. Ікона „Покрова Божої Матері“. Худ. Г. Жуков, В. Теличко, 1994 р.

20. Корягін М.
Миколаївська церква
Святогірського монастиря. 1996.

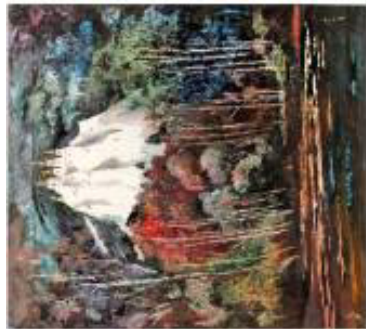
21. Корягін М.
Преображенська церква
Святогірського монастиря.
1996.

22. Корягін М.
Перебування Вел. княгині
Л.Г. Романової в Святих горах. 1995.

23. Балицький О.
Святогірський монастир. 1993.

24. Шаповалов П.
Крейдяна скеля. 1997.

26. Поляков О.
Святі Гори. 1997.

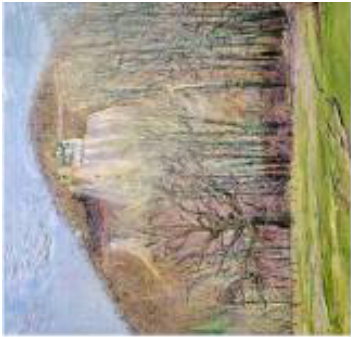
25. Шендель В.
Вид Святогірського монастиря. 1992.

27. Поляков О.
Травнева зелень. 1998.

28. Жуков Г. Русичі. Фрагмент у виставковій залі
„Західна Башта” Святогірського заповідника. 1996 р.

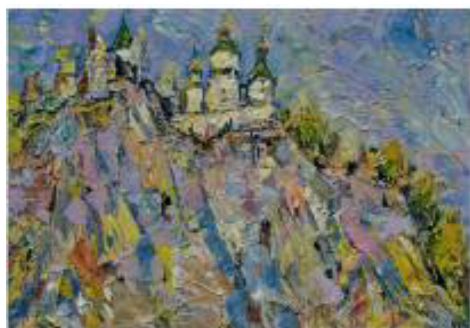
29. Теличко В. В.
Пробудження. 1997.

30. Дереза А.
Осінь в Святогірську. 1996.

31. Єршомін Б.
Біля Дішця. 1996.

32. Савченко Ю.
Миколаївська церква. 1995.

33. Краснов В.
Осінь в Святих Горах. 1988.

34. Міловзорова О.
Храм, 1996.

35. Міловзорова О.
Крейдяна скеля з
Миколаївською церквою. 1996.

36. Максимова Н.
Миколаївська церква, 1996.

37. Лазаренко О., Лисенко О., Шеховцов О.
Стрітення, 2004.

38. Журавель М.
Миколаївська церква, 1996.

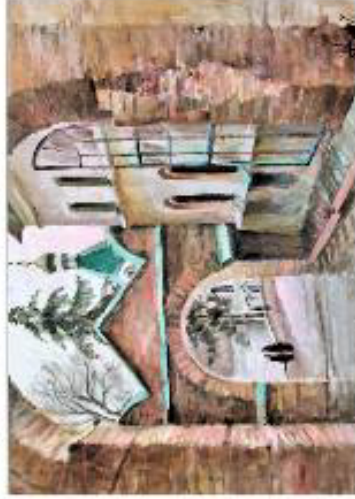
39. Міковець Т. Святогірський монастир, 1996.

40. Дубровський А.
Святогірський монастир. 2007.

41. Ігуменцев В.
Дубовий гай. 2007.

42. Алатарцев М.
У дворі Святогірського монастиря. 2007.

43. Алатарцев М.
Садиба Потьомкіних в м. Святогірськ
Харк. губ. (за проєктом відновлення), 2007.

44. Киязев К.
Вечірня розмова. 2000.

45. Киязева М.
Святогірський монастир. 2002.

46. Ендеберя В.
Миколаївська церква. 2000.

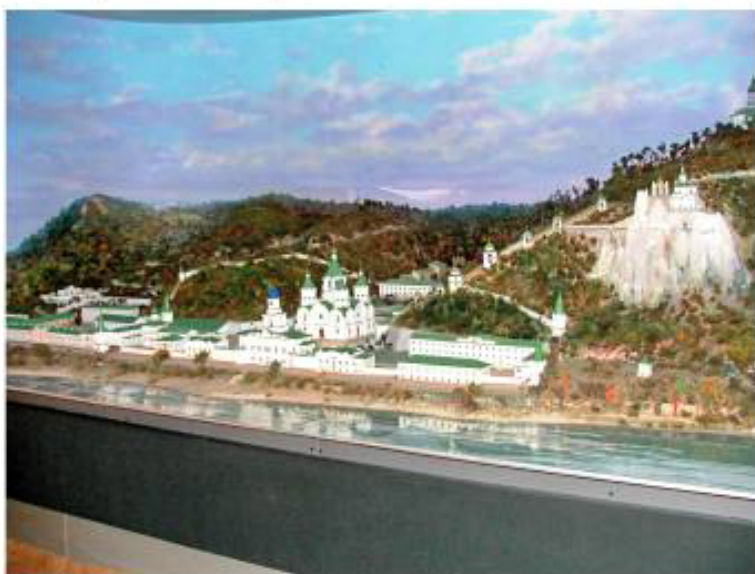
47. Зелік В.
Святогір'я. 2005.

48. Краснов В.
Стоянка первісних людей в ур. Мінківський Яр. 1990.

49. Гришко С., Ткаченко Т., Крючков Р.
Святогірський монастир в XVII ст. 2002.

50. Заволока С., Сватула М., Остапенко І., Камішан С.
Святогірський монастир в XIX ст. 2004.

Формування і роль монастирів в Україні та принципи побудови їх ландшафтно-планувальних схем на прикладі Святогірського Успенського монастиря

Монастирі в Україні виникають десь у другій чверті XI ст. [5]. Літопис уперше згадує про монастирі під роком 1037, коли Ярослав Мудрий оснував чоловічий монастир св. Юрія і жіночий св. Ірини. Каже літописець, що Ярослав особливо любив “чорноризців”, які “почали множитися”, та й інші монастирі почали поставати [8]. Це були перші, так звані “княжі монастирі”, яких пізніше буде багато на Русі, на відміну від самостійних, єпископських та патріарших монастирів. Кожен князь прагнув мати у своїх “добрах” монастир як осередок побожності і культури та хотів залишити по собі пам’ятку – монастир. До них вступали також члени княжих родів, а навіть на старість самі князі.

З роком 1051 в’яється перша вістка про найславніший монастир на Русі – Києво-Печерську Лавру [5]. До печер на березі Дніпра часто заходив молитись на самоті священник Іларіон, що був, правдоподібно, капеланом князя Ярослава Мудрого. У 1051р. Ярослав настановив його першим київським українським митрополитом. Його місце в печерах зайняв преподобний Антоній, родом з Любича, на Чернігівщині, що раніше побував на святій Горі Атос в Греції [2]. Життя у княжих монастирях йому не сподобалося, тому він пішов до печер над Дніпром у Києві. Від Антонія починається історія печерського монастиря. Коло нього зібралося біля двадцяти ченців, а між ними преподобний Феодосій, Варлаам, Нікон, які жили в наближених печерах. Антоній любив самотнє життя, тому поставив ігуменом Варлаама, а сам викопав собі нову печеру. Князь Ізяслав у 1062 році поставив Варлаама ігуменом нового княжого монастиря св. Дмитрія в Києві, а печерські монахи обрали ігуменом преподобного Феодосія [2].

Досі монахи вели у печерах пустинне життя, а з вибором св.Феодосія на настоятеля починається там новий устрій монаршого життя. св.Феодосій з бігом часу змінив у дечому прийнятий устав св. Феодора, пристосовуючи його до обставин монаршого життя на Русі. Так постав у дійсності новий устав – св. Феодосія Печерського. Таким чином, св.Феодосій став засновником спершу Печерського монастиря, а потім і цілого монашого життя на наших землях. Устав св. Феодосія пізніше приймали інші монастирі. Загалом Печерський монастир став

осередком монаршого життя на Русі в наступних століттях. Цей монастир дістав в історії почесну назву – “Мати руських монастирів” [5].

Київська Печерська Лавра стає центром українського монашого життя та його проповідником на цілому європейському Сході. Можна сказати, що до XVII ст. вона є осередком всього українського монашества, його духовним, хоча може і не організаційним та адміністративним центром. Є безспірним фактом, що перед тим, як прийняти монашество молоді хлопці часто-густо спочатку вважали за необхідним отримати благословіння якого-небудь старого монаха з Київської Печерської Лаври та поклонитись Святим мощам преподобних Антонія та Феодосія. Ось як розказується про життєвий вибір преподобного Серафима Соровського служінню Богу в публікації А.Н. Стрижева: “Юного Прохора (ім’я святого Серафима до прийняття монашого стану) влекла к себе Соровская пустынь, но ему хотелось сперва проверить свое решение для выбора места для подвигов. Для этого отправился он в Киев, чтобы в Печерской Лавре – колыбели русского иночества – помолится у Святых мощей первых русских иноков Антония и Феодосия, - а затем принять наставление, благословение и указание от какого-либо старца, опытного в духовной жизни” [6].

Крім цього, за історичними даними саме ченці з Київської Печерської Лаври ставали засновниками нових монастирів по Україні. Як правило, для влаштування монаших келій вибирались печерні утворення в скалах. Це, по-перше, давало можливість розраховувати ченцям тільки на свої власні сили. По-друге, печерне життя забезпечувало основне правило монашого життя – жити осторонь від зовнішнього світу. Крім цього, життя в печерах забезпечувало більшу схоронність від нападу грабіжників.

Так за однією із можливих версій відомого історика Петра Шкраб’юка, засновниками одного із найбільших монастирів на західних теренах нашої держави – Крехівського монастиря були ченці вихідці із Київської Печерської Лаври: Йоїл та Сильвестер (Крехів) [9]. Подібно одним із можливих засновників Святогірського Успенського монастиря був чернець Нікон Печерський – виходець з Київської Печерської Лаври [4].

За монашими правилами монастирі, як правило, не об’єднувались в якусь більшу одиницю. Кожен монастир був самостійним незалежний, крім від єпископа чи митрополита. Ченці самі вибирали собі ігумена. За літописними даними на Русі нараховувалося більше 70 монастирів, що були засновані по містах чи близько них, фундаторами яких в переважній більшості виступали князі. На Галичині на той час за неповними даними діяло 9 монастирів. Поставали

монастирі по цілій руській землі: Київщині, Чернігівщині, Волині, Поліссі, в Галичині (Галич, Синевідсько, Перемишль, Пліснесько та ін.).

В Україні були поширені монастирі (лаври), де ченці (лавріоти) жили разом.

Цей розвиток монаршого життя в українській церкві в перших її століттях є доказом християнської зрілості, запалу духовного життя народу. Бо ті, що прагнуть до християнської досконалості, є мірилом релігійного життя народу, його духовного рівня.

Монаший стан надавав велику допомогу церкві. Він у першу чергу давав гідних осіб на найвідповідальніші церковні становища, на найперших українських єпископів і митрополитів. Далі, монаший стан тодішньої церкви значно причинявся до того, щоб ухристиянізувати життя, побут, звичаї українського народу, що був вийшов із поганського покоління.

Однак, не менший внесок монашество зробило для української культури. Монахи започатковували освітні школи. Перші літературні пам'ятки маємо від монахів. І цілу історію нашого народу перших століть завдячуємо саме їм. Українські літописи, з яких довідуємося про ранню історію нашого народу – це справа монаших рук.

Та й на політичне життя монахи в перших століттях української християнської історії мали свій вплив. У них і в політичних справах радилися князі. Монахи не раз були посередниками в полагодженні братніх міжусобиць поміж князями. Їх використовували князі для високих місій (наприклад, король Данило вислав ігумена Григорія до Римського папи до Ліону і Риму).

Як правило, монастирі вели домашнє господарство автономно, чим гарантували собі надійне постачання продуктів харчування. Часто-густо монастирі було великими землевласниками, що дозволяло ченцям виробляти, обмінювати, продавати сільськогосподарські продукти і тим самим забезпечувати себе всім необхідним. Крім цього, ченці займалися дрібним кустарництвом, виготовляли речі культового призначення, мали свої власні друкарні, друкуючи не тільки релігійну, але й високо моральну духовну та мистецьку літературу. Тому на територіях великих монастирів, крім чисто культових споруд, часто зводились будівлі, що мали суто виробничє призначення: кузні, токи для переробки збіжжя, пекарні, печі для випалу цегли, друкарські цехи та інші споруди.

Не малу роль відігравали монастирі в обороні держави від кочових племен, виконуючи роль військових форпостів. Часто-густо монахи самі безпосередньо бралися за зброю, захищаючи батьківщину від ворога. Так про гарячі дні цього часу свідчить надпис на одному із пам'ятників, що незабаром був встановлений неподалік від м.Львова на згадку про героїство одного із ченців Крехівського монастиря: “Під час облоги Львова 1672 р. татари враз із Петром Дорошенком розпустили

свої загони по прилеглий околиці. Сплондрувавши Магерів, орда, повертаючись, розбила обоз навпроти монастиря оо. Василіан, за мурами якого ховалися люди різного стану з худобою. З гармати, що досі ще зберігається, вистріляна ченцем куля забила на цьому місці 25 вересня 1672 р. татарського провідника в наметі, через те й ворог утік. На пам'ятку цього успіху поставлений пам'ятник” [9].

Монастирі були не тільки центрами суспільно-культурного життя, але й центрами духовного відродження людей. Як правило, при кожних монастирях були чудотворні ікони тих чи інших святих. Тому монастирі були і зараз є центрами паломництва віруючих людей. На прикладі Крехівського монастиря, сьогоднішні прочани, як і сто, двісті, триста років тому – “морем заливають” монастир. За даними працівників історико-архітектурного заповідника, на території якого знаходиться Святогірський Успенський монастир, за вихідні дні цей монастир відвідує звідусіль до п'яти тисяч прочан. Краса храмів, мелодії дзвонів, древні печери, чудотворні ікони і святі моці, Миколаївська церква на скелі, та й сама слава Святих Гір, які обмиваються Сіверським Дінцем – все це бентежить душу і наповнює тихою радістю серця прочан, які прибувають на цю святу землю.

Тому, ця функціональна особливість обов'язково враховувалась при розробці архітектурної планувальної схеми того чи іншого монастиря. З цією метою відводились великі земельні майданчики з відповідним санітарно-гігієнічним облаштуванням для розміщення прочан. Часто для проживання прочан будувались будинки готельного типу.

Особливе значення монастирів, як центри духовного відродження, набувають в наш час, після більшовицького войовничого атеїзму, коли бездуховне, безморальне суспільство потребує особливих ін'єкцій духовності для відродження основ християнського життя. На сьогодні за даними статистики налічується всього 365 монастирів, коли тільки в м. Львові в середині XVII ст. налічувалось їх 36 [4]. Великого значення набувають Укази Президента та рішення уряду України щодо повернення культового майна релігійним організаціям, в т. ч. монастирям.

З проведених досліджень Вікторії Тарас [7] дізнаємося, що розташування монастиря в ландшафті вибиралося відповідно до зовнішньоекономічного та зовнішньополітичного стану держави та можливості використання в архітектурній композиції монастиря наявного ландшафту. Композиція монастирського саду, та його ландшафтно-планувальна схема формується в залежності від місця розташування монастиря в ландшафті.

Ландшафтно-планувальні схеми, які використовувались в кінці XVIII ст. на початку XX ст. для композиційного рішення

монастирського саду, і які є збереженими на кадастрових картах та дійшли до наших днів, були скомпільовані протягом тисячолітньої історії християнства. Розміщення монастирського комплексу в зовнішньому середовищі та подальший розвиток його ландшафтно-планувальної схеми в ландшафті підпорядковано певним традиціям, часовим межах та етапам розвитку.

Згідно з літописними свідченнями та даними археологічних розкопок, перші монастирі та церкви споруджувались в X-XI ст. в княжих містах на місці язичницьких святинь. Розташування монастирського комплексу на місці язичницької святині вплинуло на ландшафтно-планувальну схему монастиря, в основу якої були покладені власні дохристиянські традиції ландшафтно організації сакральної території.

Структура сакральних язичницьких об'єктів складалася із святого місця та громадської зони. Святе місце язичників розміщувалося на природних пагорбах або підвищеннях. Неодмінним атрибутом святого місця була вода: джерело, потік або культовий колодязь зі святим деревом. Святі дерева, гаї, джерела стають основою і першими ландшафтними одиницями майбутнього монастирського саду – одного із чільних елементів монастирського комплексу.

Ці перші природні ландшафтні одиниці, включені в планувальну структуру монастирів, змінюють своє функціональне призначення: язичницько-ритуальне та утилітарне на християнсько-символічне та декоративне. Вони переходять від домінуючого положення до участі в організації простору храмів та монастирів. У цей час з'являється новий тип сакрального саду – монастирський сад, “вертоград”, тобто сад огорожений. Це явище можна пояснити декількома причинами: по-перше, впливом язичницької традиції огорожувати (частоколом) свої сакральні об'єкти. За припущеннями В. Тарас монастирі, які розташовувалися на місці язичницьких святилищ, перейняли і використовували на початках свого існування сакральні язичницькі межі та огорожу. По-друге, це було пов'язано з християнською символікою Раю, прообразом якого є монастирський сад на землі. По-третє, не можна не зважати і на той факт, що в період раннього середньовіччя монастирі закладалися князями, тобто були княжими, і знаходились “поза двором теремним”, в дитинці. Тому огорожа несе також і утилітарну функцію – оборонну – забезпечення перед нападами.

За задумами архітекторів монастир також і за своїм функціональним призначенням має концентрувати увагу в межах ділянки, на якій він розташований. Ця концентрація досягалася огороженням монастирських споруд та їх оточення.

Обгородження разом з об'єктом монастиря сприймається як єдиний ландшафтний елемент, не тільки ззовні, але і в середині монастиря. Виникає монастирський комплекс, який має свій сакральний мікроландшафт, центром якого є сакральні одиниці: церква, священне дерево, джерело. Появляється розподіл на функціональні зони в середині монастиря.

Тип монастирського саду – “вертоград” – був вироблений на основі вікового досвіду пращурів. Він став підсумком вікових традицій дохристиянського ландшафтного мистецтва та основою для подальшого розвитку. З нього починається розвиток сакрального садово-паркового мистецтва.

У середині XI ст. поступово змінюється соціальна природа сакрального мистецтва. Принципи розміщення монастирського комплексу в ландшафті залишаються такими самими, як і в попередні часи. Монастир будують на пагорбі, ділянка якого є відчутним зоровим елементом. Розташування монастиря відносно рельєфу підвищувало архітектурну виразність монастирських споруд, та сприяло гармонії з навколишнім оточенням. Монастирський сад “вертоград” розвивається далі, під впливом нових функцій, які має виконувати монастир, планувальна схема саду стає впорядкованою, з'являються посаджені квіти та фруктові дерева, основною функцією яких стає декоративна.

Починаючи з XIII ст. відбувається занепад Київської держави та перенесення з Києва політичного та культурного центру на Захід та на Північ. Настає період татаро-монгольського ярма. За такої політичної ситуації монастирі в XIII ст. потребують оборони від ворожих нападів. Монастирське будівництво пристосовується до нових умов життя, появляються невеликі оборонні монастирі, з міцними баштами, амбразурами та сільницями.

Типова архітектурна форма будівель монастиря являє собою чотирикутник обведений високим муром із чотирма сторожовими баштами по кутах [9].

Принципи розташування монастиря в ландшафті залишаються такими самими, що і в ранньому середньовіччі, окрім того вони доповнюються новими ландшафтно-планувальними схемами. Поява оборонних стін дала змогу розташувати монастир не тільки на підвищенні але й в урочищах, улоговинах, ярах.

Будують монастирі в природно недоступних місцях, на горах, які, по можливості, обмивають потоки води або в недоступних лісах, в урочищах, улоговинах, ярах. Найчастіше вибирали гору, що виходила рогом або мисом до двох ярів, які сходилися в тому місці. Монастир відгороджували ровом і валом, а навкруги ставили стіни, спочатку дерев'яні, потім муровані. Монастир представляв собою ансамбль

споруд, які були оточені фортечними стінами, з вбудованими бойовими вежами.

В основу будівельних принципів, які існували з XIII по XVI ст., була закладена концепція укріпленого монастирського подвір'я, у межах якого досягалося функціональне зонування. Будівлі приєднувалися до внутрішньої сторони зовнішніх стін, вони містили переважно чернечі та паломницькі келії. В центрі монастиря розміщувалась церква, при ній монастирський сад з джерелом води. Утилітарна діяльність монастиря проходила по периферії ансамблю. При такій схемі розташування монастирського комплексу в ландшафті монастирський сад може розвиватись тільки шляхом ускладнення планувальної структури. Вона стає замкненою, регулярно – хрестоподібною, набуває символічного значення.

Зміна соціальних, політичних факторів у церковному житті та в державі призводить до збільшення вже у другій половині XVI ст. кількості ченців в монастирях, і як результат – частина старих монастирів розширюються, закладаються нові. Завдяки чому починається бурхливий розвиток монастирського господарства. Все це вимагало нової організації побуту і простору, яка повинна була забезпечити всі потреби монастирського життя як самостійно існуючого організму, без мирського зовнішнього втручання.

Дослідження Є. Водзинського показують, що основними чинником, який визначає різноманіття встановлених функціональних схем є розмір монастиря [1]. Функціональні потреби, які виникають в XVI ст., вимагають території, на якій би розвивався монастир. Таким чином, відбувся конфлікт між застарілим, замкнутим у собі, переважно сакральнo-господарським організмом середньовічних монастирів і висуненими епохою новими вимогами до сакрального будівництва. Саме тоді подвір'я зростає в обсязі, звільняючи місце для нових, репрезентаційних та культурно-просвітницьких функцій. Розвиток монастирського комплексу, який здійснюється за рахунок збільшення площі в ландшафті, має декілька структурних схем розширення в природному середовищі. Схеми подальшого розвитку в ландшафті існуючих монастирів залежать від попереднього місця розташування монастиря. Виділяють п'ять таких планувальних схем монастирських комплексів [Іл. 1].

Перша схема, це коли монастир знаходиться на “підвищенні”, при розширенні він розвивається залежно від топографії “підвищення”. Якщо це скеля або похилий пагорб, то монастир з вершини переноситься вниз у підніжжя пагорба. Ця схема розвитку, коли монастир “з’їжджає” вниз пагорба, була дуже поширена в XVI ст.

Друга схема розвитку монастирського комплексу в ландшафті – це коли монастир знаходиться на “підвищенні” з пологим схилом. Така

схема має два варіанти розміщення монастиря та його саду. Перший це коли монастир, як і в першій схемі, “з’їжджає” вниз, сад займає пологий схил пагорба. Другий варіант цієї схеми, коли монастир залишається на вершині пагорба, а сад розміщується на пологому схилі. В обох варіантах цієї схеми, монастирський сад займає похилу площину схилу, яка й визначає ландшафтно-планувальне вирішення саду у вигляді терас. За таким розвитком монастирського комплексу, перші сакральні одиниці саду залишаються замкненими в середині монастиря, а новий монастирський сад вноситься за межі старих монастирських стін. Він вже не замикається монастирськими спорудами. Новий монастирський сад займає схил пагорба і розташовується на горизонталях у вигляді системи терас. При розташуванні саду на схилі функціональне зонування розподіляється на тераси на різних рівнях. Для зв’язку між терасами використовують доріжки в вигляді пандусів, сходи.

Третя схема розвитку монастирського комплексу в ландшафті - коли монастир знаходиться в урочищі, улоговині або яру. Монастирі, які освоїли такі форми рельєфу як вузькі річкові долини, балки та яри при будівництві та подальшому розвитку монастирського комплексу – використовують цілком інші прийоми вирішення ландшафтно-композиції монастирського саду, а ніж розглянуті раніше.

Визначальним чинником композиції монастирського саду, розташованого в урочищі, є наявність схилів, що обмежують простір із двох сторін, і вузької горизонтальної площини днища, зайнятого водостоком або заплавою. У такому випадку завжди є головна повздожня просторова вісь, яка стає композиційним каркасом всього монастирського саду. Уздовж тієї осі звичайно проходять головні алеї, розміщуються основні сакральні та садові споруди, значні репрезентуючі або рекреаційні майданчики. Характерною прикметою є і те, що бічні схили – борти долу – завжди знаходяться у полі зору, підкреслюючи природний, непорушений стан середовища, в якому знаходиться монастир. При такій обмеженості простору з двох сторін, прямі і широкі ділянки монастирського саду, як правило, змінюються різними поворотами. Така специфіка рельєфу впливає на ландшафтно-планувальну схему монастирського саду. Основні сакральні та садові споруди, місця, де найбільше бувають ченці, розміщуються на просторих ділянках, які є найбільш інсоляційні, особливо протягом другої половини дня, коли ченці знаходяться в саду. Вузькі затінені місця використовуються для зв’язку між основними широкими ділянками саду, які композиційно членують лінійний простір на визначені відрізки. При пересуванні по повздожній осі особливо важливими є торці широких ділянок та їх повороти, вони довго знаходяться в полі зору.

Монастирський сад, який безпосередньо розташований в межах урочища, або яру, характеризується визначеною замкненістю простору. Ця властивість даної форми рельєфу відповідає суті монастирського життя, - відгородження від всього мирського.

Четверта ландшафтно-планувальна схема розвитку утворюється при розміщенні монастирських садів на яружній території або на базі використання великого тальвегу. Вона багато в чому нагадує розміщення монастирського саду в долині, але має і свої особливості. У структурі рельєфу яружного саду можна виділити такі основні частини: верхнє плато (де знаходяться монастирські споруди та перші сакральні природні одиниці), основний стовбур яру і його бічні гілки (де розташовується пейзажний сад, який переходить у відкриту зону) та вихід яру до відкритого простору (де розташовується монастирський сад з регулярними посадками). Розміщення монастирського саду на яружній території композиційно підкреслює природну архітектуру рельєфу.

П'ята ландшафтно-планувальна схема появляється також в XVI ст. Її основою є рівнинний рельєф. Вона з'являється тоді, коли монастирі розміщуються на горизонтальних ділянках ґрунту. Монастирський сад на рівнинній місцевості має мінімум обмежень для проектування, але викликає найбільші труднощі архітектурно-художнього плану, бо треба вміти відчутти нюанси рельєфу, спробувати використовувати в композиції малопомітні нерівності земної поверхні, побачити і розвинути те, що здається лише натяком, перетворити ту чи іншу деталь в істотний чинник ландшафтно-архітектурної організації саду.

Історіографія Святогірського Успенського монастиря останнім часом поновилась дослідженнями монографічного характеру, які висвітлюють етапи формування архітектурного ансамблю монастиря починаючи з печерного періоду його існування [3]. В історії Святогірського монастиря відбулися декілька вище визначених ландшафтно-планувальних схем.

Святогірський Успенський монастир початково був організований в східній крейдяній горі, хоча рельєф місцевості цілком дозволяв його будівництво на відносно доступному та просторому березі ріки Сіверський Дінець в улоговині між східною та західною крейдяними горами. На підставі цього можна припустити, що його формування відбувалось в період складного соціально-політичного становища зовнішньою небезпекою, що вимагало від засновників зробити вибір планувальної схеми монастиря, яка б найбільше забезпечувала його обороноздатність. Виходячи з цього, формування Святогірського Успенського монастиря правдоподібно відбулося після XIII ст. Перші відомості про Святі Гори датуються початком XVI ст.

Цей монастир був влаштований таким чином, що з келій, видовбаних в горі чітко проглядалась вся північна територія навпроти монастиря. Окрім цього, біля підніжжя гори з тієї ж сторони протікає ріка Сіверський Дінець, яка сприяла збільшенню оборонності монастиря. Тому, можна припустити, що монастир використовувався як дозорний форпост в період колонізаційних процесів в початковий період формування території Слобідської України. Цей перший період в історії Святогірської обителі має суто печерний характер, а розташування її на версі крейдяної гори відповідає принципам ландшафтно-планувальній схемі пагорба [Лл.1, 1.4].

В подальшому (XVII ст.) Святогірський монастир „з’їжджає” на подол і формує комплекс дерев’яних споруд з новою церквою св. Петра і Павла на березі Сіверського Дінця [3, с.88-82]. На пагорбі залишаються перші сакральні одиниці (стара печерна Успенська церква, цвинтар, печерні келії). Це відповідає ландшафтно-планувальній схемі монастирів „крутий схил” [Лл.1, 1.5].

В XVIII ст. Святогірський монастир формує нову ландшафтно-планувальну схему, розвиваючи монастирський комплекс в улоговині Святих Гір [Лл.1, 1.6]. Центральним архітектурним елементом стає кам’яна Успенська церква та надбрамна дзвіниця з Святими вратами [3, с.83-94].

В XIX ст. ця ландшафтно-планувальна схема має свій подальший розвиток. З’являються тераси, на яких розташовані 2 ряди споруд монастиря по лінії схід-захід [3, с.95-139].

Проведені дослідження історичних аспектів становлення монастирських комплексів на території України і в т.ч. Святогірського Успенського монастиря в м. Святогірську Донецької обл. дозволяють стверджувати наступне.

1). Монастирі поряд із іншими архітектурними формуваннями є цінними в пізнавальному та науковому плані об’єктами містобудівної спадщини. Тому пріоритетним і надзвичайно важливим є оцінка їх культурної цінності в цілому, а не лише окремих їх архітектурно-формуючих об’єктів.

2). Якщо взяти культурний потенціал містобудівної спадщини таких комплексів за одне ціле, то і як в інших випадках оцінки цінності спадщини, потенціал кожної з категорій його об’єктів повинен бути на рівні категорії всього архітектурного комплексу. Виходячи з цього, за твердженням фахівців, переважна більшість монастирів як об’єктів архітектурно-містобудівної спадщини, за прикладом організації охорони пам’ятки Святогірського Успенського монастиря в м. Святогірську Донецької обл., повинні охоронятись як пам’ятки містобудування загальнодержавного значення.

Література:

1. **Водзинський Є.** Історичні міста України: дослідження та охорона спадщини Архітектурна спадщина України. Вип. 3, част.1 Питання історіографії та джерелознавства української архітектури/ За ред. В Тимофійенка. – К.: Українознавство, 1996.
2. **Войнар М.** Василяни в українській народі - Нью-Йорк, 1950.
3. **Дєдов В.М.** Святогірська Свято-Успенська Лавра – К.: Техніка, 2005.
4. Досягнення у сфері релігійної свободи. - Урядовий кур'єр від 27.01.2004р. №15.
5. **Мудрий С.** Нарис історії Церкви в Україні.- Рим, 1990.
6. **Стрижев А.М.** Житие преподобного Серафима Саровского// Литературная учеба, кн. V, октябрь-сентябрь, - М, 1990.
7. **Тарас В.** Принципи розташування монастирських садів Східної Галичини в ландшафті. Народознавчі Зошити // Двомісячник Інституту народознавства Національної Академії Наук України. – Л.: Атлас, 2000. - №2.
8. **Федорів Ю.** Історія Церкви в Україні - Люблін, 1991.
9. **Шкраб'юк П.** Крехів: Дороги земні і небесні. – Л.: Місіонер, 2002.

1. Ландшафтно-планувальні схеми на основі пагорба

13. 20 X ст. Сходи в частотал. джерело (рай. джерело) сад

12. 2X ст. джерело (рай. джерело) сад

11. 1 ст. М-МІІ ст. повномонастирського саду «ВЕРТОГРАД»

Розиток або вастає шляхом укрупнення замкненої ландшафтно-планувальної схеми на основі пагорба.

Власна форма саду «ВЕРТОГРАД»

або підвищення

зображення «Вертоград» на давньоруській іконі

сад П'ятикласного обробного монастиря

2. Ландшафтно-планувальні пагорба.

14. 2 XIV ст. по XVI ст. обгороді монастиря в міграх.

3 XII ст. до XVI ст. ровиток ландшафтно-планувальної схеми на основі пагорба, улоговини, ярів.

Монастир св. Юра у Львові, терасний сад.

В 15-й пол. XVII ст. виникло конфліктне ситуація між функціональними можливостями монастиря та сакраментальною ландшафтно-планувальною схемою. Новий сад вноситься за оточення мури.

Схеми на основі:

УЛОГОВИНИ

ЯРУЖНОЇ ТЕРИТОРІЇ

1.1. 1.2.

1.3. 1.4.

1.5. 1.6.

1.7. 1.8.

1.9. 1.10.

1.11. 1.12.

1.13. 1.14.

1.15. 1.16.

1.17. 1.18.

1.19. 1.20.

1.21. 1.22.

1.23. 1.24.

1.25. 1.26.

1.27. 1.28.

1.29. 1.30.

1.31. 1.32.

1.33. 1.34.

1.35. 1.36.

1.37. 1.38.

1.39. 1.40.

1.41. 1.42.

1.43. 1.44.

1.45. 1.46.

1.47. 1.48.

1.49. 1.50.

1.51. 1.52.

1.53. 1.54.

1.55. 1.56.

1.57. 1.58.

1.59. 1.60.

1.61. 1.62.

1.63. 1.64.

1.65. 1.66.

1.67. 1.68.

1.69. 1.70.

1.71. 1.72.

1.73. 1.74.

1.75. 1.76.

1.77. 1.78.

1.79. 1.80.

1.81. 1.82.

1.83. 1.84.

1.85. 1.86.

1.87. 1.88.

1.89. 1.90.

1.91. 1.92.

1.93. 1.94.

1.95. 1.96.

1.97. 1.98.

1.99. 1.100.

3. Ландшафтно-планувальні схеми на основі пагорба

15. 1 XVI ст. по XX ст. КРУТИЙ СМІЛ

16. ПОЛОГИЙ

17. СХИЛ

18. ТЕРАСНИЙ

19. Сад розвивається по території «Жаково» вил.

20. Сад розвивається на вужій обі улоговини.

21. Сад розвивається на вужій території «Жаково» вил.

22. Сад розвивається на горизонтальній ділянці.

Монастир «о Жаково» вил., на пагорбі зашишаються перші сакральні олімпій монастирський сад, джерело, ванштар, стара церква або каплиця.

ПЕРИПЛАНОВА МОНОАСТЕРСЬКА САД «ЖАКОВО» ВІЛІА

1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12. 13. 14. 15. 16. 17. 18. 19. 20. 21. 22.

Схеми на основі:

УЛОГОВИНИ

ЯРУЖНОЇ ТЕРИТОРІЇ

1.1. 1.2.

1.3. 1.4.

1.5. 1.6.

1.7. 1.8.

1.9. 1.10.

1.11. 1.12.

1.13. 1.14.

1.15. 1.16.

1.17. 1.18.

1.19. 1.20.

1.21. 1.22.

1.23. 1.24.

1.25. 1.26.

1.27. 1.28.

1.29. 1.30.

1.31. 1.32.

1.33. 1.34.

1.35. 1.36.

1.37. 1.38.

1.39. 1.40.

1.41. 1.42.

1.43. 1.44.

1.45. 1.46.

1.47. 1.48.

1.49. 1.50.

1.51. 1.52.

1.53. 1.54.

1.55. 1.56.

1.57. 1.58.

1.59. 1.60.

1.61. 1.62.

1.63. 1.64.

1.65. 1.66.

1.67. 1.68.

1.69. 1.70.

1.71. 1.72.

1.73. 1.74.

1.75. 1.76.

1.77. 1.78.

1.79. 1.80.

1.81. 1.82.

1.83. 1.84.

1.85. 1.86.

1.87. 1.88.

1.89. 1.90.

1.91. 1.92.

1.93. 1.94.

1.95. 1.96.

1.97. 1.98.

1.99. 1.100.

Дядюшенко Г.А.
Дутка І.І.
Дедов В.М.

**Досвід дослідження
впливу новобудов на пам'ятки
сакральної архітектури
Святогірської Свято-Успенської Лаври**

Дослідження культурної спадщини в Україні, зокрема нерухомих об'єктів сакральної архітектури мають віковий досвід, починаючи з часу підготовки і проведення XII Археологічного з'їзду в Харкові. За цей час визначені напрями і види досліджень, обґрунтована наукова методологія. Результати досліджень мають багатовекторне використання, перш за все в пам'яткоохоронній діяльності, консервації і реставрації як окремих пам'яток, так і цілих архітектурних комплексів [1; 15].

Разом з тим, особливості сучасного етапу соціально-економічного розвитку в Україні, панування ринкових відносин у всіх сферах суспільного життя, введення приватного капіталу в містобудівну галузь та забудова вільних земельних ділянок в містах, створюють певну загрозу збереженню цінних історико-культурних об'єктів, традиційного історичного середовища. Значна кількість фактів втручання новобудовами в історичну забудову, а іноді і знищення об'єктів культурної спадщини доводять, що пам'яткоохоронне законодавство не має належного практичного застосування, а органи охорони культурної спадщини так і не сформовані в єдину державну систему захисту культурної спадщини в Україні.

Про необхідність термінового створення цілісної системи органів охорони культурної спадщини було зазначено в резолюції Всеукраїнської науково-практичної конференції, присвяченої проблемам збереження культурної спадщини в Україні, що проходила в м. Святогірську в 2005 році [15].

Незважаючи на низку підзаконних актів затверджених Урядом останнім часом в галузі пам'яткоохоронної діяльності, зокрема обмеження господарської діяльності на історико-культурних землях [10], упорядкування надання дозволів на проектні і підрядні роботи на територіях пам'яток і в їх охоронних зонах [11], новобудови продовжують з'являтися не тільки серед історичної забудови міст, але і в межах історико-культурних заповідників, які становлять за визначенням законодавства „виняткову антропологічну, археологічну, естетичну, етнографічну, історичну, мистецьку, наукову чи художню цінність” [14].

Державний історико-архітектурний заповідник у м. Святогірську Донецької області створений в 1980 р. за рішенням Уряду України на базі комплексу пам'яток XVII-XIX ст. Святогірського Успенського монастиря [13]. Майже 40 будівель і споруд, серед яких більшість збереглася з XVII-XIX ст. розташувались серед мальовничих Святих Гір на правому березі Сіверського Дінця [Іл. 1]. Територія пам'ятки складає 9 га, на яких відновлено на поч. 90-х рр. XX ст. функціональне призначення комплексу (в 1992 р. відновив свою діяльність Святогірський Успенський чоловічий монастир, який в 2004 році за рішенням Св. Синоду УПЦ набув статусу Лаври). Відновлено первісне зонування території монастиря, умовно відокремлена житлова (келійна) зона на заході ансамблю, храмова – в центрі, господарська – на півдні, готельна – на сході. Готельний двір складається з 4-х окремих будівель XIX ст., серед яких виділяється своєю монументальністю, ордерними елементами і вишикуванням оздобленням „дворянський готель” (народна назва) [Іл. 2]. Будівля готелю взята на облік та під охорону держави як пам'ятка архітектури ще в 1979 р. [8]. Одночасно пам'ятка має всі ознаки пам'ятки історії, оскільки в готелі зупинялись і мали свої творчі здобутки відомі майстри української, російської та світової культури, наприклад: художники Рєпін, Васильківський, письменники і поети Чехов, Бунін, Тютчев, Немирович-Данченко [2, с.133-134]. Вказана пам'ятка і вплив на неї новозбудованої споруди в 20 м від парадного фасаду стали предметом дослідження фахівців заповідника, архітекторів-реставраторів, мистецтвознавців та оцінщиків нерухомих об'єктів.

Дослідження етапів формування архітектурного ансамблю Святогірського монастиря показали, що готель монастиря згідно з планом генеральної реконструкції всього монастирського комплексу в 40-х рр. XIX ст. назначений до будівництва в східній частині ансамблю. За історичними джерелами безпосередню участь в розробці проекту реконструкції ансамблю брав професор Харківського університету, молодший з родини славнозвісних архітекторів Тонів – Андрій Тон. Він визначив планувально-просторове рішення монастирського ансамблю, центральним елементом якого була на той час надбрамна Покровська церква з дзвіницею [2, с.97].

Автор проекту проводить „червону лінію” першого ряду споруд монастиря, які вишикувались на відстані 40 м від річки, з сходу на захід вздовж берегової смуги Сіверського Дінця. Широка набережна за думкою автора повинна була залишатись вільною від забудови і назначалась для пересування великих мас прочан. Закінченості ансамблевому принципу побудови нового монастиря надала огорожа з баштами, яка об'єднувала всі „парадні” фасади монастирських будівель і східною баштою примикала до „Готелю” [Іл. 3].

Таким чином, архітектурний комплекс Святогірського монастиря, побудований в сер. XIX ст. за суто класичними принципами: „відцентрованості”, „симетричності”, „зонування”.

В кінці XIX ст. основна будівля готелю перебудовується в псевдокласичному стилі, стає триповерховою не враховуючи цокольний поверх і постає в тому вигляді, до якого протягом XX ст. – поч. XXI ст. звикли відвідувачі монастиря.

На поч. XX ст. перед „парадним фасадом” готелю, який своїми вікнами виходив на набережну Сіверського Дінця, з’являється одноповерхова, прямокутна будівля монастирської крамниці (хлібна лавка). Будівельні параметри крамниці 12x9 м при висоті 4 м не могли похитнути ознаки „класицизму” в побудові архітектурного ансамблю і суттєво вплинути на візуальне сприйняття готелю і інших архітектурних доміант монастиря, перш за все Успенського собору. Це підтверджується іконографічним матеріалом поч. – XX ст., перш за все листівками з зображенням Святих Гір [Іл. 4-6].

Після закриття Святогірського монастиря в 1922 р. відбулася реконструкція монастирського комплексу з пристосуванням для Будинку відпочинку робітників Донбасу. Приміщення крамниці залишалось в складі оздоровчого закладу і поступово приростало невеличкими прибудовами з західного та північного фасадів [Іл. 7]. Змінилося і місце розташування мосту через Сіверський Дінець. Якщо на поч. XX ст. мостова переправа підходила до центральних врат готелю і будівля магазину залишалась поза межами візуального сприйняття архітектурних пам’яток, то після 1964 р., коли залізобетонний міст побудували на схід від крамниці, остання стала суттєвим елементом, що впливає на огляд і сприйняття пам’ятки. Невипадково фахівці інституту „Укрпроектреставрація”, готуючи план реконструкції ансамблю на період поч. XX ст. взагалі виключили будівлю перед Готелем з об’єктів що підлягають збереженню [Іл. 8]. Відповідно органи охорони пам’яток архітектури Донецької області (управління архітектури і містобудування) виключили вказану будівлю з переліку об’єктів, що входять до складу заповідника. В подальшому це зіграло „злую шутку”, оскільки власник санаторію ім. Артема – Донецька обласна профспілкорова рада без „оголошень і погоджень” продала будівлю в приватні руки під час передачі пам’яток заповіднику і повернення майна в користування монастирю. Міська рада немала нічого проти продажу власнику будівлі земельної ділянки, „забувши” про попередні рішення органів державної влади щодо оголошення цієї території заповідником.

В 2005 році, незважаючи на попередження адміністрації заповідника про негативний вплив запланованої реконструкції бувшого приміщення крамниці площею 178 м² в двоповерхову будівлю з іншим

трактуванням фасадів, покрівлі та ін. суттєвих стилістичних ознак, власник отримує необхідні дозволи від органів місцевого самоврядування і архбудконтролю і здійснює проект реконструкції в натурі. При цьому площа будівлі збільшується в 3,4 рази, а будівельний об'єм в 5 разів [Лл. 9]. На жаль, в стані тих органів, що підтримали таку реконструкцію і узгодили ескізний проект було керівництво Державної служби охорони культурної спадщини України.

Поява нової домінанти на набережній Святогірської Лаври, та ще в 20 м від північного фасаду готелю не могло не вплинути на просторово-планувальне рішення ансамблю, сприйняття його архітектурних акцентів. Враховуючи це, адміністрація заповідника замовила відповідну експертизу впливу новобудови на пам'ятку архітектури - Святогірський Успенський монастир XVII-XIX ст., зокрема Готель XIX ст. Дослідження з цього питання були виконані в 2 етапи. В грудні 2005 р. фахівці кафедри реставрації та реконструкції архітектурних комплексів Національного університету „Львівська політехніка”, Ю.Я. Дубик та О.С. Стасюк та фахівці в галузі оцінки нерухомого майна відділу приватизації житла Львівської міськради І.І. Дутка та І.Б. Пушчінська видали попередні результати. За висновком експертів від 16.12.2005 р. ще на початку реконструкції будівлі по вул. Зарічна, 4 (нова адреса колишньої крамниці) прогноуються в разі реалізації проекту в натурі такі негативні наслідки для пам'ятки:

- а) втрата первісної планувальної структури парадної зони пам'ятки;
- б) порушення традиційного історичного середовища і створення нового архітектурного оточення пам'ятки;
- в) порушення сприйняття пам'яток історії та культури заповідника при підході до комплексу;
- г) зменшення культурної цінності пам'ятки-готелю XIX ст. та її вартості [4].

На жаль ці висновки не були використані Державною службою охорони культурної спадщини при узгодженні ескізного проекту реконструкції об'єкта і за висновками останньої „проектом реконструкції передбачено стилістичне трактування фасадів будівлі по вул. Зарічна, 4, а також визначено її висотні відмітки будівлі, що відповідають сформованому архітектурно-історичному оточенню та не призведуть до негативного впливу на візуальне сприйняття комплексу пам'яток монастиря” [9]. Такі суттєві розбіжності між науковцями і фахівцями центрального органу охорони культурної спадщини зумовили проведення більш глибоких досліджень впливу новобудови по вул. Зарічна, 4 на пам'ятки сакральної архітектури Святогірської Лаври. До досліджень був залучений ще один фахівець – архітектор-реставратор Дядюшенко Г.А., яка більш ніж 20 років була головним

архітектором проектів реставрації пам'яток архітектури Святогірського монастиря, в тому числі Готелю XIX ст. Протягом липня-серпня 2007 р. проводились натурні та історико-бібліографічні дослідження готельної зони Лаври, результатом яких стали:

1. Історико-містобудівне обґрунтування об'єктно-планувальних і стилістичних рішень будівлі по вул. Зарічна, 4 м. Святогірська Донецької області.
2. Звіт про натурні дослідження існуючого та історичного ландшафтного аналізу території пам'ятки архітектури XIX ст. – Готель Святогірського монастиря Державного історико-архітектурного заповідника у м. Святогірську [5].
3. Висновок про проведення експертизи про визначення зниження вартості пам'ятки – Готелю Святогірського монастиря (охор. №154/3) корпус №9 внаслідок негативного впливу будівлі – корпусу №40 після проведення її реконструкції [6].
4. Звіт про оцінку майна – пам'ятки архітектури Готель XIX ст. у складі Державного історико-архітектурного заповідника у м. Святогірську [7].

Результати досліджень 2005 року були підтвержені експертизою, але вражаючою була сума зниження вартості пам'ятки в 2007 році внаслідок появи новобудови перед її парадним фасадом. Використовуючи методику грошової оцінки пам'яток архітектури, затвердженої Кабінетом Міністрів України в 2002 р. [12] експерти довели зменшення вартості пам'ятки на 984 133 грн., тобто близько 1 млн. грн. [6, л.3].

Практичне значення для органів охорони культурної спадщини, заповідників, музеїв має процедура визначення негативного впливу новобудов на пам'ятки в грошовому вимірі. Для пам'яток архітектури національного значення визначення вартості об'єкту проводиться методом прямого відтворення. Вартість відтворення поліпшень земельної ділянки розраховується, як вартість відтворення будівельного об'єкта з урахуванням його історико-культурної цінності.

Залишкова вартість відтворення пам'ятки V_3 визначається за такою формулою:

$$V_3 = V_v \times K_{\text{фіз}} \times K_{\text{функ}} \times K_{\text{ек}} \times (K_c / 100 \times K_{\text{ц}} + (1 - K_c / 100)) + V_m + V_3$$

де V_v – вартість відтворення поліпшень земельної ділянки пам'ятки, грн.
 $K_{\text{фіз}}$ – коефіцієнт фізичного зносу.

Знос – це результат погіршення фізичного стану об'єкта і його функціонального та економічного старіння.

Фізичний знос елементів будівлі визначається відповідно до „Правил визначення фізичного зносу житлових та громадських

будівель”, затверджених наказом №52 від 2.07.1993 р. Держкомітету України по житлово-комунальному господарству.

Величина середньозваженого фізичного зносу будівлі визначається за формулою:

$$\Phi_{\phi} = (\Phi_{\phi 1} \times p_1 + \Phi_{\phi 2} \times p_2 \dots + \Phi_{\phi n} \times p_n) \times 100 \text{ де}$$

Φ_{ϕ} – фізичний знос будівлі (%).

$\Phi_{\phi 1}$ – фізичний знос 1-го конструктивного елемента (%).

p_1 – питома вага 1-го конструктивного елемента у відповідній вартості будівлі (%).

n – кількість окремих конструктивних елементів в будівлі.

Характеристика стану та розрахунки фізичного зносу пам’ятки „Готель Святогірського монастиря” на час проведення оцінки в липні 2007 р. визначений звітом „Про проведення експертизи історичної, архітектурної, художньої та іншої культурної цінності” пам’ятки архітектури 1887 р. готелю Святогірського монастиря (Охор. №154/3) Корпус №9, згідно якого відсоток фізичного зносу дорівнює 10% [7, с.42]. При цьому:

$$K_{\text{физ}} = (1 - 3_{\text{физ}}/100) = (1 - 10/100) = 0,90$$

$K_{\text{функ}}$ – коефіцієнт функціонального зносу визначений як 1.0, тобто повністю відповідає вимогам готелю для прочан.

$K_{\text{ек}}$ – коефіцієнт економічного зносу також визначений експертами як 1.0, враховуючи, що пам’ятка має спеціальне призначення та на її використання під культові потреби не може мати суттєвого впливу оточуюче середовище [7, с.42].

$K_{\text{ц}}$ – інтегральний коефіцієнт, що враховує цінність пам’ятки як об’єкта культурної спадщини. За результатами експертизи, коефіцієнт цінності Готелю Святогірського монастиря дорівнює – 4,0 [7, с.42]. Обґрунтування коефіцієнтів культурної цінності для Готелю Святогірського монастиря викладені на Всеукраїнській науково-практичній конференції по проблемам збереження культурної спадщини в м. Святогірську в 2005 р. [3]. Для визначення негативного впливу новобудов на пам’ятки архітектури принципове значення має величина коефіцієнту схоронності ($K_{\text{с}}$).

При визначенні цього коефіцієнта, експерти використали досвід реставраційної методики оцінки якості історичної забудови, яка емпірично визначає кілька характеристик схоронності об’єкту.

За розробками доцента кафедри реставрації та реконструкції архітектурних комплексів Національного університету „Львівська політехніка” Дубика Ю.Я., та асистента цієї кафедри Стасюк О.С. складовими характеристиками для визначення схоронності пам’ятки є:

- збереженість первісної планувальної структури
- збереженість первісної просторової структури
- збереженість автентичної фізичної субстанції

- збереженість первісної зовнішньої та внутрішньої інженерної інфраструктури
- збереженість первісних декоративних елементів в інтер'єрах та на фасадах
- технічний стан автентичної фізичної субстанції
- збереженість містобудівного та ландшафтного оточення пам'ятки.

Остання складова включає в себе „втрату” планувальної структури парадної зони об'єкту, внутрішнього двору, добудови сучасних будівель і споруд [3, с.40-41].

Кожна складова інтегрального коефіцієнту K_c визначається в відсотках і змінюється в часі при втручанні людини в визначені характеристики і їх відносні величини.

В 2003 році, при грошовій оцінці пам'ятки – Готель Святогірського монастиря XIX ст. параметри збереженості первісного містобудівного та ландшафтного оточення були визначені як 30%, а інтегральний коефіцієнт схоронності $K_c = 60\%$ [3, с.41]. Зміни в збереженості пам'ятки в 2007 році відбулись дуже суттєві. Проведений комплекс робіт по реставрації фасадів, заміни інженерних комунікацій, що вплинуло на збільшення величини параметру: „ технічний стан автентичної фізичної субстанції” з 60% в 2003 р. до 80% в 2007 р.

Це суттєво вплинуло на величину інтегрального коефіцієнта K_c . Він став 62%. Але, одночасно, поява за ці роки новобудови перед парадним фасадом пам'ятки зменшила величину збереженості первісного містобудівного та ландшафтного оточення з 30% в 2003 р. до 20% в 2007 р., тобто на 10%. Відповідно, величина K_c знову знизилась до 60% [5, с.3-5]. При застосуванні цих величин в формулу визначення грошової оцінки, пам'ятки архітектури Готель Святогірського монастиря XIX ст. вартість пам'ятки визначається слідуючим чином:

$$V_3 = 18224685,36 \times 0,9 \times 1 \times 1 \times (60/100 \times 4 \times (1 - 60/100)) + 12999,48 = 45\,939\,206,59 \text{ (грн.) де}$$

18224685,36 грн. – це вартість відтворення поліпшень земельної ділянки пам'ятки станом на 1.07.2007 р.

Ця вартість визначена як вартість поліпшень земельної ділянки станом на 10.12.2003 р. відповідно до зведеного кошторисного розрахунку вартості будівництва об'єкта нерухомості „Готель” корпус №9 – 9378845 грн. помножена на індекс зміни ринкової вартості будівельно-монтажних робіт станом на 1.04.2007 р. (1,89) та індекси інфляції за квітень-червень 2007 р.:

$$V_b = 9378845 \times 1,89 \times 1,000 \times 1,006 \times 1,022 = 18224685,36 \text{ [7, с.43].}$$

Величина коефіцієнтів формули: $K_{\text{фіз}} = 0,9$; $K_{\text{функ}} = 1,0$; $K_c = 60\%$; $K_{\text{ц}} = 4,0$ – з'ясована вище.

V_m – вартість творів монументального, декоративного та образотворчого мистецтва, які не можна відокремити від пам'ятки дорівнює 0 [7, с.42].

V_3 – вартість прав, пов'язаних із земельною ділянкою визначена за формулою і становить 12999,48 грн. [7, с.43-47].

Отже, по бухгалтерії заповідника вартість Готелю XIX ст. визначена в сумі 45939206,59 грн. При умові відсутності новобудови перед парадним фасадом пам'ятки інтегральний коефіцієнт зростає до величини 62%, що збільшує вартість пам'ятки до 46923339,59 грн. за формулою:

$$V_3 = 18224685,36 \times 0,9 \times 1,0 \times 1,0 \times (62/100 \times 4 \times (1 - 62/100)) + 12999,48 = 46923339,59 \text{ грн.}$$

Тобто величина негативного впливу новобудови на Готель XIX ст. складає в грошовому вимірі 984133 грн. [6, с.1-3].

В підсумковій частині „Звіту про натурні дослідження...” зроблено висновок: „Вплив цієї будови заважає сприйняттю вхідної групи архітектурного ансамблю споруд XVII-XIX ст. з боку правого та лівого берега Сіверського Дінця, закриваючи вид східного фасаду Готелю – пам'ятки архітектури XIX ст., порушуючи структуру монастирського подвір'я. Ця новобудова функціонально не відповідає розташуванню на монастирській території та спалює сприйняття архітектурного ансамблю [5, л.4]. Ці висновки були підтвержені фотофіксацією, яка довела поступове зникнення домінант сакральної архітектури Святогірського монастиря з окремих ракурсів огляду [Лл. 10,11,12].

Як „негативна” оцінена зміна планово-просторового рішення набережної архітектурного ансамблю в зв'язку з появою новобудови [Лл. 13,14].

Щодо правової оцінки то експерти визначили, що „сучасний архітектурний стиль новобудови не відповідає вимогам законодавства України (ДБН В32-1-2004. Реставраційні, консерваційні та ремонтні роботи на пам'ятках культурної спадщини) відносно правил реконструкції, реставрації та розташування нових будівель в охоронній зоні заповідника [5, л.4].

Під час проведення досліджень, в тому числі перевірки відповідності проекту реконструкції діючому законодавству були виявлені і інші порушення, зокрема контролюючими органами встановлено зведення новобудови за межами виділеної земельної ділянки і порушення прав інших юридичних осіб. Ці порушення стали предметом судового розслідування і ухвали суду про демонтаж самочинного будівництва.

Разом з тим за визначенням фахівців в галузі пам'яткоохоронної діяльності негативний вплив зазначеної новобудови на пам'ятки

сакральної архітектури монастиря можна зменшити або зовсім уникнути шляхом зменшення висоти будівлі до 3,8 м і зміння архітектурного образу [5, л.3-4]. Тобто, при умові демонтажу новобудови і реконструкції будівлі з поверненням первісних стилістичних і планово-просторових рішень „крамниці” поч. ХХ ст. культурна цінність і вартість пам’яток сакральної архітектури буде відновлена.

Література

1. Архітектурна спадщина України. Вип. 1-4. (під ред. В. Тімофієнко) – К.: Українознавство, 1993-1997; З історії української реставрації.-К.: Українознавство, 1996; Консервація і реставрація пам’яток архітектури.- Київ-Львів: „Укреставрація”, 1996.
2. **Дєдов В.М.** Святогірська Свято-Успенська Лавра.-К.: Техніка, 2005.
3. **Дубик Ю.Я., Стасюк О.С.** Обґрунтування коефіцієнтів культурної цінності при визначенні грошової вартості пам’ятки архітектури (на прикладі Готелю ансамблю Святогірського монастиря в м. Святогірськ Донецької обл.// Проблеми збереження і використання культурної спадщини в Україні. Матеріали Всеукраїнської науково-практичної конференції (на базі Державного історико-архітектурного заповідника м Святогірськ Донецької обл. 25-27 травня 2005 р.).- Слов’янськ: Печатний двор, 2005. – с.36-42.
4. **Дутка І.І.** та ін. Результати роботи комісії по проведенню оцінки впливу зміни об’ємно-планувальних характеристик корпусу №40 (колишня крамниця) на культурну цінність пам’ятки архітектури ХІХ ст. – Готель Святогірського Свято-Успенського монастиря. – Науковий архів ДІАЗ, ф.АТСт9 – 14/4 (V).
5. **Дядюшенко Г.А.** Звіт про натурні дослідження існуючого та історичного планування та ландшафтний аналіз території пам’ятки архітектури ХІХ ст. – Готель Святогірського монастиря. - Державний історико-архітектурний заповідник у м. Святогірськ (ДІАЗ) – Науковий архів, ф. АТС – 152/13.

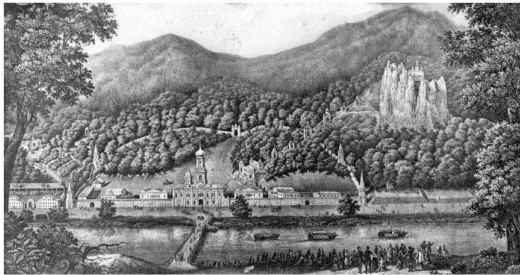
6. Дядюшенко Г.А., Пушінська І.Б., Дутка І.І. Висновок про проведення експертизи визначення зниження вартості пам'ятки – Готелю Святогірського монастиря внаслідок негативного впливу будівлі – корпусу №40 після проведення її реконструкції - ДІАЗ, науковий архів, ф. АТС – 150/3.
7. Дядюшенко Г.А., Пушінська І.Б., Дутка І.І. Звіт про оцінку майна – пам'ятки архітектури: Готель ХІХ ст. – корпус №9 у складі комунального закладу „Державний історико-архітектурний заповідник у м. Святогірську” – Львів, 2007 - ДІАЗ, науковий архів, ф. АТС – 149/105.
8. „Доповнення до списку пам'яток архітектури УРСР, що перебувають під охороною держави”. Затверджено постановою Ради Міністрів УРСР від 6 вересня 1979 р. №442.
9. Лист Державної служби охорони культурної спадщини на ім'я народного депутата України В.С. Зубова від 4.07.2006 р. №22 – 17 29/8.
10. „Про затвердження порядку визначення меж і режимів використання історичних ареалів населених місць, обмеження господарської діяльності на території історичних ареалів населених місць...” – Постанова Кабінету Міністрів України від 13.03.2002 р. №318.// Зібрання законодавства України. Постанови та розпорядження КМУ №№13-16.-К.: Український інформаційно-правовий центр, 2002.
11. „Про затвердження порядку видачі дозволів на проведення археологічних розкопок, розвідок, інших земельних робіт на території пам'ятки, охоронюваній археологічній території, в зонах охорони, в історичних ареалах населених місць...” - Постанова Кабінету Міністрів України від 13.03.2002 р. №316.// Зібрання законодавства України. Постанови та розпорядження КМУ №№13-16.-К.: Український інформаційно-правовий центр, 2002.
12. „Про затвердження Методики грошової оцінки пам'яток” – Постанова Кабінету Міністрів України від 26.09.2002 р. №1447. ”// Зібрання законодавства України. Постанови та розпорядження КМУ №№37-40.-К.: Український правовий центр, 2002.

13. „Про оголошення комплексу пам'яток історії та культури м. Слов'яногірська Донецької області історико-культурним заповідником” – Постанова ЦК Компартії України І Ради Міністрів УРСР від 27.05.1980 р. №365.
14. „Про охорону культурної спадщини” Закон України від 8 червня 2000 р. №1805-III, ст. 33 „Заповідники”// Відомості Верховної Ради України №39.-К.: Верховна Рада України, 2000.
15. Проблеми збереження і використання культурної спадщини в Україні. Матеріали Всеукраїнської науково-практичної конференції (на базі Державного історико-архітектурного заповідника м Святогірськ Донецької обл. 25-27 травня 2005 р.)- Слов'янськ: Печатний двор, 2005. – 340 с.

1. Пам'ятка архітектури XVII-XIX ст. Святогірський Успенський монастир. Сучасний вигляд.

2. Готель XIX ст. Святогірської Свято-Успенської Лаври. Сучасний вигляд

3. Реконструкція архітектурного ансамблю Святогірського монастиря за проектом А. Тона. Злітографії 1850 р.

4. Готель монастиря. Листівка поч. XX ст.

5. Святі Гори на Сіверському Дінці. Листівка поч. XX ст.

6. Святогірський монастир. Листівка поч. XX ст.

7. Магазин санаторію ім. Артема. Фото 30-х рр. XX ст.

8. Пам'ятка архітектури XVII-XIX ст. Святогірський Успенський монастир. Реконструкція на період поч. XX ст. Аксонометрія авт. арх. Давиденко А.П. Розробник ін-т „Укрпроектреставрація”, 1996 р.

9. Новозбудована будівля на місці крамниці.
Фото 2006 р.

10. Вид на Готель та Успенський собор Святогірської Лаври до зведення новобудови (з мосту).

11. Вид на Готель та Успенський собор Святогірської Лаври під час зведення новобудови (з мосту).

12. Вид на Готель та Успенський собор Святогірської Лаври після зведення новобудови (з мосту).

13. Вид на набережну перед Готелем на поч. XX ст.

14. Вид на набережну перед Готелем.
Сучасний вигляд.

Святые Горы в жизни и творчестве князя Н.Б. Голицына

В 1984 году в состав памятников Святогорского историко-архитектурного заповедника была включена «Подземная церковь пр. Антония и Феодосия Святогорского монастыря» [19]. В то время церковь представляла собой подвальное помещение, вырытое у подножия горы Артема на территории профсоюзного кардиологического санатория им. Артема. Сакральное назначение «пещеры» было давно забыто, и подземный храм десятилетиями использовался в качестве овощехранилища [Ил. 1].

Основанием для придания статуса памятника истории и архитектуры небольшому пещерному сооружению стали результаты историко-библиографических и натуральных исследований, проведенных научными сотрудниками заповедника в 1982-1983 гг. [11]. Существенным обстоятельством, определившим взятие этого объекта под охрану государства, были многочисленные исторические свидетельства о наличии при церкви некрополя XIX века, т.е. захоронений ктиторов монастыря [7]. В частности, было установлено, что в левом приделе входного павильона в церковь находится прах князя Николая Борисовича Голицына, захороненного здесь в 1866 году [13, с.154]. К нач. 80-х гг. XX ст. уже вышли несколько исследований, посвященных жизненному пути князя и его вкладу в мировую музыкальную культуру [1]. Кроме исследований, посвященных музыкальному наследию Н.Б. Голицына, опубликованы работы, освещающие его литературную деятельность, участие в военных компаниях против Наполеона, на Кавказе и в Крыму [3; 4]. Значительно возрос интерес к личности Н.Б. Голицына после выхода в свет в 1988 г. повести Юрия Нагибина, посвященной творческому пути сына князя, хормейстеру – Юрию Голицыну. Повесть вышла тогда в наиболее читаемом периодическом литературном журнале «Роман – газета» [14].

Само место погребения князя, как и других захоронений при входе в церковь пр. Антония и Феодосия никак не «читалось». Все памятники и следы кладбища были уничтожены в период функционирования I Всеукраинского Дома отдыха, занявшего здания и территорию Святогорского монастыря в 1922 году. После войны 1941-1945 гг. на месте кладбища был запроектирован спортивный городок Дома отдыха, волейбольные площадки которого читались на генплане историко-архитектурного заповедника еще в 1988 году [2]. На топографию местонахождения подземных сооружений родовой усыпальницы Голицыных указывали некоторые источники XIX в.: «...

Войдя в небольшой притвор храма, ведущий в пещеры, направо и налево видны маленькие приделы или часовни, в них находятся некоторые благотворители св. обители – кн. Куракины, Голицыны и др» [10, с.71]. Найдены были иконографические материалы XIX века, позволившие окончательно установить месторасположение усыпальницы князей Голицыных [Ил. 2].

Натурные архитектурно-археологические исследования, организованные дирекцией заповедника в 1993-1994 гг. позволили обнаружить подземные склепы с захоронениями, хотя и очень разрушенные [Ил. 3]. Среди прочих погребений, подвергшихся варварскому разграблению еще в 30-х гг. XX в. были атрибутированы останки князя Николая Борисовича Голицына [8, с.60]. Склепы были восстановлены в 1994 году и произведено перезахоронение обнаруженных останков представителей рода Голицыных, среди которых - князь Андрей Борисович Голицын – родной брат Н.Б. Голицына и княгиня Вера Федоровна Голицына – жена князя Н.Б. Голицына [Ил.3].

На основании комплексных научных изысканий был разработан проект восстановления наземной части усыпальницы Голицыных, который успешно был реализован Свято-Успенским Святогорским монастырем [Ил. 4].

Восстановительные работы мемориальной зоны захоронений XIX в. при церкви пр. Антония и Феодосия сопровождалось исследованием биографий захороненных лиц, их связи со Святыми Горами, творческого наследия в различных областях культуры XIX в.

Наиболее крупномасштабной личностью в этом плане выглядит князь Николай Борисович Голицын – талантливый композитор, оранжировщик, музыкальный критик, выдающийся виолончелист и неистовый пропагандист музыки Л. Ван Бетховена. Эта сторона творческой натуры князя Н.Б. Голицына достаточно хорошо исследована, о чем указывалось выше.

Большим открытием для многих деятелей культуры, музыковедов было известие об установлении места захоронения князя Н.Б. Голицына в Святогорском монастыре. В 2000 г., во время своего пребывания в г. Славянске и Святогорске, поклонился праху Голицына музыкант с мировым именем М. Ростропович [Ил. 5]

Вместе с тем, как личность весьма одаренная, князь Николай Голицын весьма успешно трудился и на литературном поприще. Среди его произведений периода 40-х гг. XIX в. были обнаружены путевые заметки «Поездка в полуденную Россию...», в которых он весьма замечательно описал Святые Горы, и торжества по случаю возобновления Святогорского монастыря в имении своей сестры – Татьяны Борисовны Потемкиной [18, с.161-166].

Предметом настоящей статьи является исследование той роли, которую сыграли Святые Горы в жизни Н.Б. Голицына и отражение этой роли в литературном творчестве князя.

В литературных кругах Российской империи, князь Н.Б. Голицын был широко известен как один из лучших переводчиков произведений А.С. Пушкина, И.И. Козлова на французский язык. Сохранилось письмо А.С. Пушкина, адресованное Н. Голицыну 10 ноября 1836 года.

«Тысячу раз благодарю Вас, милый князь, за Ваш несравненный перевод моего стихотворения, направленного против недругов нашей страны. Я видел уже три перевода, из которых один сделан высокопоставленным лицом из числа моих друзей, но ни один не стоит вашего. Отчего Вы не перевели этой пьесы в свое время – я бы послал ее во Францию, чтобы щелкнуть по носу всех крикунов из Палаты депутатов.

Как я завидую Вашему прекрасному климату: письмо Ваше разбудило во мне множество воспоминаний всякого рода. Там колыбель моего "Онегина" и Вы, конечно, узнали некоторые лица.

Вы обещаете перевод в стихах моего "Бахчисарайского фонтана". Уверен, что он Вам удастся, как все, что выходит из под Вашего пера, хотя тот род литературы, которому Вы предаетесь, самый трудный и неблагодарный из всех какие я знаю. По-моему, нет ничего труднее, как переводить русские стихи французскими, ибо при сжатости нашего языка, никогда нельзя быть столь же кратким. Итак, честь и слава тому, кто справляется с этим так удачно, как Вы.

Прощайте, я еще не отчаялся скоро увидеть Вас в нашей столице, ибо знаю, как Вы легки на подъем.

Весь Ваш А.Пушкин»

В письме А.С. Пушкин восхищается переводом своего стихотворения «Клеветникам России», написанного по поводу вмешательства Франции в прибалтийские дела. Перевод «Бахчисарайского фонтана» также был сделан Н.Б. Голицыным и опубликован в 1838 году [3, с.19]. Князь не только в совершенстве знал французский язык, делал переводы, но и сам писал литературные произведения, в том числе поэзию. В 1849 г. вышел сборник «Поэтические опыты», где опубликованы 17 литературных произведений князя [4, с.21].

В литературном наследии Н.Б. Голицына заметное место занимает документальная проза, прежде всего, мемуары о военных баталиях, участником которых был князь Н.Б. Голицын. В 1837 г. публикуются «Офицерские записки, или воспоминания о походах

1812, 1813 и 1814 годов». Эти военные мемуары по многочисленным отзывам прессы были встречены с большим интересом и несколько раз переиздавались. Из «Офицерских записок...» или как они впоследствии были названы «Очерки военных сцен 1812-1814» читатель узнает этапы боевого пути самого князя [17]. В начале военной кампании против Наполеона, шестнадцатилетний князь Николай Голицын получает назначение в штаб 2-й западной армии, под начало генерала от инфантерии князя П.И. Багратиона. 13 августа 1812 г. Н.Б. Голицын решением П.И. Багратиона определен унтер-офицером в Киевский драгунский полк под командованием полковника Емануэля [Ил. 6]. Его полк принял бой с французами у Шевардинского редута, где князь получил легкое ранение – контузию в голову. Как позднее вспоминал князь: *«Мне представилась ужаснейшая картина обоюдного ожесточения, какой я не встречал после в продолжение целой компании. Сражавшиеся батальоны, русские и французские с растянутым фронтом, разделенные только крутым, но узким оврагом, который не позволял им действовать холодным оружием, подходили на самое близкое расстояние, открывали один по другому беглый огонь и продолжали эту убийственную перестрелку до тех пор, пока смерть не разметала рядов с обеих сторон»* [17, с.341]. Вследствие контузии Н.Б. Голицын оказался в Москве, описав свои впечатления от увиденного в столице как о «груде пепла и развалин» [17, с.345]. В сер. сентября 1812 г. Н. Голицын вновь в строю, участвует в военных операциях под Москвой, близ Тарутино, а в октябре – под Малоярославцем. Войдя в освобожденный город, князь вместе с однополчанами направился к храму, где увидел надпись на стенах – «конюшня». *«Я заглянул в церковь и увидел, что гнусная надпись не обманывала... Это горестное зрелище возобновлялось потом при каждой церкви, мимо которой проходил неприятель»* [17, с.347]. Князь вместе со своим Киевским драгунским полком преследовал отступавших французов, в частности войска маршала Даву. В конце октября начались снежные бури и ударили сильные морозы. Н. Голицын навсегда запомнил и описал состояние отступавших наполеоновских частей: *«Мы продолжали преследование, при котором беспрестанно встречали ужаснейшие картины смерти. На каждом шагу нам попадались несчастные, остолбеневшие от холода; они сначала шатались как пьяные, потому что мороз добирался до мозга и потом падали мертвые. Другие сидели около огня в странном оцепенении, не замечая, что их ноги, которые они хотели отогреть превратились в уголь. Многие с жадностью ели сырую падаль... Мы не могли подать помощи этим несчастным... я*

целую неделю довольствовался простыми сухарями и хлебной водкою...» [17, с.347].

Оказавшись в Европе, князь стал свидетелем восторженного приема русской армии европейцами, встречавшими военных как освободителей от Наполеона [17, с.349]. Заграничная кампания 1813-1814 годов показалась молодому князю «прогулкой» в сравнении с ужасами 1812 года. В числе первых Киевский драгунский полк вступил в Париж, за взятие которого Н.Б. Голицын награжден именной шпагой с золотым эфесом и надписью «За храбрость». Известно, что наградная шпага Н.Б. Голицына ныне экспонируется в Эрмитаже [3, с.21]. К этому моменту князь Н.Б. Голицын имел на груди два ордена за боевые заслуги – св. Анны IV ст. и св. Владимира IV ст. [Ил. 6].

Кроме «Офицерских записок...» Н.Б. Голицын публикует еще ряд произведений, посвященных событиям 1812-1814 гг. Среди них поэма «Бородино и Москва», очерки «О Московском пожаре 1812 г.», «Шевардинская битва», «Перенесение тела князя Багратиона на Бородинское поле». Последнее произведение переиздавалось несколько раз и кроме прочего, интересно тем, что князь Н.Б. Голицын приходился по линии матери близким родственником герою Отечественной войны 1812 года. Мать Н. Голицына, Анна Александровна Голицына была дочерью грузинского царевича [22, с.154]. Она приходилась тетушкой князю Багратиону, который происходил из обедневшего, но очень знатного рода грузинских князей [21, с.396]. Выйдя замуж за князя Б.А. Голицына в 1790 г., Анна Александровна большую часть времени проводила в родовом имении мужа в с. Симы Владимирской губернии. В начале своей карьеры, под крыло тетушки, был принят выехавший из Грузии молодой князь П. Багратион. Сюда же, к А.А. Голицыной в с. Симы его привезли после тяжелого ранения в Бородинской битве. Врачи не смогли спасти П.И. Багратиона, и он был похоронен в Голицынском имении [21, с.396]. Денис Давыдов, при поддержке князей Голицыных долго хлопотал о перезахоронении тела П.И. Багратиона на Бородинское поле. В 1839 г. разрешение было получено, и в сопровождении Киевского гусарского полка прах князя Багратиона был перенесен и предан земле на месте батареи Раевского [15, с.279].

Князь Н.Б. Голицын, принимавший непосредственное участие в перезахоронении П.И. Багратиона, не только отдал последние почести своему знаменитому родственнику, но и оставил потомкам подробное описание этого исторического события. Весьма символичным кажется тот факт, что через 255 лет, при перезахоронении праха князя Н.Б. Голицына в усыпальницу при

церкви пр. Антония и Феодосия, присутствовала Великая княгиня Леонида Георгиевна Романова, по рождению принадлежащая к древнему грузинскому роду Багратион.

В 1851 г. выходит из печати книга «Жизнеописание генерала от кавалерии Емануеля, сочиненное князем Н.Б. Голицыным» [9]. Это итоговый литературный труд на тему Отечественной войны 1812 года с добавлением боевых действий на Кавказе в 20-х гг. XIX ст. Бывший командир Киевского драгунского полка, генерал Емануель в этот период командовал войсками Предкавказья. После декабрьских событий 1825 г. на Сенатской площади, в Санкт - Петербурге, князь Н.Б. Голицын, как и многие другие заподозренные в связях с «декабристами» направлен был на Кавказ и вновь оказался под началом Емануеля. Давая рецензию на эту книгу, «Военный журнал» отмечал, что: *«князь Н.Б. Голицын, описав жизнь и дела своего начальника не только исполнил тем долг признательного подчиненного, но и оказал услугу отечественной военной литературе»* [3, с.171]. Теме «Кавказа» посвящены и некоторые другие произведения Н.Б. Голицына, в частности «Покорение Карачаевцев», «Переход через Кавказские горы» [12].

Другим направлением в литературно-публицистической деятельности Н.Б. Голицына являются его работы по актуальным вопросам жизни российского общества сер. XIX века. В 1845 г. князь пишет сатирическую комедию «Губернская ревизия», предавая публичности нравы тамбовского дворянства, в среде которого ему пришлось одно время находиться. В 1847 г. Н.Б. Голицын пишет еще одно сочинение – «Сатира на тамбовские дворянские выборы» [3, с.174]. Ни первая, ни вторая рукописи не были допущены тогда к печати цензурой. Лишь в 1858 г. «Губернская ревизия» была опубликована в Лейпциге [3, с.193]. Заграничный издатель (некий Ю. Павловский) как видно из ниже приведенного письма, был весьма заинтересован в таком авторе, как князь Н.Б. Голицын, предлагая тесное сотрудничество:

Ваше сиятельство Николай Борисович!

От всей души благодарен Вам за комедию, которая уже в печати. Я все старания употребляю, чтобы издание было хорошо и верно. Расходы все беру на себя и десять экземпляров, требуемые Вами, пришлю как только будет все готово...

Вообще прошу Вас, Ваше сиятельство, если у Вас есть какие бы то ни было рукописи, присылайте на Вольфганга Герхарда на адресуя для передачи Приваловскому...» [3, с.266]. Князь не обратил тогда должного внимания на личность издателя и необычность его просьбы, о чем вскоре пожалел. В своем письме Б.Н. Голицыну 15 апреля 1858 года князь предупреждает: *«Если ты еще не ответил*

Приваловскому, то брось это и не входи в переписку с этим опасным человеком. Николай (сын князя – авт.) имел много неприятностей за свою переписку с этим изгнанником... Я ему послал комедию, написанную еще в 1845 году в духе Гоголя, только более схожую с правдою. На это он лишь ответил, что «издаст журнал, который не содержит в себе ничего политического, но говорит правду и не касается правительства и царской личности, и не ругается вроде Герцена...» Теперь же я тебе советую прекратить с ним всякие отношения, что и сделал Николай...» [3, с.269-270]. Юрий Приваловский на самом деле был Г.И. Миклашевским, находившемся «под строжайшим секретным надзором» жандармов [3, с.270]. Вся его переписка вскрывалась, и в поле зрения «охранки» попадали все лица, как-либо связанные с Г. Миклашевским. [5]. Более того, в руки «неблагонадежного» издателя попала еще одна рукопись Н.Б. Голицына «О возможном соединении Российской церкви с Западною без изменения обрядов православного богослужения» [6]. В марте 1858 г. Г. Миклашевский уведомляет князя Н.Б. Голицына: «Я с большим удовольствием готов напечатать эти религиозные две тетради... Но больше 500 или 700 экземпляров печатать нельзя. Будем стараться, чтобы и эти разошлись...» [3, с.268].

В дальнейшем выход этой полемической работы по церковному вопросу круто изменил весь ход жизни князя и более тесно связал его судьбу со Святыми Горами. Книга в 150 страниц была напечатана без указания авторства с обозначением мест издания: Берлин, Париж, Лондон. Она сразу же обратила на себя внимание, прежде всего Св. Синода и религиозных кругов. Неизвестный автор, обнаружив глубокое знание первоисточников – творений отцов церкви, Вселенских Соборов, богослужебных и исторических трудов, пришел к новаторскому выводу, суть которого сводилась к следующему: русское православие как самостоятельное религиозное явление призвано рано или поздно преодолеть христианский раскол с Западной церковью, и что по существу догматов у католиков и православных принципиальной разницы нет. [20]. В системе воззрений автора работы дана оценка состоянию Восточной церкви, которая, по его мнению, и состоит в расколе с Западной церковью. Падение центра Византийской империи и Восточной церкви - Константинополя (Царьграда) и установление на ее землях турецкого владычества Османской империи определило утрату значения этой церкви как вселенского христианского центра. Это, в свою очередь, по мнению автора, способствовало зарождению «адской философии XVIII в., замешанной на вольнодумстве и направленной на ниспровержение самого христианства» [20]. И

совсем уже крамольным выглядело заключение, что *«церковь Российской мы не почитаем отделившуюся от Вселенско - Западной, потому что этого отделения никогда не последовало на деле. Ей недостает только пристать к этому телу...»* [20].

Автора этого новаторского труда быстро «вычислили». Религиозный писатель А.Н. Муравьев, хорошо знавший князя и его взгляды по церковному вопросу, сразу же указал на Н.Б. Голицына. В своем письме 31 декабря 1858 г. он пишет:

«Милый Архипастырь!

Возвращаю со скорбным сердцем данную мне вчера Вашим Высокопреосвященством книгу о возможном соединении церкви Восточной с Западною, и узнаю в ней сочинение князя Николая Борисовича Голицына, которое он мне читал нынешнею весною в рукописи: я тогда же сказал ему, несмотря на все его угрозы, что если он осмелится издать сию рукопись за границей, как он сие предполагал, то по долгу совести пред церковью, обличу его, что и делаю теперь пред Вами...» [3, с. 272].

В другом своем письме, от 2 января 1859 г. А.Н. Муравьев дает оценку книге Н.Б. Голицына как «чрезвычайно опасной для церкви» и предлагает подвергнуть преследованию «и книгу и автора» [3, с.199].

Взгляды Н.Б. Голицына, по церковному вопросу и мотивы, побудившие его к публичному их изложению, нельзя рассматривать в отрыве от социально-политического положения в России после поражения в Крымской войне. Князь Н.Б. Голицын только что вернулся из Севастополя, где сражался вместе с ополченцами своей губернии против французов. В то время, когда по свидетельству современников *«многие дворяне явились... с докторскими справками о...телесных немощах: иные вдруг захромали, другие жаловались на удушье и на сильный ревматизм...»* [3, с.179], 60-ти летний ветеран войны 1812 года, полковник князь Голицын возглавил 45-ю Новооскольскую дружину народного ополчения. [Ил. 7]. Добровольцем в ополчение записался и сын князя, Юрий Николаевич Голицын, прихватив с собой в порыве патриотизма 10-летнего сына [3, с.181]. Несмотря на героические усилия, храбрость и самопожертвование солдат, талант руководителей обороны Севастополя, вице- адмиралов В.А. Корнилова и П.С. Нахимова, война была проиграна. Пытливый ум князя Н.Б. Голицына искал глубинные причины поражения, неоправданных жертв Крымской кампании. Война обнажила многие пороки российского общества середины XIX века: повсеместное казнокрадство, злоупотребления и хищения на военных поставках. Князь пытается предать публичности механизмы наживы. В частности, направляет в

редакцию «Морского сборника» статью «Нечто о справочных ценах» [3, с. 189], чем наживает себе немало недругов. Среди других причин поражения в войне, как и возникновения мировых военных конфликтов, князь Н.Б. Голицын видит в противостоянии двух частей христианства: православия и католицизма. По возвращении из Крыма с остатками ополченцев, князь усиленно изучает историю церковного вопроса и пишет ту книгу, которая попала в поле зрения Св. Синода. Дело было доложено государю-императору, проведено следствие и уже 22 января 1859 г. шеф жандармов, князь В.А. Долгоруков направляет князю Н.Б. Голицыну волю монарха: *«Государь-император, получив сведения, что напечатанная за границею книга «О возможном соединении Российской церкви с Западною» сочинена и издана Вашим Сиятельством высочайше повелеть мне соизволил: объявить Вам, чтобы Вы безвыездно проживали в имени Вашем – селе Богородском, Корочинского уезда, и никуда оттуда не отлучались...»* [3, с.273-274].

С этого времени князь находится под домашним арестом, за ним устанавливается полицейский надзор. Дело получило широкую огласку и естественно вызвало массу кривотолков, особенно среди курского дворянства, в среде которого вынужден был находиться опальный князь [3, с.278]. 63 летний Н.Б. Голицын, в весьма подавленном состоянии безвыездно находится в с. Богородском. И здесь, как бывало не раз ранее, на помощь брату пришла влиятельная и богатая супруга предводителя Петербургского губернского дворянства А.М. Потемкина – Татьяна Борисовна Потемкина (урожд. княгиня Голицына). Она добивается разрешения монарха на изменение места пребывания брата. 29 июля 1859 г. князь В.А. Долгоруков сообщает Харьковскому губернатору: *«Помещику Курской губернии князю Николаю Борисовичу Голицыну объявлено было в январе сего года Высочайшее повеление, чтобы он безвыездно проживал в уезде, и никуда оттуда не отлучался.*

Ныне, сестра его, супруга тайного советника Татьяна Борисовна Потемкина, по случаю пребывания своего настоящим летом в принадлежащем ей имени Святые Горы, Харьковской губернии Изюмского уезда, просила о разрешении помянутому брату ее переехать к ней в сие имение.

Государь Император, по всеподданнейшему моему о сем докладу, на удовлетворение просьбы 2-жи Потемкиной Высочайше соизволил, но с тем, чтобы князь Голицын, в имени ея Святые Горы, подвергнут был тому самому условию, под которым было предписано ему находится в селе Богородском, т.е. чтобы он из упомянутого имения своей сестры никуда не отлучался...

... прошу Вас сделать распоряжение к негласному наблюдению, чтобы князь Голицын из вышеупомянутого имения Святые Горы никуда не выезжал» [3, с.288]. Ссылка в Святые Горы под надзор полиции и свидание с сестрой Т.Б. Потемкиной оказало благотворное влияние на князя. В сентябре 1859 года он переезжает в Дом Потемкиных близ Святогорского монастыря [Ил. 9]. Именно тогда состоялось посещение князем иеромонаха-затворника Иоанна (Крюкова) в меловой скале. (Иоанн Затворник канонизирован в 1995 г. как местночтимый святой – авт.).

В связи с посещением затворника, сохранились сведения о создании прижизненного портрета преподобного Иоанна Святогорского, который известен современникам по литографическому изображению к. XIX – нач. XX в. [Ил. 9]. А. Ковалевский, составивший в 70-х гг. XIX в. жизнеописание Иоанна Затворника так повествует об обстоятельствах этого знаменательного события: *«однажды Татьяна Борисовна Потемкина, благоговевшая к старцу, пожелала показать его своему родному брату – князю Николаю Борисовичу Голицыну, убеждения которого были не в пользу монашества. Он сомневался в истине рассказов сестры своей о строгом затворе Святогорского затворника. Татьяна Борисовна убедила его лично посмотреть на него и его затвор, и сама вызвалась проводить его туда. Придя в меловую келью старца, Татьяна Борисовна просила преподать им благословение и назидание духовное. Старец благословил пришедших и, вместо слова назидания, начал усиленно просить Татьяну Борисовну, чтобы озаботилась снять с него портрет, говоря, что очень он нужен. Разумеется, пришедшие весьма соблазнились подобным желанием и просьбою умершего миру подвижника, заподозрили в нем тщеславное побуждение и с полным разочарованием в его святости оставили его келью... Настойчивое желание, чтобы снят был с него портрет, как показали последствия, тоже было знаменательно: портрет его действительно оказался нужен и полезен многим после его кончины. Просьбу о снятии портрета с него и потом неоднократно повторял затворник, так что, наконец был снят с него портрет масляными красками одним из святогорских иноков...»* [16, с.45-46].

В середине декабря 1859 г. князь находился уже в с. Богородском Курской губернии, покинув Святые Горы без соответствующего разрешения. Самовольный отъезд князя стал предметом особого разбирательства и ужесточения надзора за ним. Исполняющий обязанности Курского губернатора сообщал шефу жандармов В.А. Долгорукову 5 марта 1860 г., что *«принимая во внимание последний произвольный переезд его (князя – авт.) из*

имения Тайной Советницы Потемкиной Святые Горы Харьковской губернии в село Богородское Курской губернии я разделяю вполне мнение Начальника Губернии не в пользу князя Голицына» [3, с.291]. И в этот раз князя выручило вмешательство Т.Б. Потемкиной. В марте того же 1860 г. она добивается нового разрешения императора Александра II на выезд брата к ней в Святогорское имение «для свидания» [3, с.291]. Вероятно, тогда и было решено Т.Б. Потемкиной прибегнуть к помощи известного богослова и историка церкви, правящего архиерея Харьковской епархии, архиепископа Макария (Булгакова). Получив разрешение императора и отношение Обер-прокурора Святейшего Синода, Н.Б. Голицын отправляется на аудиенцию к владыке Макарию в Харьков. Вследствие тщательнейшего полицейского надзора за князем, его передвижение фиксировалось документально, благодаря чему доподлинно известно, что в Харьков князь Н.Б. Голицын прибыл 14 мая и выехал после собеседования с преосвященным Макарием 17 мая 1860 г. Владыка Макарий направил в Святейший Синод благоприятный для опального князя доклад. Это послужило основанием для снятия ограничения по передвижению в пределах страны, однако за пределы России князю Н.Б. Голицыну по прежнему было запрещено выезжать [3, с.205]. Кроме того, князь вынужден был дать на имя Курского губернатора подписку о том, что никогда не будет печатать за границей или распространять иным образом рукописей, противных православию и вообще правилам цензуры [3, с.295]. Таким образом, опыт литературных изысканий в церковном вопросе оказался для князя весьма болезненным, хотя в последствии столичные газеты единодушно писали, что санкции в отношении Ветерана 1812 года явились следствием действий его недругов [3, с.203].

Таким образом, Святые Горы сыграли особую роль в жизни опального князя и стали местом его последнего пристанища. Н.Б. Голицын любил бывать в имении своей сестры и прекрасно описал Святые Горы в путевых заметках «Поездка в полуденную Россию...» [18] Это произведение в целом посвящено впечатлениям князя Н.Б. Голицына от путешествия по городам Крыма. В 1844 г. князь гостил в родовом имении Голицыных «Артек», принадлежащего Т.Б. Потемкиной. Узнав о готовящихся торжествах в Святых Горах по случаю возобновления древней обители, князь направляется сюда и 12 августа останавливается в доме Потемкиных близ монастыря [Ил. 8]. В путевых заметках князь вначале знакомит читателя с историей Святогорского монастыря: «... *основание монастыря следует отнести к первым временам распространения христианства в России. Положительных преданий или документов*

о том не существует, но это можно заключить из многих обстоятельств. Эти места с давних времен именовались в народе Святыми Горами и всегда посещались усердными богомольцами в день Святого Чудотворца Николая и в праздник Успения Пресвятой Богородицы. На высокой крутой горе иссечена в меловой кремнистой скале церковь во имя св. чудотворца Николая...» [18, с.162]. Здесь же автор приводит довольно ценные для историков и архитекторов сведения о существовании в 1844 г. соединения пещерами старого Успенского собора и Николаевской церкви на скале (впоследствии эти входы и выходы были уничтожены при строительстве нового собора и реконструкции «меловой церкви» - авт.). Н.Б. Голицын довольно точно указывает на основные вехи недавнего прошлого монастыря: закрытие обители Указом Екатерины II от 10 апреля 1786 г., факт дарения императрицей Екатериной II Святогорского имения князю Г. Потемкину-Таврическому, наследование Святых Гор его племянниками и племянницами, вплоть до Александра Михайловича Потемкина.

Но наиболее ценными свидетельствами автора является подробное описание хода торжеств по освящению вновь открытого монастыря с 12 по 16 августа 1844 года. В первый день, 12 августа, «преосвященный (архиепископ Харьковский и Ахтырский Иннокентий (Борисов) – авт.) пожелал отслушать обедню по чину и напеву иноков Святогорской обители...» [18, с.164]. Интересно, что князь называет здесь число монахов и послушников до сорока пяти, что несколько расходится с устоявшимся мнением о 12 иноках обители при открытии монастыря. Будучи близким родственником возобновителей Святогорского монастыря, князь имел доступ к документам по открытию, поэтому одним из первых сообщил читателям о новом наименовании монастыря – Успенская Святогорская общежительная пустынь и Уставе обители по типу Софрониевской и Глинской пустыней Курской епархии [18, с.163].

«14 числа, - пишет Н.Б. Голицын, - Пресвященный, взойдя со всем духовенством на гору, где иссечена в меловой скале церковь, совершил там литургию. Эта церковь стоит на высоком холму, почти отвесно 60 сажень (125 м – авт.) возвышаемая над рекою Северным Донцом... все присутствующие стояли на неподвижной скале, прослужившей множество веков и вселяющей в утробе своей останки праведников, некогда населявших древнюю обитель» [18, с.164].

В этой части своего повествования автор свидетельствует, что к августу 1844 г. в мелой скале была обнаружена усыпальница иноков древнего монастыря, о которой в более ранних источниках сведений нет.

Весьма ценными историческими свидетельствами являются описания князя Н.Б. Голицына превнесения в обновленный монастырь иконы Успения Богоматери с мощами Угодников Киево-Печерских, которая прислана была на благословение обители митрополитом Киевским. *«Из с. Богородичное крестным ходом икона была доставлена 14 августа: и в пять часов пополудни преосвященный Владыка отправился с многочисленным духовенством в село Богородское; перед самым селом надобно было ему переправиться через Донец на пароме: церковь с полверсты за рекой... Представьте себе оба берега реки, усеянные многими тысячами народа, всю процессию, остановившеюся на середине реки, откуда возносятся теплыми молитвами к Всевышнему, при умилительном напеве стройного хора архиерейских певчих: и эта религиозная сцена проходит посреди очаровательной природы, оживляемой зеленеющими лучами, прекрасными роцями, лесами и живописными горами...»* [18, с.164] Само торжество освящения вновь открытой обители состоялось 15 августа. *«В день Успения Пресвятой Богородицы Преосвященный совершил литургию в храмовой церкви... По окончании обедни, он, со всем духовенством, прошел через все пещеры, и поднявшись на последнюю вершину гор, несравненно выше самой церкви Святого Николая, он на этом возвышенном месте отслужил молебствие, уставом церковным определенное при восстановлении монастырей, с коленоприклонением и водосвятием (на этом месте через 20 лет, в 1864 г. была построена и освящена Преображенская церковь – авт.)* [18, с.165-166].

16 августа была освящена временная, новоустроенная церковь в с. Богородичном, которая через 3 года была перестроена Потемкиными в каменный храм во имя иконы Божьей Матери «Всех скорбящих Радость» [23, с.100].

Свои повествования князь Н.Б. Голицын закончил словами: «Да услышит Господь Бог, чтобы и эта Святая Святогорская обитель была всегда селением праведников на земле» [18, с.166].

Тогда еще высокородный князь не предполагал, что через 22 года его тело будет предано земле именно здесь, в стенах Святой Святогорской обители на Северском Донце.

Известный писатель XX в., Юрий Нагибин, весьма глубоко изучивший жизненный путь князей Голицыных так охарактеризовал личность Н.Б. Голицына: *«Участник войны двенадцатого года, храбрый офицер, аристократ с головы до пят, европеец по взглядам, привычкам, всему поведению... Недоужинный, очень одаренный и едко умный человек, он прожил как-то сбоку от своего времени, не решившись всерьез вмешаться в его коловращение. Во*

всем он останавливался на пороге: в музыке, поэзии, идейной борьбе – еще шаг, и он бы резко обрисовался, выделился в групповом портрете Петербургских и провинциальных светских львов. Но этого усилия он не сделал – не хотел» [14, с.2].

Литература:

1. **Алексеев М.** Русские встречи и связи Бетховена.// Русская книга о Бетховене. – М., 1927; Гинзбург Л. История виолончельного искусства кн.2.//Бетховен. Сб. статей. Вып.2. – М., 1972; Горяйнов Ю.С. Музыкант, воин, просветитель.//Музыкальная жизнь, 1981, №9. Фишман Н. Этюды и очерки по Бетховениане.- М., 1982.
2. Генплан историко-архитектурного заповедника г. Славяногорска. – Киев: Ин-т «Укрпроектреставрация», 1988 г. – Научный архив Святогоского историко-архитектурного заповедника (НА СИАЗ), ф.1, оп.38, д.4.
3. **Горяйнов Ю.С.** Жизнеописание князя Николая Борисовича Голицына (воин, музыкант, просветитель) – Белгород: изд. Белгородской областной типографии, 1999. – 380 с.
4. **Горяйнов Ю.С.** Князь Николай Борисович Голицын – Белгород: изд. Белгородской областной типографии, 1991. – 46 с.
5. Государственный архив Российской Федерации, ф.109, оп.1857, ед.хр.362. – «Дело Миклашевского Юрия (Георгия), причастности к нему Н.Б. Голицына и его сына Николая Голицына».
6. Государственный архив Российской Федерации, ф.109, оп.1857, ед.хр.28 «Дело об издании Н.Б. Голицыным книги «О возможном соединении Российской церкви с Западною...».
7. **Дедов В.Н.** Некрополь XIX в. при церкви пр. Антония и Феодосия Святогорской Свято-Успенской Лавры//Святогірський альманах – 2006. Зб. наукових праць. КЗ „Державний історико-архітектурний заповідник у м. Святогірську – Донецьк: журнал „Донбас”, ООО „РА Ваш імідж”, 2006, - с.19-38; Жилинская Е. Святогорская Успенская общежительная пустынь. – Одесса: тип. Фесенко Е.Н., 1902.
8. **Дедов В.Н., Цимиданов В.В.** Раскопки социально-неординарных погребений XIX века в Святогорском монастыре.//Материалы исследований, реставрации и использовании памятников истории и культуры. Научно-практический семинар к 15 летию Славяногорского историко-архитектурного заповедника. – Славяногорск, 1995, - с.57-67.

9. Жизнеописание генерала от кавалерии Емануеля, сочиненное князем Н.Б. Голицыным. – Спб.: Тип. Н. Грега, 1851 – 195 с.
10. Жилинская Е. Святогорская общежительная пустынь. – Одесса: тип. Фесенко Е.Н., 1902.
11. Историческая записка о памятнике архитектуры XVII в. подземной церкви пр. Антония и Феодосия Святогорского Успенского монастыря. – Святогорск, 1984 – НА СИАЗ, ф.1, оп.26, д.4.
12. **Князь Николай Голицын.** Переход через Кавказские горы.//Библиотека для чтения – 1837, т.23, с. 18-26.
13. Материалы для полной родословной росписи князей Голицыных, собранные князем Н.Н. Голицыным. – Киев: тип. Е.Я. Федорова, 1880.
14. **Нагибин Ю.М.** Сильные всех иных велений. (Князь Юрка Голицын). Повесть. – «Роман-газета», 1988, №17. – М.: Госполитиздат. – 64с.
15. **Никольский С.В.** Памятники Бородинского поля.//1812 год. Сборник статей к 150-летию Отечественной войны. – М.: АН СССР, 1962. – с. 278-289.
16. Очерк жизни затворника Святогорской пустыни иеромонаха Иоанна. Изд.5. – Одесса: тип. Е.И. Фесенко, 1888.
17. Очерк военных сцен 1812-1814. Записки князя Николая Борисовича Голицына.//Русский архив, 1884 – II – 6. – с.338-374.
18. Поездка в полуденную Россию к берегам Тавриды в 1844 году князя Николая Борисовича Голицына.//Московитянин, 1845, ч.III №5-6. – М.: Университетская типография, 1845. – с. 146-181.
19. Распоряжение председателя Донецкого облисполкома от 10.11. 1984 г. №663 – р.
20. Религия в России/Люди. – <http://religion.russ.ru/people/20020206/-lynsy.html>
21. Русские портреты XVIII и XIX веков. Изд. Вел.кн.Н.М. Романова, т.1. – М.: Минувшее, 2003. – 587 с.
22. Русские портреты XVIII и XIX веков. Изд. Вел.кн.Н.М. Романова, т.1. – М.: Три века истории, 2000. – 679 с.
23. Архивные источники:
24. **Языкова И.К.** Путь к истине. Прошлое и настоящее Святогорья. – М.: Дом Печати «Имидж Пресс», 2006 – 204с.

Ил. 1. Подземная церковь
пр. Антония и
Феодосия –
овощехранилище
санатория им. Артема. Фото
1983 г.

Ил. 2. Павильон
при входе в
церковь пр.
Антония
и Феодосия –
усыпальница кн.
Голицыных XIX в.
С литографии XIX
в.

Ил. 3. Разрушенный склеп усыпальницы кн. Голицыных. Археологи-исследователи (слева - направо): Полидович О.Б., Дегерменджи С.М., Колесник А.В., Цимиданов В.В., сидит - Подобед В.А. Фото 1993 г. (левый снимок). Подземный склеп усыпальницы кн. Голицыных, после восстановления в 1994 г. (правый снимок).

Ил.4.Павильон над усыпальницей князей Голицыных. Современный вид.

Ил. 5. М. Ростропович
на могиле
виолончелиста князя
Н.Б. Голицына.
Август 2000 г.

Ил. 6. Князь Н.Б. Голицын в
форме Киевского драгунского
полка.

Ил. 7. Князь Н.Б. Голицын
Миниатюра XIX в.

Ил. 8. Дом
Потемкиных в
Святых Горах.
Фото XIX в.

Ил. 9. Святогорской пустыни
затворник иеросхимонах
Иоанн.
С литографии 1902 г.

Ил. 9. Святогорской Пустыни Затворникъ Иеросхимонахъ Іоаннъ

**Досвід реконструкції пам'ятника XIX ст.
«Садиба Потьомкіних в Святих Горах»
з фрагментами експозиції меморіального характеру**

З метою збереження та відтворення історико-культурної спадщини Донецької області, а також в зв'язку з затвердженням в 2002р. нового Генерального плану розвитку м. Святогірська, дирекцією Святогірського державного історико-архітектурного заповідника розроблена програма відтворення історичного об'єкту XIX ст. «Садиба Потьомкіних» з подальшим пристосуванням його під музейний комплекс. Збереглися декілька історичних фото XIX- поч. XX ст. які визначають топографію місцезнаходження будівель і надають уявлення про їх архітектуру [Лл.1].

В 2004 р. заповідником були організовані архітектурно-археологічні дослідження на місці «Садиби» . Під час натурних досліджень відкриті фундаменти будинку-палацу та двох флігелів, фрагменти підлоги у двох приміщеннях, лицьові грані стін з вирубленими пілястрами, вимощення яке існувало перед будівлею.

Під час розкопок виявлена значна кількість профільованого фасадного та інтер'єрного декору, залишки фарфорового посуду, мармурові фрагменти, фрагменти камінної полки з синім орнаментом. Дослідники - архітектори та науковці прийшли до висновку, що споруди були виконані з цегли з застосуванням білого тесаного каменю вапняку та потиньковані. Результати дослідження були викладені на Всеукраїнській науково-практичній конференції питань збереження культурної спадщини в м. Святогірську 2005 р. [5].

Крім того паралельно велась науково-дослідницька робота в архівних установах, бібліотеках України та за її межами. На основі цього був проведений аналіз періодів будівництва, перебудов, зміни володарів маєтку. Результати наукових робіт розглянуті в статті мистецтвознавця Лівшиця Ю.А. « Историческое обоснование проекта воссоздания Усадьбы А.М. Потемкина в Святих Горах» [6]. Проведені натурні дослідження, обмір залишків будівель, а також дослідницька робота з ілюстративним та іконографічним матеріалами дозволили розробити архітектурний проект відновлення пам'ятника XIX ст. «Садиба Потьомкіних» (архітектор Г.А. Дядюшенко м. Київ) [10]. Проект передбачає реставрацію комплексу будівель Садиби на період XIX ст.. в складі палацу та двох флігелів [Лл. 2].

Відновлення «Садиби» передбачає пристосування її під музейний комплекс, де планується розгорнути музейні експозиції та виставки,

розташувати адміністрацію музею - заповідника, відновити садово-паркову зону з малими архітектурними формами.

В основній будівлі – палаці Потьомкіних запроєктована головна частина експозиції музейного комплексу, що буде займати 1,2,3-й поверхи

загальною площею - 850 м². В 2006 р. розроблена і затверджена Науковою радою заповідника наукова концепція історичного музейного комплексу за загальною тематикою «Історико - культурна спадщина Святогір'я» [9]. В цьому ж році концепція пристосування «Садиби Потьомкіних» під музейний комплекс була опублікована автором цієї статті в збірці «Святогірський альманах – 2006» [13].

За тематичною структурою музейна експозиція розподіляється на три основні частини. Перша частина розкриває історію нашого краю з кам'яного віку і простежує її до пізнього середньовіччя, друга - з перших споминів в документальних джерелах про Святі гори, печерного монастиря в крейдяній скелі XVII ст. і до формування архітектурного ансамблю Святогірського монастиря XIX ст., та висвітлення наукових досліджень і реставрації пам'ятників архітектури Святогірського монастиря в XX ст. Перша і друга частини історичного комплексу це практично вже існуючі експозиції історичного музею заповідника – теми над якими науковці працюють не перший рік. За цей час зроблені цікаві наукові розробки – це перш за все дві діорами-макети з показом монастиря В XVII ст. та XIX ст., наукова реконструкція кургану - поховання епохи міді-бронзи (3-2 тис. до н. е.) на території нашого краю та інше.

Третя частина історичного музею присвячена створенню експозиції меморіального характеру, що розкриває життя, побут та історичні події в житті володарів Садиби Потьомкіних - Рібоп'єрів та осіб, що перебували тут, показ творчого надбання діячів культури XIX ст., що працювали над своїми творами в Святих горах. В попередній роботі автора визначені функціональні призначення меморіальної частини експозиції на третьому поверсі Будинку-Палацу [13 с.156]. Метою цієї роботи є представити результати пошукової роботи заповідника щодо формування колекції меморіального характеру і перший досвід виставкової діяльності 2007 року по цій темі. Робота проводилась за двома основними напрямками:

- пошук інформації щодо володарів маєтку починаючи з Світлішого князя Г.О.Потьомкіна і його спадкоємців включаючи пошук меморіальних, побутових речей та документів, що розкривали б цю тему;
- розробка тематико – експозиційного плану та створення виставки присвяченої проекту відновлення «Садиби

Потьомкіних» з фрагментами експозиції меморіального характеру. [11].

Ця виставка, відкрита 18 травня 2007р. в приміщенні історичного музею заповідника стала першою спробою побудови експозиції меморіального характеру майбутнього музею. Перш за все експозиція заповнює інформаційний вакуум щодо осіб яким належав цей масток, а також представляє фрагменти інтер'єру Палацу згідно проекту відновлення пам'ятника.

Зібрана інформація дала можливість відтворити галерею портретів володарів мастку на основі публікацій цих портретів в виданнях ХІХ ст. [Пл. 10].

В основу лягло зібрання Великого князя Миколи Михайловича Романова «Русские портреты XVIII и XIX веков.» в5-ти томах вид.1908р.

- портрет Світлішого князя Г.О.Потьомкіна худ.Лампі (7, с.12)
- портрет В.В.Енгельгардта автор невідомий (8, с.98)
- портрет княгині Т.В.Юсупової худ. В. Лебрен (8, с.18)
- портрет графині К.М. Рібоп'єр худ Боровиковський (8, с.38).

Матеріали по портрету О.М. Потьомкіна знайдені в виданні автора К.Шабельської «Святогорская Успенская Общежительная Пустынь.» [12, с.81]. Сьогодні відомо декілька портретів Т.Б. Потьомкіної(нар. кн. Голіцина) в різні періоди її життя. В галереї портретів використаний портрет Т.Б. Потьомкіної сучасного художника Капран С.М. (м. Ізюм) [Пл. 3]. Портрет виконаний на замовлення заповідника на підставі ілюстрації портрета Т.Б. Потьомкіної в виданні дослідника Ю. Горайнова [3, с.55]. Портрет останнього володаря Святогірського мастку графа Г.І. Рібоп'єра написаний художником Алатарцевим М.Д. (м. Харків) [Пл. 4] на підставі фотоматеріалів в сучасних періодичних виданнях [2, с.72]. Письму Алатарцева М.Д. належать і портрети Г. Потьомкіна, В.Енгельгардта, Т.Юсупової, К.Рібоп'єр, О.Потьомкіна [Пл.5,6,7,8,9]. Унікальність цієї колекції полягає в тому, що всі ці портрети зібрані разом в одному місці, чого не було навіть за часів їх створення. Зараз оригінальні портрети зберігаються в різних музейних колекціях світу, приватних колекціях, а інформація про перебування деяких з них на цей час на жаль відсутня. Крім портретів в експозиції виставки представлені всі родові та особисті герби володарів, що також цікавлять відвідувачів експозиції тому, що розповідь про них дає інформацію про родини, родинні зв'язки історичні події пов'язані з ними.

Центральну частину експозиції «Садиба Потьомкіних в Святих горах» займає макет комплексу споруд ХІХ ст. в складі Палацу Потьомкіних та двох флігелів про них сучасники відмічали, що вони збудовані в стилі «італійської вілли». Макет виконаний в ландшафті, на підставі

робочого проекту відновлення будівель та споруд Садиби Потьомкіних - Рібоп'єрів в [Лл.11].

Додатковим і інформаційним матеріалом по Садибі є літографічні зображення типографії «Поль-Петі» Вид на Святогорську пустынь с веранды усадьбы Потемкиных в Святогорье» та листівка з видом на Будинок Потьомкіна. Ці літографічні зображення XIX ст. були втілені в канву експозиції виставки в формі лайтбоксів [Лл..12].

Звичайно ж цим видом милувалися відомі художники XIX ст., що пере-бували в Святих Горах. Це перш за все С.І.Васильківський ,О.В. Гіне, І.Ю Рєпін. Для експозиції були зроблені цифрові фотокопії картин С.І. Васильківського, О.В. Гіне в натуральний розмір на яких зображено Святогірський монастир - оригінали яких зберігаються в фондах Харківських музеїв художнього та історичного. Сучасні художники теж відтворюють на своїх полотнах цей унікальний куточок в їх роботах ми знаходимо і втрачені на цей час пам'ятники історії та архітектури, так в експозиції представлена робота художника М.Д. Алатарцева «Садиба Потьомкіних» де художник відтворив в своїй картині Палац з фрагментом садово-паркової архітектури – скульптурної композиції з фонтаном.

В експозиції відтворений також фрагмент інтер'єру Палацу - як камін в стилі XIX ст., з комплектом унікальних накамінних ваз виробництва однієї з королівських мануфактур Франції к. XIX ст. прикрашених творами ливарного мистецтва з бронзи на морську тематику [Лл.13,14].

Науковцями заповідника проводиться достатньо кропітка робота по пошуку речей дворянського побуту в наслідок чого в фондах з'явилась нова інвентарна група «Меблі» деякі предмети цієї групи виставлені в цій експозиції. З великою вірогідністю можна стверджувати, що володарям Садиби належали дзеркало в стилі «рококо» (XIX ст.), гарнітур для вітальні – диван та два крісла(XIX ст.), люстра виробництва Німеччини (XIX ст.) та інше. [Лл. 15, 16, 17].

Звичайно ж створена експозиція не зможе достатньо розкрити тематику меморіальної частини історичного комплексу в садибі Потьомкіних, тому

продовжуються робота над цією тематикою згідно розробленої наукової концепції. На III поверсі Будинку-палацу вже запроєктовані музейні зали які відтворюють домашню церкву Потьомкіних - Рібоп'єрів на честь Святого Олександра Невського. Встановлено, що цей храм був освячений харківським єпископом Філаретом в 1854р. Саме в цій церкві настоятель Святогірського монастиря архімандрит Герман проводив богослужіння під час відвідування Святогірського монастиря та Садиби Потьомкіних родиною імператора Олександра II в серпні 1861р. В церкві планується відтворення іконостасу в стилі XIX

ст. та виставити ікони XIX ст. з фондів заповідника. Відповідно також відновлюється панікаділо, підсвічники, церковна утварь.

Планується також за проектом відновлення зробити зал-вітальню де господарі Садиби приймали гостей – знаменитих осіб, що відвідували Святогірський монастир. Саме для цього приміщення придбаний меблевий гарнітур для вітальні XIX ст., написана галерея портретів власників Садиби.

В Святогірському маєтку Потьомкіних неодноразово бував у своєї рідної сестри Тетяни Борисівни Потьомкіної князь Микола Борисович Голіцин – герой Вітчизняної війни 1812р., найкращий на той час віолончеліст Росії, літератор, високоосвічена людина. Звичайно ж тут звучала музика і тому в вітальні представлено піаніно фірми Арнольда Фібігера кінця XIX ст. [іл. 18]

Особливе місце в меморіальній частині музею відведене кабінету господарів. Експозицію планується збудувати так, щоб відвідувачі відчували їх характер, звички та незримо відчувалась атмосфера того часу. Перш за все в кабінеті буде бібліотека і планується виставити книги та журнали XIX ст. з фондів заповідника, також планується розмістити відповідні меблі XIX – поч. XX ст. В цьому приміщенні будуть представлені нагороди господарів, тому заповідником придбана цікава колекція муляжів знаків орденів Російської імперії якими були нагороджені за заслуги перед Вітчизною Олександр Михайлович Потьомкін та граф Георгій Іванович Рібопьер.

О.М. Потьомкін був учасником Вітчизняної Війни 1812р. за мужність і хоробрість був нагороджений Орденом Св. Анни IVст. пруським Орденом Залізної корони. За державну службу, на якій О.М. Потьомкін з 1827р. по 1872р. був нагороджений Орденом Білого Орла, Орденом Св. Олександра Невського, діамантовими підвісками до Ордену Олександра Невського, Орденом Св. Володимира I ст.[Іл. 19].

Граф Г.І. Рібопьер був на військовій службі, приймав участь в русько-турецькій війні 1877-1878р.р., за мужність та героїзм був нагороджений Орденом Св. Анни IVст., французьким Орденом почесного Легіону та румунським Залізним Хрестом.[6].

Оздоблення кабінету планується відтворити так як це було при останньому господарі Садиби графі Г.І. Рібопьері. Георгій Іванович ще з дитинства захопився спортивними змаганнями і це захоплення він проніс через все своє життя. Граф був одним із меценатів, що фінансували поїздки атлетів Російської імперії до Олімпійських Ігор, крім того він 13 років був членом Міжнародного Олімпійського комітету. Тому в кабінеті планується розмістити фотографії відомих борців І. Піддубного, Г. Гаккеншмідта, Г. Мейєра – які дістали високі титули чемпіонів завдяки меценатству графа [1,с.73].

Крім того планується придбати і розмістити в інтер'єрі кабінету декілька художніх творів на яких зображені чистопородні коні, скульптури на цю тематику. В літературі не зберігся опис кабінету графа в Святогірському маєтку, але ми маємо опис його кабінетів в Москві та Петербурзі «...В петербургском кабинете, над письменным столом, висел очень хороший портрет его любимца, белого жеребца Витязя, по бокам- портреты жеребца Павлина и кобылы Энгельгардта Приманчивой. Все три портрета работы Сверчкова. Тут же, на письменном столе, лежал кожаный портсигар – такой, какие были в моде в восьмидесятые годы, и на нем красовалась миниатюра на слоновой кости той же приманчивой работы Сверчкова. Очень интересен был портрет кисти Швабе, исполненный в п'ятидесяте годы, он изображал гусара верхом на белой лошади.

В московском доме висело много портретов чистокровных лошадей графа, старых гравюр английских лошадей, фотографий современных знаменитостей и три портрета кисти Сверчкова.» [1,с.260]. І далі: «Петербургский особняк снаружи выглядел очень скромно, но внутри это был дворец. ...Здесь были фамильные портрты кисти лучших мастеров: и Левицкого, и Боровиковского, и других. Были и вещи, жалованные Екатериной Великой или перешедшие по наследству от Потьомкина-Таврического и князя Юсупова, первого русского коллекционера, обладателя собрания, имевшего мировое значение и мировую ценность. Рибопьер очень любил старину и разбирался в ней.» [2,72]. Ці записи дають уяву не тільки про захоплення графа, але і важливий матеріал по оформлення меморіальної частини експозиції.

Ще одне приміщення III поверху планується присвятити побуту дворянської оселі – де крім меблі буде представлений порцеляновий посуд XIX – XX ст.ст., вази, скульптури, дрібна пластика та інші речі.

Діюча сьогодні виставка «Садиба Потьомкіних в Святих Горах» звичайно ж визиває попит та зацікавленість відвідувачів заповідника, але це лише перший штрих в розробці музейної експозиції меморіального характеру.

Література:

1. **Бутович І.Я.** «Мои полканы и лебеди». Воспоминания конезаводчика. – Пермь: Три века, 2003 - 260 с.
2. **Воронин В.** «Тот ли это Рибопьер?» жур. Родина, 2007, №5, - Москва, с.71-73.

3. **Горайнов Ю.С.** Жизнеописание князя Николая Борисовича Голицына (воин, музыкант, просветитель). – Белгород: Белгородская обл. типография, 1999 – 360 с.
4. **Дєдов В.** «Святогорское имение и его владельцы с к.ХVIII до н.ХХ века.» - Донецьк: Ваш імідж, 2007 - 56 с.
5. **Дядюшенко Г.А.** Обґрунтування архітектурних рішень при відтворенні Садиби Потьомкіна ХІХст. у с Тетянівка Слов'янського району Донецької обл.//Матеріали Всеукраїнської конференції на базі Державного історико-архітектурного заповідника м. Святогірська Донецької обл.. - Слов'янськ: «Печатный двор», 2005, с.47-50.
6. **Лівшиц Ю.А.** Историческое обоснование проекта воссоздания Усадьбы А.М.Потемкина в Святых Горах.//Матеріали Всеукраїнської конференції ...», 2005, с. 228-235.
7. Русские портреты ХVIII-ХІХ веков. Изд. Великого князя Николая Михайловича Романова т.ІІ - М.: Три века истории, 2000 - 680 с.
8. Русские портреты ХVIII-ХІХ веков. Изд. Великого князя Николая Михайловича Романова т.ІV. - М.: Три века истории, 2000 - 708 с.
9. «Садиба Потьомкіних ХІХ ст.» Наукова концепція пристосування об'єкту культурного надбання «Садиба Потьомкіних ХІХ ст.» під музейний комплекс Державного історико-архітектурного заповідника в м.Святогірську. НА СДІАЗ, ф.3 оп.3 спр.30
10. «Садиба Потьомкіних ХІХст.»Проект ремонтно-реставраційних робіт. СПД Дядюшенко В.С. Київ. 2004. НА СДІАЗ, фонд СП.
11. «Садиба Потьомкіна ХІХ ст. в Святих Горах» Тематико-експозиційний план виставки-презентації «Садиба Потьомкіних в Святих Горах». НА СДІАЗ, ф.3 оп.3 спр.29.
12. **Шабельська К.** «Святогорская Успенская Общежительная пустынь» - Одесса: тип. Фесенко. 1902.
13. **Шарабан С.С.** «Концепция приспособления объекта культурного наследия «Усадьба А.М. Потемкина ХІХ в.» под музейный комплекс Государственного историко-архитектурного заповедника в г.Святогорске Донецкой обл.»//Святогірський альманах 2006р. Зб. наукових праць – Донецьк: Ваш імідж, 2006, с.150-158.

Іл. 1. Будинок Потьомкіних - Рібоп'єрів XIX ст.

Іл. 2. Проект відновлення Садиби Потьомкіних (авт. арх. Дядюшенко Г.А.)
2004 рік. Демонстраційний матеріал.

Іл. 3. Портрет
Т.Б. Потьомківої
(народжена княгиня
Голіцина)

Іл. 4. Портрет графа
Г.Л. Рібопшера.

Іл. 5. Портрет князя
Г. Потьомкіна-Гаврійського

Іл. 6. Портрет
В.В. Енгельгардта

Іл. 7. Портрет княгині
Т.В. Юсупової

Іл. 8. Портрет графині
К.М. Рібопшер

Іл. 9. Портрет
О.М. Потьомкін

Іл. 19. Знаки орденів
якими був нагороджений
О.М. Потьомкін

Іл. 10. Галерея портретів володарів Садиби в Святих Горах.
Фрагмент експозиції виставки.

Іл. 11. Макет Садиби Потьомкіних XIX ст. М 1:100

Іл. 12. Вид з галереї палацу
Потьомкіних на Святих горах..
Фрагмент експозиції виставки.

Іл. 13. Макет каміну в палаці Потьомкіних.
Фрагмент експозиції виставки.

Іл. 14. Накамінні вази. Франція. 1895 р.

Іл. 15. Дзеркало. Рококо. XIX ст.

Лл. 16, 17. Меблі та люстра з вітальні палацу Потьомкіних. Фрагмент експозиції виставки.

Лл. 18. Фортепіано ХІХ ст. Фрагмент експозиції виставки.

Свідчення про авторів.

- Гриб Володимир Костянтинович** - помічник ректора Донецького інституту автомобільного транспорту (м. Донецьк)
- Давиденко Володимир Вікторович** - викладач Краматорського економіко-гуманітарного інституту (м. Краматорськ Донецької області)
- Дєдов Володимир Миколайович** - директор КЗ «Державний історико-архітектурний заповідник в м. Святогірську», засл. працівник культури України (м. Святогірськ)
- Дєдова Ярослава Дмитрівна** - зав. науково-просвітницьким відділом КЗ «Державний історико-архітектурний заповідник в м. Святогірську» (м. Святогірськ)
- Дутка Ігор Іванович** - канд. техн. наук, зав. відділом приватизації житла Франківського району м. Львова (м. Львів)
- Дядюшенко Галина Андріївна** - архітектор, автор проектів реставрації пам'ятників архітектури XVII-XIX ст. Святогірського Успенського монастиря (м. Київ)
- Коваль Юрій Георгійович** - ст. наук. співробітник Донецького обласного краєзнавчого музею (м. Донецьк)
- Колесник Олександр Вікторович** - канд. іст. наук, доцент Донецького національного університету (м. Донецьк)
- Кондратьєв Андрій Вікторович** - історик, м. Димитрово Донецької області
- Кравченко Едуард Євгенійович** - ст. наук. співробітник Донецького обласного краєзнавчого музею (м. Донецьк)
- Мірошніченко Вера Віталіївна** - мол. наук. співробітник Донецького обласного краєзнавчого музею (м. Донецьк)
- Отець Олександр (Панасенко Олександр Вікторович)** - настоятель Свято-Преображенського храму в м. Сіверськ Артемівського району Донецької області
- Пірко Василь Олексійович** - докт іст. наук, професор Донецького національного університету (м. Донецьк)
- Пуцінська Ірина Богданівна** – оцінювач нерухомого майна (м. Львів)
- Соляник Ганна Анатоліївна** - ст. наук. співробітник КЗ «Державний історико- архітектурний заповідник в м. Святогірську» (м. Святогірськ)
- Хозін Сергій Романович** - історик, м. Донецьк
- Шарабан Світлана Сергіївна** - голов. зберігач фондів КЗ «Державний історико-архітектурний заповідник в м. Святогірську» (м. Святогірськ)

Зміст

Вступ.

Розділ I Археологічні дослідження.

Колесник А.В.Коваль Ю.Г.Давыденко В.В. г. Донецк.
**Позднепалеолитическая кремнеобрабатывающая мастерская
“Шарукань” на Северском Донце**

Хозин С.Р. г. Донецк.
**Гуно-сарматское поселение Святогорск – X
в среднем течении Северского Донца**

Гриб В.К. Хозин С.Р. г. Донецк.
**Средневековый «реликварий» из раскопок поселения Выдылыха
на Северском Донце**

Кондратьев А.В. г. Димитрово Донецкой обл.
**Культурный слой XVII века в урочище Выдылыха на Северском
Донце**

Кравченко Э.Е. Мирошниченко В.В. г. Донецк.
**Материальная культура населения среднего течения
Северского Донца на рубеже XVII-XVIII вв.
(по материалам раскопок поселения Казачья Пристань)**

Отец Александр (Панасенко А.В.) г. Северск Донецкой обл.
**Священник Василий Спесивцев и его вклад в археологическую
науку**

Розділ II

II. Историчні та пам'яткоохоронні дослідження. Музеєзнавство.

Давыденко В.В., Пирко В.А. г. Донецк
**Маяцкая крепость – первый укрепленный погранично сторожевой
пункт XVII века (фортификация и планировка)**

Дедов В.Н. г. Святогорск
Святогорское имение и его владельцы с к. XVIII до нач. XX в.

Дедова Я.Д. м. Святогірськ
Творча палітра Святих Гір

Дутка І.І. Пушчінська І.Б. м. Львів.

Формування і роль монастирів в Україні та принципи побудови їх ландшафтно-планувальних схем на прикладі Святогірського Успенського монастиря

Дядюшенко Г.А., Дутка І.І., Дедов В.М. м. Київ м. Львів м. Святогірськ
Досвід дослідження впливу новобудов на пам'ятки сакральної архітектури Святогірського історико-архітектурного заповідника

Соляник А.А., Дедов В.М. г. Святогорск.

Святыя Горы в жизни и творчестве князя Н.Б. Голицына

Шарабан С.С. м. Святогірськ

Досвід реконструкції пам'ятки ХІХ ст. «Садиба Потьомкіних в Святих Горах» з фрагментами експозиції меморіального характеру

Свідчення про авторів.

Наукове видання

Святогірський альманах 2007

Збірник наукових праць

Комп'ютерна верстка – Ковальов В.В.

Друкується з готового
Оригінал-макету замовника

Підписано до друку 17.12.2007
Формат 60x84/16. Папір офсетний №1.
Гарнітура Times. Комбін. друк.
Фіз.-друк. арк. 13,12. Умов.-друк. арк. 12,35.
Фіз.-друк. арк. 12,78. Зам. №240.
Наклад 300 прим.

Журнал «Донбас»
Донецьк, 83055, вул. Артема, 80а.
Друк ВАТ «РА «Ваш імідж»
Донецьк, 83055, вул. Артема, 80а.
(062) 335-61-37